Виктор Беган

ДЕВУШКА ИЗ ПРОШЛОГО



Москва

2020

Д Е В У Ш К А И З П Р О Ш Л О Г О

Глава 1

Я сидел в тесном кресле, небольшого турбо-моторного самолета польской авиакомпании «EURO LOT», пересекавшего просторы Европы по маршруту из Берлина в Варшаву. Гудели моторы, улыбчивые стюардессы разносили напитки. Пассажиры, наконец-то успокоившись после суматохи посадки, расположились в своих креслах. Кто читал, кто задремал, запрокинув голову, а я вспоминал.

Воспоминания нахлынули на меня, отбросив на тридцать с лишним лет назад, нахлынули сразу, как только закрылась последняя страница книги «Одиночество в сети». Какое совпадение. Я закончил читать роман польского писателя по пути в Польшу. Трагическая, несчастная любовь, зародившаяся в интернете. Или нет! Трагическая жизнь! Любовь прекрасна всегда! В любом её проявлении. Мне кажется, что даже те, для кого она переплелась с болью, обидой, отчаяньем через много лет, для себя, вспоминают её с щемящим чувством радости. Они никогда не признаются в этом, и будут ругать распроклятого испортившего ему всю жизнь. Но засыпая в слезах, тем не менее лелеют воспоминания о той прекрасной поре, когда сердце, распахнутое настежь, когда душа, рванувшаяся в высь, когда тело, изнемогавшее в истоме, стремились на встречу Любви. Счастлив человек, кто хоть раз в жизни испытал настоящую любовь. Вы только представьте себе, что существуют в мире множество людей кому это не ведомо. Несчастные! Обделенные богом! Обойденные судьбой! Они рассуждают на тему, а что такое любовь? Выстраивая химические, физические, психологические теории, так и не познав её величество Любовь. Любовь, даруемую Богом, Любовь, рождённую на небесах.

Глава 2.

Маленький уютный ресторанчик наконец-то найден. Отсутствие посетителей меня только обрадовало. Заказано белое вино Gavi 2009 года, норвежский лосось и что-то из традиционных итальянских паст. Сегодня я буду отмечать своё шестидесятилетие. Как я хотел. Один!

Я специально устроил эту командировку в г. Болонью 19 апреля. Москва-Мюнхен-Болонья. Аэропорты, служащие с дежурными улыбками, добропорядочные пассажиры, сверкающие витрины Duty Free. Я так к этому привык за почти 20 лет работы, связанной с необходимостью покидать дом. Командировки меня не напрягали, внося в однообразный порядок отлаженной жизни новое, неожиданное. Новые люди, новые встречи. Возможные новые отношения. Сначала это были поездки по бескрайним

просторам нашей необъятной родины: заволжские степи, пески Средней Азии, заснеженная лесотундра западной Сибири, украинские Карпаты, убогие районные городки средней полосы России. Во многих местах, где велись великие стройки газотранспортных систем, ступала моя нога. Со временем география командировок расширилась. Все страны Европы, Китай, Америка, пару стран северной Африки были удостоены чести моего посещения.

Первая зарубежная поездка в Берлин в 1993 году для меня была безусловным откровением, даже некоторым шоком. Вспомните Москву 90-х! И вдруг чистые улицы, чистые машины, чистые скатерти в ресторанах и кафе, чистые туалеты. Везде вежливые улыбающиеся люди, которым, впрочем, нет до тебя никакого дела. Это потом я понял, что это просто маски на лицах людей, не менее нас обеспокоенных жизнью и своими проблемами. Магазины, в которых свободно продавали товары, о которых мы только могли мечтать. Улицы, по которым можно было передвигаться свободно, не боясь нарваться на пьяного урода, осыпающего прохожих трехэтажным матом, переходили в зелёные уютные скверы. Здания с непривычной глазу архитектурой, уличные музыканты, реклама, шикарные (как мне казалось тогда) машины, двухэтажные автобусы. Все это я мог видеть только по телевизору и вот я смотрю на это своими глазами, слышу незнакомую речь, дышу этим воздухом Европы. Несмотря на то, что нашлись какие-то ушлые поляки, разыгравшие спектакль с потерей кошелька случайным прохожим у меня на глазах и в конечном итоге ополовинившие мой итак достаточно скромный кошелёк, у меня с тех пор осталось чувство своей защищённости как личности, какой-то уверенности, что я здесь не пропаду, какой-то гордости, что я просто человек, имеющий возможность жить, передвигаться, питаться, говорить. Несмотря на то, что многие европейские ценности в последствии были переоценены, это чувство спокойной уверенности, находясь в Европе, у меня осталось на протяжении долгого времени.

Пожилая, милая итальянка принесла заказанное и скрылась в недрах пустого ресторана, оставив меня снова одного с моими воспоминаниями. Бокал хорошего белого вина помог мне снова окунуться в прошлое.

Глава 3

Всё началось года три назад. Моя жена подсела на «Одноклассники». Социальные сети - достижение и беда нашего времени.

В один прекрасный день на её страницу пришло послание:

«А кем тебе приходится Виктор Г.?» стояла подпись – Людмила Ф. г. Перуджа. Италия.

Жена у меня женщина умная. Много и правильно понимает в этой жизни. Её ум, помноженный на женскую интуицию, женское восприятие мира дает ей большие преимущества. К тому же её эрудиция, память, кругозор часто помогают ей становится в центре, я бы даже сказал во главе окружения. Прибавьте сюда характер женщины, рождённой под знаком Льва. Даже отдельные недостатки, связанные с этим огненным характером и женской логикой (иногда ставящая меня в тупик), не могут сильно уменьшить её плюсы. Я до сих пор у неё учусь и часто беру за основу её советы при принятии своих решений.

Так вот жена рассказала мне об этом послании с легкой иронией, кто же это может меня разыскивать в Италии в городе Перуджа?

Я понял только одно — это привет из прошлого! «Кто эта Людмила Ф.?» Мои мысли закопошились, напрягая память. «Людмила, Людмила? Где, когда я был знаком с Людмилой?».

Анализ страницы сеньоры Ф. сузил круг поисков. Брянск, институт, на год моложе меня. Память снова напряглась, перебирая знакомых девушек моей юности: «Людмила, Людмила?».

Я вспомнил Новый год на втором курсе. Родители куда-то уехали и, конечно, я и мои друзья не преминули воспользоваться существованием пустой (без родственников) квартиры, да ещё в Новогоднюю ночь.

Надо заметить, что после поступления в институт у меня образовались две группы друзей, которые никогда не пересекались. Одна – мои испытанные дворовые ребята, с которыми меня связывал не один год детских и юношеских испытаний, моего становления, как личности, закалки моего тела и духа.

Вторая группа институтских товарищей, с которыми, на тот период, у меня всё было впереди. Целых пять лет.

Так вот именно они и организовали этот Новый год в моей квартире. Впрочем, организация заключалась в приобретении спиртного и уговаривании каких-то Гришкиных знакомых первокурсниц.

Что-то у нас не сложилось. То ли кто-то из девчонок должен был уехать домой, то ли ещё что-то, только уже после отзвучавших курантов мы отправились на первый Брянск (другой конец города) провожать наших новых знакомых. Там мы тоже немного поотмечали. А может и много. В итоге я уже не совсем трезвый, скорее, даже совсем не трезвый, решил отправиться домой. А путь лежал через железнодорожный вокзал, где я должен был сесть на электричку, идущую в мой район.

В то время электрички были востребованным видом транспортного сообщения между районами Брянска, растянувшегося вдоль красавицы

Десны. Да, тогда она была красавица. Не в пример нынешней загаженной, заболоченной, замусоренной речке, уменьшившейся раза в два.

Так вот, я каким-то образом дошёл до вокзала Брянск-1, пьяный, в новогоднюю ночь. Да я вполне мог вместо героя фильма «С легким паром» и очутиться в другом городе, не заметив этого. Но я очутился в комнате милиции при вокзале. Туда я вошёл сам вместо дверей зала ожидания, при этом пытаясь узнать, когда пойдет первая электричка до Бежицы. Слава богу, доблестная советская милиция тоже отмечала Новый год и поэтому вошла в положение бедного студента (предварительно проверив карманы и обнаружив там студенческий билет), не без пинков и толчков проводив меня в зал ожидания, где я, успешно проспав до утра и протрезвев немного, смог наконец то добраться до дома.

Что там было на Брянске-1? Да с кем-то я целовался, с кем-то сидел в обнимку в тёмном углу комнаты. Нет! Я потом не встречал этих первокурсниц. Никогда!

Что было еще? Светлана? Цыганка, учившаяся в другом институте нашего города. Со Светланой мы расстались спокойно, перед моим отъездом по направлению после окончания института в «Саратовтрансгаз». Да и причём здесь Светлана, если девушку из прошлого звали Людмила, и училась она в нашем институте на два года моложе нас, да ещё на другом факультете. Людмила Ф., Людмила Ф.? Что-то эта фамилия мне говорила.

Через некоторое время после означенных событий мы с женой поехали на родину в Брянск. Мы обычно два-три раза в году совершали поездки в родной город, проведать родителей, повидать друзей юности.

В разговоре с мамой я спросил про Ф…х, знает ли она, кто это такие?

Человеческая память достаточно интересно устроена, она запоминает то, что трудно объяснить, почему? Почему какая-то картина, ярким пятном отложилась в её закромах на всю жизнь, а другой эпизод, кажущейся более значимым, испарился? И стоит больших трудов вспомнить вообще, что он был в твоей жизни.

После смерти отца мама жила одна. Она быстро стала забывать, что было вчера. Она это понимала и от понимания нервничала ещё больше. Но то, что было давно, её память хранила надёжно. И сохранила не только последовательность событий, даты, фамилии людей, но и цвета, запахи, ощущения.

Удивительно, но вспоминая, я понимал, что моя память другая. Я как бы помнил головой, восстанавливая события по логической цепочке, но у меня осталось очень мало ощущений и чувств прошлого. Наверное,

тут ещё виноват пол. Женщины помнят душой (сердцем), мужчины головой.

Мама вспомнила быстро и отчетливо. Да жил в нашем подъезде Ф., с отцом на стальзаводе работал, у него, кажется, две дочки были. Одна из них то ли в Израиль уехала, то ли ещё куда. А кто-то из его дочерей и сейчас живет в той квартире. А ещё у него вроде брат был, где-то у магазина «Мечта» жил.

Вот тут меня и пробило. Людмила Ф., у «Мечты»! Память получила толчок и начала потихоньку разматывать клубок, казалось, навечно ушедшего прошлого.

Глава 4

В ресторан вошёл посетитель, молодой итальянец в очках и с кожаным портфелем. Переговорив с официанткой, он сел за столик в углу и развернул газету. Наверное, какой-то служащий средней руки неподалеку расположенного офиса. Я взглянул на часы. Да время ланча! Мне совсем не хотелось, чтобы моё тихое одиночество нарушила куча шумных итальянцев. Впрочем, пока мне никто не мешал.

В пору моей юности я был довольно застенчив, как мне казалось, неуклюж и совершенный профан в отношении с девушками.

Мой первый опыт закончился, не начавшись, в 8-м классе. Тогда было принято обмениваться подарками между мальчиками и девочками на праздники 8-го марта и 23-го февраля. Не нужные игрушки, пластмассовые цветочки, вазочки и прочая ерунда покупались перед 8-м марта и до урока раскладывались на парты девчонок. Класс предварительно закрывался, что бы никто из девчонок не знал, кто кому что дарит. Девчонки стояли кучками и заговорщицки обменивались информацией. Каким-то образом все знали всё. Кто кому дарит подарок, и кто на кого запал. У меня проблем не было. С класса 6-го я дарил подарок на 8-е марта Светке Ходаковой и в ответ на 23-е февраля получал от неё. После получения подарков следовали многозначительные взгляды, подтверждающие или отвергающие расположение девочки. Светлана смотрела на меня с уважением. С уважением за то, что в конкуренции мальчишек, я отстоял её кандидатуру, и ей не достался какой-нибудь отъявленный хулиган или двоечник, или дебил с окраины города (были и такие). Я краснел, отводил взгляд, чтобы через секунду снова взглянуть на неё и снова встретиться со взглядом признания и уважения. У неё была длинная коса ниже пояса, она сидела впереди меня на три ряда и, смотря на неё на уроках, я всегда упирался взглядом в эту косу и длинную тонкую шею.

По окончании 8-го класса многие уходили в техникум, ПТУ или вообще не продолжали учебу. В то время не было обязательного 10-летнего

образования. Выпускной вечер был прощальным, и мы ещё, по сути, дети (по нынешним понятиям) понимали это. Света сама подошла ко мне и пригласила на танец. О ужас! Какой танец? Мало того, что я вообще не имел понятия, как это делается, так я ещё ни разу не дотрагивался до девичьего тела. Даже в невинном танце. Да ещё на виду у всего зала. Меня прошиб пот, я, наверное, покраснел, голос мой дрожал. Но не даром говорят, что девочки раньше взрослеют и раньше начинают всё понимать в этой жизни.

Мы уже знали кто идет в 9-й класс, а кто нет. Она не шла. Наверное, ей хотелось (впрочем, как и мне) что бы этот вечер остался в памяти, как завершающий детство. Я не знаю, как, но она сумела завести разговор и заручиться, что встречать рассвет мы пойдем вместе.

Господи, какое счастье я испытал тогда. Я был выделен девчонкой, которая мне нравилась. Мне предложили вместе встречать рассвет. И значит мы будем целоваться!!! Эта традиция соблюдалась много лет, и все ребята кто мог и пользовался хоть каким-то успехом у противоположенного пола искали пару. Даже устраивали по этому поводу разборки на задворках школьного двора. Ходили разговоры кто с кем будет встречать рассвет.

После школьного вечера мы высыпали на улицу. Все старались быть поближе к своему избраннику, и мы со Светкой шли рядом, иногда касаясь как бы случайно друг друга руками и чувствуя при этом взаимную дрожь, пробегающую по телу, и не совсем привычное томление внизу живота и страстное желание снова коснуться руки.

Был май и ещё чувствовалась ночная прохлада в воздухе, а я был в одной рубашке, и мы проходили мимо моего дома. Господи, лучше бы я тогда замерз в этой весенней ночи. Но я решил забежать, захватить свитер.

– Свет, я сейчас, я только свитер возьму, я мигом.

Миг оказался вечностью. Отец мой был человеком достаточно суровым и в отношении детей не особенно церемонился, не пытаясь вникать в их душевные потребности. Как я ни старался тихо пробраться в свой закуток, отделенный временной стенкой от комнаты сестры, я всё-таки разбудил его.

– Ты куда? Спать. Нечего шататься по ночам – прозвучали как приговор его слова.

И как я не убеждал его, что все идут, что меня ждут – ничего не помогло. От моего упрямства он становился только злей и непреклонней.

– Спать, я сказал!

Я ещё не был в силе противостоять отцу. Это придёт позже, года через два, три. А тогда страх, внушённый с детства перед его злостью, сковал всю мою волю. Я готов был убить его в эту минуту, но только лежал, вцепившись зубами в подушку, и стонал от злости и ненависти к отцу, от обиды и жалости к себе.

Я больше никогда не видел Светку Ходакову несмотря на то, что она жила-то в нескольких домах от меня по улице Ново-Советской. Я старался избегать возможной встречи, выискивая пути подальше от её дома.

Я пошел в 9-й класс, она в техникум. Наши пути разошлись, не успев сойтись. Но то состояние ожидания первой близости, подаренная надежна нравившейся мне девушки, то чувство радости, что тебя выделили, те ощущения касания девичьей руки в дикой смеси обиды, злости, отчаяния, унижения я не забуду никогда.

Два года до окончания школы я только наблюдал, как более уверенные в себе сверстники строят отношения с девушками, и всё больше убеждался в своей никчёмности, непривлекательности, неумении общаться с противоположным полом. В этот момент меня как будто заклинивало. Язык становился ватным, из горла исходили какие-то нечленораздельные звуки. Я чувствовал, что краснею и от этого мне становилось еще хуже.

Мои дворовые друзья были из простых рабоче-крестьянских семей и жили как большинство советских людей, по современным понятиям, в крайней нужде, впрочем, совсем не замечая этого. Хлеб был – хоть и стоять за ним приходилось в очереди с 6-ти часов утра. Мать будила меня, и я в полусонном состоянии должен был перед школой, отстояв длиннющую очередь, купить хлеб на день. Крыша над головой была – хоть под этой крышей одновременно проживали и стар и млад, да ещё по несколько семей с одной кухней и туалетом. Одежда устраивала, и никто не обращал внимание на одинаковые шаровары, сшитые соседкой на всю ватагу из сатина, доставшегося по случаю. После 8-ми классов никто из них не пошёл учиться в школу дальше. Надо было помогать родителям. Кто-то из них начал работать, учиться в ПТУ или вечернем техникуме. Они повзрослели раньше меня, быстрей познавая прелести реальной жизнь.

Хоть мы не были отъявленными хулиганами, но окружение и борьба за своё место в иерархии улицы диктовало свои правила. И нам частенько приходилось отстаивать своё право в драках. Особенно натянутые отношения были с соседним двором, отделенного от нашего территорией местной заводской больницы. Набеги совершали, в основном, они, а мы защищались. В ход шли и камни, и палки. И с разбитой головой приходилось бывать, не говоря уж о крови из носа или синяком под глазом. Особенно запомнился Кыла, тощий, чернявый малый. Его длинные руки болтались как плети, сухие и жгучие. Он не боялся никого и ничего. В драке был неустрашим, бросаясь в самую гущу противников. Его руки мелькали как крылья мельницы, нанося удары по всему подвернувшемуся. Какой там тайский бокс. Он работал ногами с не меньшей частотой и интенсивностью, чем руками. Не обращая внимание на разбитые кулаки и кровавые подтеки на лице, он был неутомим. Его остановить могли либо бегство противника,

либо свои же ребята. Второй заметной фигурой был Чобрик. Плотненький, коротко подстриженный, производил впечатление боксера. Он и в драке действовал как боксер, сгруппировавшись, держа руки у подбородка, наносил короткие резкие удары по приближавшимся на необходимое расстояние противникам.

Ребята раньше меня начали встречаться с девушками, и у них появился опыт, которым они, впрочем, делились в пошло-похабной форме уличного лексикона. Меня это коробило. Уже тогда, не понимая почему, у меня сформировалось чувство преклонения, жалости и страха перед женщиной. Мне всё время было их жалко, казалось, что они испытывают насилие от мужчин, противостоять которому они не в состоянии. И рассказы моих друзей укрепляли во мне это чувство.

Сексуальное воспитание, знания физиологии и анатомии отсутствовали напрочь. А желание познать, естественно, присутствовало. Сознание билось о стены неграмотности и находило выход лишь в эротических фантазиях, рисовавших размытые образы каких-то обнаженных безликих существ.

Жили мы четверо в небольшой двухкомнатной «хрущевке». Отец перегородил одну комнату, и мне достался тёмный чулан, где вмещалась кровать, письменный стол и маленькая этажерка с книгами. Впрочем, по сравнению с условиями жизни моих друзей мне завидовали. Все-таки свой угол. Мать с отцом спали на диване через стенку в большой комнате. Один раз я проснулся от непонятных звуков, доносившихся из соседней комнаты. Скрип дивана и заглушённые стоны матери заставили сильнее забиться сердце, меня прошиб холодный пот. Я лежал, боясь пошевельнуться, сжав зубы, кипя ненавистью. Я понимал, что происходит. Но моё представление рисовало это как акт издевательства и насилия над матерью. Её приглушённые стоны безоговорочно меня в этом убеждали. Я хотел вскочить на защиту матери, но что-то удерживало, что-то необъяснимое говорило, что не всё так просто и я продолжал лежать, только сильнее сжимая кулаки.

Район на окраине города, где мы жили, назывался Новый городок. Сначала это были двухэтажные дома, построенные пленными немцами после войны, потом появилось с десяток «хрущевок». Район в основном был заселён рабочими с заводов, полукольцом окружавших городок. С одной стороны полукольца он граничил с частным сектором – типичными постройками средней полосы России – и буквально через километр – полтора начинался лес. Красивый, сухой, смешанный брянский лес. Сколько времени в этом лесу мы проводили с пацанами, мы знали его как свои пять пальцев. Мы проходили десятки километров, собирая грибы и ягоды, лазали в колхозные огороды за огурцами и помидорами, разрушали целые стога сена, устраивая на них сражения и пытаясь удержаться на вершине.

Два раза в день через район проходили шествия. Утром на заводы, вечером в обратную сторону. Ручейки людей стекались в одну-две мощные реки, чтобы через некоторое время снова разбиться на ручейки и речушки по направлению к заводским проходным. Некоторые из них к силикатному и автомобильному заводам проходили по краю леса. Вечером нередко можно было наблюдать группки мужиков, уютно расположившихся под каким-нибудь кустиком с бутылочкой и невесть каким закусоном на газетке. Иногда наблюдались парочки, как бы невзначай, по одному отделявшиеся от общего потока и тут же, только скрывшись за деревьями, соединявшиеся и уже вдвоем углублялись в лес. За такими парочками одно время у нас, пацанов, было принято следить. Заметив жертвы, мы, прячась за растительностью, двигались за ними. Не дай бог было сделать неосторожное движение и выдать себя. Старшие ребята такого не прощали. Наконец, двое, посчитав, что зашли достаточно глубоко в лес, и облюбовав место, приступили к тому, ради чего сюда шли. Университеты жизни! Прячась за кустами в 20-30 метрах, я впервые увидел и был потрясён, как мне казалось тогда, отвратительной картиной. Большая белая женская задница, согнутые в коленях ноги подняты вверх и всё это колебалось в такт с не менее белой задницей мужчины, ярким пятном выделявшейся среди зелени леса. Мне становилось противно. Но как показать это в присутствии ребят, чтобы потом долго получать насмешки и издевательства. Старшие пацаны подползали всё ближе и ближе, бравируя друг перед другом смелостью и ловкостью. Обычно всё заканчивалась нашим улюлюканьем со всех сторон, смущенным одергиванием платья женщиной и торопливым застегиванием штанов мужчиной. Но один раз мужик то ли увидел, то ли услышал нас раньше. Мы бежали в рассыпную по кустам, не разбирая дороги, а за нами гнался полуголый мужик с дубиной наперевес. Потом собравшись вместе, долго рассказывали друг другу, как убегали, смакуя подробности, в том числе и сцены совокупления. В дальнейшем я старался избегать участия в таких вылазках.

Глава 5

Сосед итальянец уже заканчивал доедать свою пасту, так и не оторвавшись от газеты. Я заказал кофе с молоком и кексом. Вино ещё осталось. Я сделал глоток.

Когда же я первый раз прикоснулся к женщине? Снова волна воспоминаний унесла меня в прошлое.

Мои дворовые друзья Саня с Ерохой позвали меня в поход. Я только что поступил в институт, после экзаменов до начала занятий оставался целый месяц, и я честно валял дурака. Отец, который при любом моем промахе, обычно отправлял меня в ассенизаторы, потихоньку отстал. То ли

поступление в институт, то ли мое взросление были тому причиной, но он стал всё меньше и меньше приставать ко мне со своими претензиями.

«Поход» – так мы называли вылазку на Десну с ночевкой у костра. Обычно на электричке отъезжали от города на две три остановки, потом шли пешком километров пять и оказывались на берегу реки. Как я уже говорил, Десна в те времена была настоящая река. Полноводная, широкая, с нависшими над водой деревьями, затоками и заливными лугами. Искалось хорошее место на высоком берегу подальше от рыбаков и других любителей природы, ставилась палатка, готовились дрова для костра. Заканчивали обустраиваться обычно к вечеру, чтобы уже в темноте у костра посидеть спокойно.

Ребята взяли с собой двух девчонок. Почему двух? Не знаю, скорее, третью просто не нашли. К тому же таких ещё надо было найти, которые согласились пойти в «поход» с тремя ребятами. Естественно, девчонки предназначались для Сани и Ерохи. Сначала пили водку все вместе, потом на время то одна, то другая парочки стали растворяться в темноте, впрочем, появляясь вновь через некоторое время. Ребята быстро пьянели. Не отставали от них и девчонки, всё больше глупо хихикая и пытаясь сказать что-то заплетающимся языком. Я сачковал как мог, впрочем, через некоторое время на меня уже никто не обращал внимания и количество спиртного, попадавшего в мой организм, резко уменьшилось. Как-то пару раз превысив допустимую дозу, я очень страдал и с тех пор старался, особенно в компаниях пить как можно меньше, хотя это бывало достаточно трудно воплощать в жизнь. Ко мне подсел Саня:

– Иди с Танькой, она даст – наклонившись к моему уху проговорил он.

Я что-то бормотал в ответ, и, хотя меня всего охватила дрожь от желания и дозволенности до отвращения и невозможности. Два чувства – да: наконец-то я смогу попробовать, до: как же я смогу, это же не моя девушка. И страх, а если она откажет, да, наверное, она откажет, зачем я ей.

– Ну и дурак – сказал Саня, слушая мое бормотание – и вообще я пошел спать.

Ероха уже спал, обнявшись со своей подругой. Пошатываясь, ушла и Танька.

Ещё немного помаявшись, подбросив дров в огонь, пошёл в палатку и я. Палатка небольшая, по крайне мере, никак не рассчитанная на пятерых. Ребята лежали с краю, девчонки посредине и мне никакого другого выхода не оставалось как протиснуться между ними. Лёжа на боку, я естественно прижимался к соседнему телу, которым оказалась Танька. Я долго лежал, пытаясь унять стук сердца, который казалось наполнял всю округу. Но постепенно моя рука сначала медленно и как бы невзначай начала своё по-

знавательное путешествие. То ли Танька была достаточно пьяна, то ли получила команду от Сани (скорее всего, и то, и другое), но моя рука не чувствовала сопротивления и немного осмелев всё углублялась и углублялась, путаясь в одеждах, пробивалась к естеству. Это было первое прикосновение к женщине, первые открытия, первые изумления и восторги.

Пробравшись под свитер, я ощутил её грудь. Небольшую, упругую, показавшуюся необычайно нежной и ласковой. И хоть я понимал, что её не раз тискали и довольно грубо разные руки ребят, меня поразила её беззащитность. Именно это чувство – беззащитность. Я понимал каким-то десятым чувством, что эта часть тела принадлежит не мне и не Сане, а кому-то ещё. Я, конечно, понимал, для чего предназначена женская грудь, но тогда именно чувство вторжения в чужое пространство, не для меня предназначенное, поразило меня. Тем не менее моя рука долго лежала на её груди, слегка перебирая пальцами, даже не сжимая её, я просто не знал, на сколько сильно можно сжимать девичью грудь. Мне казалось, что я могу причинить ей непоправимый вред, и поэтому мои прикосновения были нежны и ненавязчивы.

Видя, что мои действия не вызывают возражения и немножко привыкнув к своему положению, я начал движение вниз. Здесь пришлось потрудиться. Женские брючки довольно узкие и со многими пуговицами, крючочками, застежками, которые без помощи хозяйки и отсутствия опыта расстегнуть не так-то просто. Но хотя мои руки и дрожали, времени было предостаточно, а делать я должен был всё медленно и осторожно, чтобы, как мне казалось, не разбудить Таньку, я всё-таки справился с поставленной задачей. Путь был открыт. Исследования продолжались. В моей голове молотом стучала кровь, внизу живота было больно и влажно. На какое-то мгновение, мне кажется, я даже терял сознание. Но несмотря ни на что, рука медленно и упорно двигалась вниз. Вот здесь почему-то меня не посетило чувство запретной зоны. Наоборот, хотелось применить силу, чтобы расчистить путь, которому препятствовали сдвинутые вместе колени. Мне казалось, впереди горит огонь и клокочет пламя, низвергаясь из тёмного нутра.

Всё-таки, наверное, я слишком увлёкся, где-то не рассчитал движение. Танька что-то промычала и начала поворачиваться. Забурчал и Саня. Моя рука вынуждена была быстро ретироваться. Пришлось повернуться и мне. Передо мной оказалось тело другой девицы. Выждав какое-то время, я начал исследования её. Но здесь мне не повезло. Под одежду меня не пустили, я постоянно натыкался на руку Ерохи, обнимавшей девицу с другой стороны. Пришлось довольствоваться малым. Ближе к утру, когда мы ещё раз перевернулись, мне удалось всё повторить с Танькой. Появился опыт и всё прошло быстрей и спокойней.

Полученные в походе ощущения ещё долго преследовали меня. Особенно засыпая, я вновь и вновь осуществлял своё путешествие по женскому телу, вновь и вновь испытывал те чувства и во мне возникали желания снова прикоснуться к женщине, снова почувствовать под рукой нежность, неизведанность, огонь.

В первый год обучения в институте я больше времени проводил со своими дворовыми ребятами. Студенческое содружество только зарождалось, народ притирался друг к другу по интересам, интеллекту, землячеству (особенно, проживавшие в общежитии). В этот год я, поборов страх, стал приглашать девушек, научившись, наконец, танцевать. Танцевать – это конечно сильно сказано, просто обнявшись, топтаться посредине толпы таких же обнявшихся и топчущихся пар. В начале 70-х было принято ходить на танцы. Там было всё: знакомились, назначались свидания, устраивались разборки и драки. Танцы проходили в парках на открытых танцплощадках летом и во дворцах культуры, клубах – зимой. На сцене стояла какая-нибудь доморощенная бит-группа, как правило, состоящая из трёх гитар и ударника. Иногда к ним присоединялись клавишные (тогда мы их почему-то называли «йоника»). Музыка чередовалась быстрая и медленная. Только что появился шейк и группки по несколько человек, собравшись в кружок, выделывались, показывая, кто на что способен. Как только звучала медленная мелодия, надо было успеть подойти к понравившейся девушке, желательно заранее и не раз пересечься с ней до этого взглядами и понять, что твоя попытка не будет отвергнута. Руки парня на талии или спине. Руки девушки на плечах или груди. Здесь начинается игра. По сути, это были публичные объятия, прижимания с откровенностью, которую допускала девушка. Иногда можно было прижаться плотней и почувствовать её грудь своим телом. Иногда удавалось оставить лёгкий поцелуй на шее или щеке. Иногда опустить руку чуть ниже положенного. Этого могли как бы не заметить, что давало разрешение на продолжение в следующем танце. Или это могло приостанавливаться неуловимым движением, что говорило: не спеши, я ещё не решила. Или резко пресекаться, что означало: лучше больше не подходи ко мне. Апофеозом всего после нескольких танцев, может быть, даже в течение нескольких вечеров получить разрешение проводить девушку домой.

И здесь я втягивался в процесс с большим трудом. Ребята легко знакомились, легко приглашали танцевать, не расстраивались, если им отказывали, и тут же находили другую, легко договаривались в провожатые после танцев. Я же долго присматривался, не решаясь подойти, а когда собирался с духом, её уже приглашал кто-то другой. Я переживал, бросая косые взгляды, и снова долго собирался с духом. Наверное, из-за этой своей не-

уверенности перед тем, как идти на танцы, начал выпивать. Иногда с друзьями, бутылка портвейна на троих считалось нормой. Иногда один дома, закрывшись в туалете, выпивал прямо из горла, прятал бутылку за канализационную трубу и быстрее, пока не заметили родители, выскакивал на улицу. Легкий хмель кружил голову и позволял хоть немного побороть неуверенность. Но тем не менее, наверное, только раз понравившаяся мне девушка с удовольствием танцевала со мной не один вечер, разрешая прижиматься теснее и гладить её спину. Я старался поворачиваться к ней чуть боком боясь, что она почувствует напряжение, создававшееся у меня ниже пояса. Я даже пошел её провожать, благо жила она недалеко от парка. Но это совсем убедило меня в моей несостоятельности. Я шёл рядом молча, не зная о чём и как говорить, боясь к ней притронуться, и не нашёл ничего лучшего, чем с облегчением сказать «пока», когда мы дошли до её подъезда. На следующий вечер на танцплощадке она уже не смотрела в мою сторону, и я понял, что это конец, и перестал ходить на танцы вообще.

Я отхлебывал душистый кофе и смотрел в окно. По улице проносились автомобили, иногда проходили редкие в это время суток прохожие. Жара! В Болонье даже в это время года для нас людей с севера уже была жара. В ресторане неслышно работал кондиционер. Итальянец, расплатившись ушёл, и я снова остался в одиночестве.

Когда я первый раз поцеловал девушку? Как это было?

Следующей моей попыткой с кем-то познакомиться была «Булочница». Это так про себя я называл девушку, работавшую в хлебном магазине недалеко от нашего дома, куда я частенько заглядывал по поручению матери. Девушка была подстать продаваемому товару, румяная, немного кругленькая, простоватенькая. Как мне удалось с ней заговорить, да ещё напроситься в провожатые, не помню. Но как-то удалось. Она жила на «петровской». Так назывался район частного сектора недалеко от центрального рынка Бежицкого района города. Чтобы дойти до её дома, нужно было пересечь два района. Стычки между районами в то время проходили постоянно, и оказаться вечером в другом районе значит однозначно иметь большой риск встретиться с местными. К чему может привести такая встреча, можно было только догадываться. С «Булочницей» оказалось проще. Обычная девчонка из небогатой семьи, начавшая работать после окончания восьмилетки. Разговоры ни о чём, не претендующие на глубину и претензию, так о природе, о погоде. В первый же вечер недалеко от её дома нас встретили человек пять. И я уже готовился отбиваться и уносить ноги, если позволят, но простушка оказалась не так проста. Она в достаточно грубой и не терпящей возражения форме сказала какому-то Валерке, что это её парень и если что, то дело они будут иметь с её братом и поэтому

не пошли бы они куда подальше. Крепко взяла меня за руку и потащила по направлению к своему дому, не забыв сказать, чтобы я ничего не боялся.

В комнате среди домотканых половичков, скатерти с кистями, слоников на комоде мы целовались. Это были мои первые поцелуи. Её губы пахли молоком и хлебом. У меня не сразу получилось. Я просто притрагивался своими губами к её. Но постепенно я уловил как надо, чтобы было приятно и мне и ей. Наши занятия времени от времени прерывались вбегавшей в комнату детворой, мал-мала и меньше. Я так и не понял, сколько их было. «Булочница» выгоняла их, закрывала дверь, и мы продолжали. Я снова чувствовал, как напряглось моё мужское достоинство до боли, стараясь вырываться на свободу. Я пытался прикоснуться к её груди, которая была так рядом и так доступна, но получил отпор и больше попыток не предпринимал. Меня выпроваживали, так как вот-вот должны были прийти её родители с работы. И я через два квартала шёл обратно домой. Так продолжалось пару недель. Учёба, новые друзья, новые интересы затянули с головой, и на «Булочницу» времени не оставалось. Уроки поцелуев, полученные с ней, надолго оставались единственными.

Глава 6

До гостиницы я решил пройтись пешком несмотря на то, что идти предстояло через весь город. Болонья не такой уж большой город, да и спешить мне было некуда. Весеннее солнце пылало над Италией, в воздухе уже ощущалась духота, прохожие старались двигаться по теневой стороне улиц, прячась под балюстрадами. Свернув с главной улицы в переулок, я попал в небольшой тенистый сквер с маленьким фонтанчиком и уютными скамейками.

Что же было дальше? Когда я впервые увидел столь волнующее меня и сейчас женское тело?

Наверное, здесь вполне будет уместно небольшое отступление, чтобы лучше понять, почему всё так сложилось, так повернулось, понять себя через много, много лет.

Я в те годы был длинным, худым и сутулым молодым человеком. Детство в компании детей рабочих окраин Брянска, занятия футболом, баскетболом и плаванием дали мне определенную закалку, и я считал, что могу за себя постоять. Школа в Новом городке (так назывался один из районов Брянска), которую я закончил, была обычная. Там не было специальных классов, я не занимался в кружках и на курсах, не выступал на конкурсах и олимпиадах. Развитию своего интеллекта я обязан природному характеру, матери – воспитательнице детского сада и детскому другу Алику, выделявшемуся из общей массы дворовых сверстников своей фантазией и знаниями.

Студенческая жизнь затянула с головой. Всё реже я виделся со своими дворовыми друзьями, всё больше и больше времени проводил с новыми институтскими товарищами. В основном нас было трое, три друга, три товарища. По крайне мере, те люди, которым вместе не было скучно, и более того было интересно, и мы вместе проводили почти всё время.

Вовун, так мы звали Владимира Г. Это прозвище характеризует его как нельзя более точно. Вовун он и есть Вовун. Его мать, бывшая учительница, растила сына без отца. Он нам никогда не рассказывал, кто был его отец. Однако мать смогла устроить его в лучшую школу района. Она его баловала, позволяя многое, огораживала от улицы и хулиганов. Старалась, чтобы он общался только с детьми приличных родителей. Учился он хорошо, и хорошо окончил школу. Увалень, несколько толстоватый и физически неразвитый. Он много знал, читая модные книги и журналы. Дома у него был магнитофон «Комета», в то время один из лучших, и он приобщал нас к песням Beatles, Doors, Beach Boys, Simon and Garfunkel и другим иностранным ансамблям. На потоке образовалась группа вокруг Ткачика (Владимира Т.), потомка польских шляхтичей (с его слов, конечно), которому присылали из Польши музыкальные журналы. Вовун с ним договаривался, и мы у него дома, разглядывая фотографии певцов, невиданные машины, красивых женщин, устраивали прослушивания записей альбомов модных певцов и групп. Нам казалось это нереальной сказкой. И мы впитывали звуки чужого мира, отращивали волосы под Пола и мечтали о настоящих джинсах «левис».

Гришка Н. колоритно дополнял нашу компанию. Худой, белобрысый, он жил с родителями и младшим братом, очень на него похожим, в собственном доме. И быт, приобщавший поневоле к труду и ответственности, наложил свой отпечаток. Но в то же время окружение и общение со студенческой элитой, а он умел влезть в душу к кому хочешь, помогли ему создать образ сноба, этакого пофигиста. Он умел сочетать, казалось бы, не сочетаемое. Зная, как держать в руках топор и по чём фунт лиха, он так мог прикинуться мальчиком из высшего света, ничего не умеющего, что в это по неволе начиналось верить. Он мог заболтать любое дело. Его разглагольствования были характерными для нашей компании и доставляли мне истинное удовольствие. Я наслаждался разговором моих друзей. Напором Григория и тонкими подколками Вовуна. Я так не умел. Ирония и чувство юмора, обращенные в ничего не значащую словесную перепалку, выплескивались наружу для одного благодарного зрителя.

Шёл 1971 год, и нам было всего, нет, уже целых двадцать лет. Мы были молоды. Господи, как же мы были молоды! Вся жизнь была впереди, а мы были наивны и неопытны. Только мы этого не понимали. Нам казалось, что мы уже всё знаем, всё умеем и вообще нет ничего, чего бы мы не

смогли сделать. Мы, слава богу, окончили третий курс института, а по окончании трёх лет учёбы считали себя уже самостоятельными людьми.

У Вовуна был мотороллер «Вятка». Чудо советской техники времён развитого социализма. Незаменимая вещь для молодого человека, вызывавшая зависть сверстников и желание иметь такой же. Однако «Вятка» была одна, а нас было трое и мы, сагитировав ещё одного нашего сокурсника (конечно, этим с успехом занялся Гришка) и скинувшись по 50 рублей, кто со стипендии, кто, уговорив родителей, кто, заработав на разгрузке вагонов, купили подержанный мотоцикл «Минск». Мы тут же прозвали его «Макакой». Вовун, уже имевший несколько лет водительского стажа, стал нашим учителем. Мы объездили все окрестности города вдвоём, втроём или вчетвером, отправляясь в путешествия зачастую за счёт лекций и семинаров. Может тогда и возникла любовь к дороге, родным брянским, российским просторам. На широких шоссе (и деревья тогда были большими) и извилистых лесных тропинках оставляли следы колеса наших двухколёсных друзей?

Довольно быстро мы освоили азы вождения и достигли даже некоторой виртуозности, когда, разогнав мотоцикл, снимали руки с руля и клали их на колени сидящей сзади и притихшей от ужаса и восхищения (так нам казалось) девушке.

Один раз, совершая очередную поездку, мы въехали на лесную поляну, и каково же было наше удивление, когда увидели рядом с «москвичом», стоящим с открытым капотом, одного из наших преподавателей, а рядом с ним незнакомую женщину. Конечно, это не была его жена. Мы знали это точно, потому что в нашей группе училась дочь этого преподавателя, а Вовун был вхож к ним в дом. Преподаватель копался в моторе, был зол и смущён нашим появлением. «Москвич» всё-таки поддался утроенному количеству мозговых извилин, а скорее, трём здоровым молодым парням, вытолкнувшим его на лесную дорогу и толкавшим до тех пор, пока он, чихая и выплёвывая клубы чёрно-жёлтого дыма, не завёлся. С тех пор нам были обеспечены хорошие оценки по некоторым предметам за джентльменское молчание. Этот случай подтолкнул нас к ещё одному способу покорения девушек, изображая заглохнувший мотоцикл и заставляя их толкать его до полного изнеможения, когда отдых на молодой зелёной травке в тени под кустиком был просто необходим.

Самой длительной поездкой стала поездка в соседний Смоленск. Триста километров в одну сторону и столько же обратно проделали за два дня. Мы считали себя героями, когда смоленские парни, возле магазина запасных частей, удивлённо разглядывали наши брянские номера.

Юности свойственна беспечность. Это мы понимаем со временем. Но этого мы не понимали тогда, когда возвращались с Вовуном из Орла, куда отправились на мотороллере на танцы. Да, так просто в 20 лет, поехать

на танцы в соседний город за сто километров. Уже в летнем небе заблестели первые звёзды, когда мы обнаружили прокол в колесе. Снять и разбортировать колесо на мотороллере дело 15 минут, но что делать, если в запасе у нас не оказалось ни запасной камеры, ни клея, ни латки из резины. А впереди ночь. До Брянска 50 и до Орла 50 км, и ни одного огонька вокруг. К сожалению, наши попытки раздобыть клей у проезжающего транспорта терпели неудачу. Машины либо не останавливались вообще, по всей видимости, опасаясь двух незнакомцев ночью на дороге среди леса, либо у водителей отсутствовали необходимые нам материалы. Уже в отчаянье, не веря в успех, я лёг на ещё тёплый асфальт дороги, недалеко от лежащего на боку мотороллера, раскинул руки и унёсся в эту непроницаемую звёздную даль. Такое знакомое сочетание мерцающих блестящих точек вселяло спокойствие и уверенность. Я даже начал дремать, когда визг тормозов заставил меня повернуть голову. Невдалеке виднелся силуэт легковой машины, а к нам бежали три человека. По всей видимости, они подумали, что произошла авария, увидев валяющийся мотороллер и распростёртые на асфальте тела. Но представьте себе, какая ругань разнеслась по лесу, окружавшему шоссе, когда, подбегая, они услышали:

– А у вас не найдётся случайно клея?

Всё-таки ближе к утру нашёлся добрый человек в лице местного сельского жителя на видавшем виды мотоцикле с коляской, который помог нам, и мы смогли поехать дальше.

Молодость есть молодость, и через час Вовун начал засыпать за рулём. Мотороллер клонило из стороны в сторону, и мне приходилось стучать по его шлему. Вовун встряхивал головой, выравнивал мотороллер и даже прибавлял скорость, но через минуту всё повторялось снова. Необходимо было остановиться.

Мы лежали с ним в утренней россе, среди васильков и ромашек, и спали. Взошедшее солнце светило нам в лицо, проснувшиеся кузнечики начали свой концерт, нахальные мухи щекотали лицо, щебетали птицы, а мы просто спали.

У моей тётки была однокомнатная квартира, совсем рядом с нашим институтом, в которой она редко бывала. Тётка была молода, симпатична, но одинока и несчастлива. Основным местом её пребывания была квартира моей бабушки (её матери), но, несмотря на это, мне надо было прибегать к определённым дипломатическим приёмам, прежде чем мне вручали ключ от квартиры для лучшей подготовке к курсовому. И дня два-три были нашим временем. Первым делом в квартиру доставлялся магнитофон Вовуна, и комната заполнялась нашими любимыми «битлами». Ванная переоборудовалась в фотолабораторию. У каждого из нас были свои обязанности. Вовун верховодил, сидя на унитазе. Я обычно проявлял, а Григорий,

один раз успешно сыграв неумеху, не делал ничего. В его обязанности входила развлекательная программа. Он включал магнитофон, или крутил приемник «Ригу», в поисках какого-нибудь голоса из-за бугра, и время от времени подливал в бокалы нашу любимую «Лидию». И вот к утру, когда только-только серело небо, одуревшие от музыки, красного света, проявителей-закрепителей и Гришкиной болтовни, мы вываливались на улицу, садились на наши мотто, и тишина оглашалась рёвом моторов. Какое удовольствие нестись по ещё спящим, пустынным улицам города, подставляя лицо свежему ветру, чтобы утренняя прохлада прогоняла последние признаки бессонной ночи, алкогольного духа и фотодурмана.



Производственную практику, обязательную в то время для всех студентов, естественно, мы должны были проходить вместе, других вариантов даже не рассматривалось. Местом практики был выбран Брянский машиностроительный завод (БМЗ), флагман городской промышленности. Медицинская комиссия, оформление пропусков, вводный инструктаж - и вот мы приступили к обучению такелажному искусству. Для студентов, только что сдавших «термех», «сопромат» и другие сложные науки, изучить небольшую методичку по техники безопасности и основным навыкам крепления тросов, крюков и талрепов не представляло никакого труда. Рядом с нами страдали пожилые (так нам тогда, казалось) дяди и тёти, не от хорошей жизни решившие стать такелажниками. Гришка, как обычно, задавал преподавателю ехидные вопросы, а Вовун, прикидываясь, хлопал глазёнками, специально неправильно произнося мудрёные слова из такелажного лексикона. Особенно долго мы измывались над основами сленга «майна» и «вира», разработав даже собственную теорию происхождения этих слов. По-моему, нам с радостью выдали корочки такелажников второго разряда, дабы избавить от нашего присутствия обучающегося гегемона и направили в цех обработки корпусных дизельных деталей.

Вначале работали мы вместе, и это было ошибкой начальника цеха. Таская тяжёлые тросы и кантуя огромные корпусные детали дизелей, мы (в основном Гришка) успевали зубоскалить с крановщицами и рабочими, петь песни битлов (в основном Вовун) и сочинять стихи в местную стенгазету (в основном я). Особенно нам нравилось работать в ночную смену.

Работы было мало. Начальников немного. И мы успевали многое. Устраивали гонки на автокарах, пока не въехали в большой металлический ящик со стружкой. Осваивали мостовой кран, пока на нём не заклинило тормоза. Ходили в соседний цех к молодым нормировщицам. Гуляли по ночному заводу. В ту пору БМЗ был город в городе. Большие, зелёные улицы, целые проспекты с оживлённым автомобильным движением и собственными светофорами. Социалистический рай! И позже, во времена дикого капитализма, когда флагман машиностроения области разваливался на глазах, а специалисты и рабочие бежали, как тараканы, в разные стороны, я с грустью вспоминал нашу такелажную практику.

Наконец, начальнику цеха всё это безобразие надоело, и он развёл нас в разные смены. Но практика уже подходила к концу. В последние дни мы написали отчёт, с чувством выполненного долга покинули стены цеха и направились в бухгалтерию. Оказывается, за три недели мы даже заработали деньги, на которые я сделал первую в моей жизни самостоятельную покупку, магнитофонную приставку «Нота». Она до сих пор хранится у меня дома на чердаке, как память о тех счастливых днях.

Ещё во время учебных занятий, когда удавалось выкроить часок другой, собираясь во дворе Гришкиного дома, мы обсуждали, как провести после практики два летних месяца. Зачастую обсуждения перерастали в бурные дебаты, завершавшиеся короткими дружескими потасовками. В конце остались две идеи: бродяжничество и сплав по Десне на плоту. Обе идеи имели своих сторонников и противников, но так как нас было только трое, кто-то должен был победить обязательно. Я был сторонник пару недель побродяжничать по стране. Идея заключалась в том, чтобы, имея в карманах только по десять рублей, сесть в первый попавшийся товарняк и поехать, куда повезут, выживая в естественной среде обитания. Эта идея имела под собой основу. Один раз, прогуливая очередную лекцию по истории КПСС, мы решили отправиться к нашему другу Сергею М., живущему в районе нашего города, примыкавшего к большому железнодорожному узлу (Брянск-2). Ехать два часа на троллейбусах не хотелось, и мы прыгнули в пустой товарный вагон, зная, что на Брянске-2 все товарняки останавливаются обязательно. Но этот почему-то не остановился и ехал прямиком до г. Конотопа (Украина). Мы оказались в незнакомом городе голодные, без денег. Я хотел сознательно повторить наш



опыт, проверить себя в трудной ситуации и призывал к этому друзей.

Вовун категорически был за плот, расписывая прелести путешествия по воде. Григорий то примыкал ко мне, то перекидывался на сторону Вовуна, чем вносил ещё больший раздор. Делал он это специально, наслаждаясь самим процессом борьбы за идею.

Через пару дней мне позвонил Гришка и скомандовал срочно приезжать к Вовуну, потому что они нашли плот. Сборы были недолгими, да и готовы мы были уже давно, и через час я был у Вовуна. Он меня уже ждал на своей «Вятке», и мы поехали. По дороге Вовун рассказывал подробности, перекрикивая встречный ветер и гул автомашин. Оказалось, что он всё-таки склонил Гришку на свою сторону, пользуясь моим отсутствием, и они последние два дня ездили по округе и искали, где можно раздобыть плот. Им, естественно, повезло. Река Болва, рукавом огибая территорию БМЗ, перед впадением в Десну разливалась по пойме, создавая целое озеро. На островке в центре озера был привязан плот, сколоченный, скорее всего местными рыбаками. Плот не очень большой и неказистый, но он мог стать основой. Именно он и приглянулся моим друзьям.

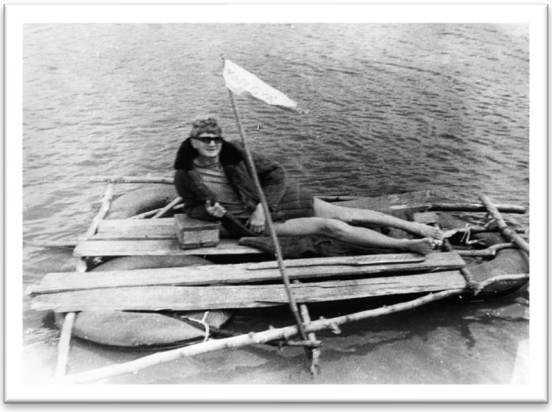
В последующие две ночи мы не спали. Мы соорудили шалаш на берегу озера как раз напротив плота. Для начала мы совершили набег на какой-то гараж на другом конце города. Ночью на мотороллере и мотоцикле мы подъехали к гаражу. Одной стороной его огораживал забор, который выходил к железнодорожной линии, за которой сразу же начинался лес. Именно там мы и спрятали мотоциклы. С насыпи железной дороги двор гаража был как на ладони. Вовуна мы оставили на страже, он должен был подать нам сигнал тревоги, если потребуется. Мы с Гришкой полезли через забор. Работа была не из лёгких, вытаскивать из покрышек от автомобиля «КРАЗ» камеры. Они были ужасно большими и тяжёлыми, особенно когда мы их перетаскивали через двухметровый забор. Сложенные и связанные они еле уместились на задних сидениях мотоциклов. Мне места не нашлось и пришлось домой идти пешком, благо я жил ближе всех и места эти были мне знакомыми. Вовун с Гришкой подвергались дополнительной опасности, везя через весь город, хоть и ночной, четыре большие камеры. Слава богу, всё обошлось, и груз успешно был доставлен в наш шалаш.

В следующую ночь решено было отправляться в плаванье. Вначале необходимо было пригнать плот от острова к берегу. Это должен был сделать я, как плавающий лучше всех. Вода, чёрная в ночи, казалась холодной и вязкой, ноги по колено провалились в тину, и скользкие водоросли обвивали их. Плыть было жутковато. Над головой мерцали звёзды, иногда исчезающие за невидимыми облаками. Казалось, они возникали и пропадали сами по себе. От движения моих рук на воде возникали круги, которые вдруг меняли свой цвет на какой-то тёмно-бурый и от этого казались ещё более жуткими, чем чёрная вода.

Плот привязали к берегу и на мотороллере начали подвозить мешки с продуктами, рюкзаки, палатку, инструменты. Гришка взял своего брата для помощи, который всё время оставался с вещами.

А мы в это время разбирали забор БМЗ. Эта идея пришла в самую последнюю минуту, когда мы проезжали мимо с очередным грузом. Забор состоял из бетонных столбов, между которыми были вставлены большие деревянные щиты размерами 3 на 2 метра. Вот такой щит нам и приглянулся. Мы представили, как он ляжет на основание плота и как здорово мы сэкономим время по его обустройству. Мы демонтировали щит целиком, опасаясь в любой момент, что нас застукает сторож. Обошлось! Щит мы еле дотащили до берега, шатаясь и падая от усталости и страха. В заборе остался зиять огромный провал, который просто не может быть незамеченным. Дело только во времени и поэтому мы спешили. Щит положили на плот, даже не закрепив. Быстро покидали на него все наши вещи и отплыли. Главное, нужно было отплыть пока темно, как можно дальше. Сначала плыли по реке Болве, которая достаточно узкая и деревья, вверху смыкаясь, создавали зелёный туннель. Впрочем, что он зелёный, мы могли только догадываться, так как в этом туннеле стало ещё темней, и мы плыли наугад. Только через пару километров Болва впадала в Десну и тогда, собственно, начиналось наше путешествие. Было жутковато плыть по тёмной реке, берега просматривались туманным призраком. Как специально, небо затянуло тучами. Хлюпала вода. Мы, притихнув, сидели на мешках, не зная, что делать, как управлять плотом, который плыл по течению большими зигзагами от одного берега к другому.

Летом солнце встает рано, и к четырём утра забрезжил рассвет. А с ним пришёл голод и холод. Мы по-прежнему плыли в неуправляемом движении, понимая, что нам надо уплыть как можно дальше от проклятого забора. Мы мужественно переносили неудобства и вздрагивали от звуков моторных лодок рыбаков, представляя, что нас настигает охрана завода, наконец, обнаружившая пропажу забора. Только поднявшееся летнее солнце согрело нас и наполнило уверенностью в успехе начавшегося путешествия. Гришка с Вовуном пустились в обычную болтовню, смакуя операцию с забором. Я начал присматриваться к плоту, изучая его и думая, как им управлять.



Мы пристали к берегу в сосновом лесу, как только за поворотом пропали последние дома Брянска. Сначала все набросились на еду. Молодые организмы требовали подкрепления, и в ход пошли припасённые дома продукты. На солнышке, в тепле и сытости разморило и хотелось спать, но нам предстояла большая работа по переоборудованию плота. И мы мужественно трудились целый день. Здесь пригодились навыки Григория в работе пилой и топором. Щит от забора был установлен на деревянные подставки, и теперь можно было не опасаться, что наши вещи будет заливать вода. Из трёх камер сделали ещё один плот. Особенно много времени потратили на их наполнение воздухом. Насос был небольшой, велосипедный, камеры огромные и мы по очереди качали его до самого вечера, выбиваясь из сил. Камеры связали, настелили на них досок и веток и привязали получившийся плот к основному. Вовун на этом не успокоился и ещё соорудил мачту, на которую водрузил синий треугольный флаг. Вовун с гордостью смотрел на развевающийся на ветру флаг, на котором по-английски было написано «MARUSYA». Когда он успел сделать этот флаг, мы с Гришкой даже не заметили. День потихоньку клонился к концу. Тени удлинились. От реки повеяло прохладой. Наскоро перекусив всухомятку, мы двинулись дальше.



Теперь нам было просторнее. На большом, основном плоту мы установили палатку, а один из нас, по очереди, сидел на «Марусе» (так мы называли плот из резиновых камер). Конечно, мы хотели уплыть как можно дальше и поэтому, поступив опрометчиво, решили плыть ночью.

Днём зелёные берега, песчаные плёсы, деревеньки, встречавшиеся на высоком берегу, делали Десну домашней, уютной. От окружавшего пространства исходило умиротворение. Так и хотелось блаженно растянуться на тёплых досках и лежать, лениво отгоняя мух веточкой, мурлыкать полюбившийся мотивчик, уже начинавший надоедать. Или закрыть глаза и через веки ощущать тепло солнца, ласковое дуновение ветерка и



звуки природы, щебет птиц, кваканье лягушек, далёкое мычание коровы на фоне шелеста зелёных ветвей.

Ночью река преображалась. Каждый звук и шорох становились таинственными, необъяснимыми. Можно было только догадываться, что там ухнуло впереди. Плеск о борта уже не казался веселой игрой волны, а был настораживающий и многозначительный. Зелёная стена превращалась в сумрачно-тёмную, к которой совсем не хотелось причаливать. Вода становилась маслянисто-чёрной и даже луна, отражаясь в этой вязкости, только подчёркивала её и манила своей дорожкой в жуткое и непознанное. От воды веяло холодом. Мы надевали телогрейки и притихали, зачарованные окружающим и взволнованные таинственной неизвестностью.

Десна постоянно петляла. Она то разливалась, превращаясь в большую, полноводную лениво текущую реку, то разбегалась рукавами, почти терялась в зарослях камыша, кустарников и деревьев, чуть ли не сходившихся кронами вверху. Её берега менялись, как изгибы женского тела, от плоских песчаных пляжей и мягких заливных лугов, до крутых откосов с сосновыми борами наверху и чудным переплетением береговых кустарников. Время – это изменение событий. Так и для нас, время то тянулось монотонной зелёной лентой, то бежало вприпрыжку вместе с деревенскими пацанами, преследовавшими нас на велосипедах, то ускорялось с байдарками, лодками рыбаков и катерами «рыбнадзора», обгонявшими наш медленно плывущий плот.

Впрочем, плыли мы по ночам недолго. Сначала нас занесло на крутом повороте в береговой кустарник. Что там джунгли Амазонки! Мы безуспешно пытались освободиться от невидимых пут, отталкиваясь шестом. Безуспешно. Он проваливался в мягкое илистое дно реки. Мы пытались подтаскивать плот, хватаясь за ветви, но другие ветки только сильнее держали нас, проникая между досок. Мы выбились из сил и притихли, прижавшись, друг к другу в палатке, смирившись с тем, что нам не выбраться из этой ловушки до утра.

Потом меня сбросило в воду. В этот день ссылку на «Марусе» отбывал я. Мне особенно нравился вечер, переход от дня к ночи. Как меняется природа. Кажется, что это уже не земля, а какая-то другая планета. На реку спускался сумрак. От реки поднимался туман. Пока ещё лёгкий парок, как бы играючи, то появляясь, то исчезая, но с каждой минутой густея, наливаясь силой, устойчиво отвоевав своё пространство над водой. И звуки! Это совсем другие звуки, чем днём. Вечером обращаешь внимание на звуки, которые днём и не замечешь. Как плохо, что человек не может возвратиться к восприятию прошлого чувствами. Память она от ума. Настоящее от чувств. Мы можем только вспоминать, как мы чувствовали, но не можем почувствовать это снова. Для этого, наверное, и созданы книги,

чтобы хоть как-то приблизиться к тем ощущениям, запахам, звукам, которые потрясли нас в далеком прошлом. Увы, повторить нельзя ничего.

Трос, натянутый через реку, первый заметил я. Это был трос паромной переправы и располагался он над самой водой. На моё предупреждение ребята среагировали мгновенно. Они сложили палатку, распихали мешки и рюкзаки, грудой возвышавшиеся в центре, убирали всё, что возвышалось. Они прыгали друг через друга и вещи. Гришка матерился, Вовун был резв до неузнаваемости, а я весел и спокоен. Я ехидно подбадривал их, призывая к ещё большей резвости. Я стоял на «Марусе», опираясь на мачту, в распахнутой телогрейке, как капитан, с мужеством ожидающий надвигающийся девятый вал. И он пришёл. В последнее мгновение Гришка и Вовун плюхнулись на плот, и трос под мой восторженный возглас, прошёл в миллиметрах над выступающими частями их тел. Следующий возглас мой был далеко не восторженный. Трос так быстро вдруг оказался передо мной, что я и не ожидал. Я думал, у меня будет достаточно времени, чтобы поудобнее устроиться на пустой «Марусе» и пропустить трос над собой. Но он как будто вырос из тумана прямо передо мной. Мне ничего не оставалась, как инстинктивно схватиться за него руками. Река бежала, трос натягивался, «Маруся» уходила у меня из-под ног. Трос сработал, как натянутая тетива лука, а я - как заряженная стрела. Теперь уже потешались надо мной Гришка с Вовуном, первым делом, конечно, выловив меня из воды. Несмотря на мои таланты в плавании, но в резиновых сапогах и телогрейке я оказался в незавидном положении. Мокрый, посредине ночи и реки. Но нам повезло, впереди совсем недалеко замаячил свет. Оказалось, что на другом пологом берегу реки была расположена ферма. Этот паром был, наверное, сооружен для этой фермы, чтобы молоко вывозить в деревню. Плот сам выплыл к берегу без особых наших усилий. Несмотря на поздний вечер нас встречали старый Кузьмич, сторож, и не менее старый пёс по клички Джульбарс. (Был раньше, какой-то фильм про пограничников, где так звали овчарку главного героя. Видно, Кузьмич его тоже смотрел). Кузьмич опирался на такую же старую, как он сам берданку, а пёс лениво и простужено лаял. Вместе с Кузьмичом на ферме были пятеро доярок. Две из них, молодые девицы лет по двадцать пять, несмотря на грязные ватники и сапоги, выглядели, как кустодиевские девушки. Румяные, упитанные, смешливые. Меня первым делом переодели в сухое. Под шуточки Гришки, который тут же начал заигрывать с одной из доярок, мне предложили помощь. Я смущался, краснел. Я представить себе не мог, как мне переодеваться в сарае, где пахло коровами, на полу насыпана грязная солома и нет нормальных дверей под взглядами молодых женщин. Потом нас поили парным молоком с мягким, по всей видимости сегодня испечённым хлебом и предлагали остаться в деревне, потому что у них не хватает молодых парней, а те, что остались, все спились, и нам найдут самых лучших невест.

Гришка в углу уже обнимался с одной из доярок, а мы с Вовуном, который только на словах был смелый, провели ещё несколько часов в обществе Кузьмича и других женщин. Спали мы на топчанах, устланных соломой, в отгороженном брезентом закутке сарая.

После этого приключения мы решили больше не испытывать судьбу и по ночам не плыть. Под вечер мы останавливались и первым делом привязывали плот. Потом устанавливали палатку, разжигали костёр и переносили на берег необходимые вещи. Ужин готовили основательно, так как в течение дня питались, в основном, в сухомятку. Варили какую-нибудь похлёбку, правда, больше из концентратов, но с добавлением картошки, риса или макарон. Несколько раз нам удавалось наловить рыбы, и мы готовили уху. Нам не было скучно. Если мы и ссорились, то ненадолго. О чём мы говорили? Обо всём! Пожалуй, кроме спорта. Мои друзья в нём ничего не понимали и не болели ни за какую команду. Сначала мы ложились спать вместе. Но это продолжалось недолго. В первую ночь вокруг палатки кто-то ходил, тяжело вздыхая. Сначала мы затихли и прислушивались, пытаясь понять, кто это, потом устроили маленькую потасовку, каждый старался вытолкнуть кого-нибудь наружу для проверки. Палатка чуть не упала, но никто так и не вылез из-под тёплых одеял. Утром оказалось, что это обыкновенная корова мирно щипала травку недалеко от палатки. Этот шанс мы упустить не могли, и я превратился в тореадора (или матадора, или пикадора, но нам больше нравилось звучное - тореадор). В руках у меня была красная майка, которой я, как мне казалось, изящно размахивал перед её мордой. Корова всем своим видом говорила: «Отстаньте от меня, дураки», но я под улюлюканье Гришки и Вовуна, продолжал всё энергичнее махать майкой. Корова отворачивала свою рогатую морду, но я неизменно оказывался снова перед ней. Наконец ей это надоело и, издав возмущённое мычание, она ломанулась через кусты. Преследовать я её не стал, и сделал какой-то немыслимый реверанс, сорвав аплодисменты зрителей.



Во вторую ночь какие-то грызуны съели половину оставленного в мешке сала. Это был удар. Сало было не заменимо в нашем походе. С чёрным хлебушком да лучком! Вкусно, быстро, сытно! Мы решили по очереди дежурить, чтобы отгонять от спящих всякую лесную и домашнюю живность и нечистых духов, как сказал Вовун. В такое дежурство я поймал свою первую, да, пожалуй,

и последнюю рыбу. Так уж получилось, я не рыбак. В этот день я дежурил последним. Гришка разбудил меня часа в три утра. Только начинало светать. Даже не светать, а так, какие-то намёки, какое-то изменение цвета полоски горизонта на востоке. Воздух ещё густой, насыщенный ночью и влагой от реки. Он неподвижен. Он приготовился встречать солнце и затаился пока. Сначала кажется, что вокруг таинственная тишина. Но потом замечаешь жизнь. Она всюду. В прибрежных кустах дрожанием, шорохом, писком и треском. Это птицы готовятся встречать рассвет. Внизу у реки раздаются плеск, бульканье, кваканье – это речные жители ещё продолжают свою ночную жизнь. На крутом берегу, где расположена наша палатка, сухо и здесь идёт своя жизнь. Но вот поверхность реки, как будто оживает, как будто встряхивается от ночной спячки. Она вся в расходящихся кругах. То там, то сям круги становятся небольшими волнами от всплеска, произведённого рыбами. Кажется, даже водоросли всплыли вверх, готовясь к встрече с солнцем.

Восток начинает менять цвет. Уже не тон, который только обозначился 15 минут назад, а цвет. На горизонте появляется чуть заметная багряная полоска. Небо над ней становится иссиня тёмным, переходя в темноту отступающей ночи. Багряная полоса с каждой минутой увеличивается и светлеет, отгоняя синеву всё выше и выше. Природа замирает на какое-то мгновение, как спринтер перед стартовым рывком, и вдруг обрушивается хором птичьих голосов: трелей, свистов, треском, которые сливаются в единой гармонии звука. Деревья начинают шуметь, создавая фон от неизвестно откуда взявшегося ветерка. Река как будто вскипает, так много на её поверхности появляющихся и исчезающих точек, кругов, ряби и воронок. Ещё мгновение и вот он взрыв. Белый купол востока окрасил небо в голубой цвет. И в этом куполе на самом горизонте появляется яркий, оранжево-бордовый сегмент. Солнце! Оно встаёт над горизонтом спокойно, уверенно и быстро. Оно главное в этом мире. Оно божество! Ещё сильнее неистовствует птичий оркестр. И растворяется. Нет, он не замолкает, он растворяется. Он распадается на отдельные голоса, которые уже становятся только фоном окружающей природы. Постепенно сереет река. Исчезли круги и воронки. Река как будто



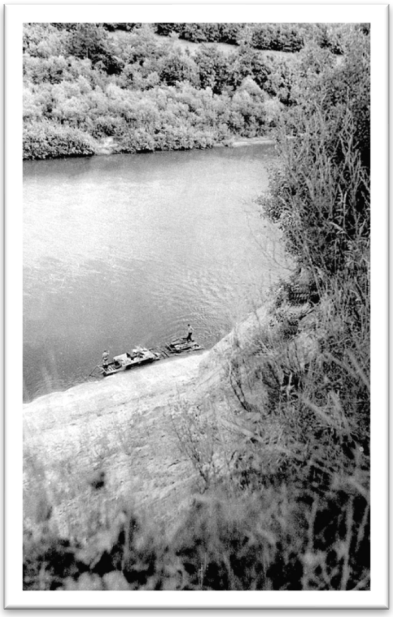
побежала, проснувшись и отряхнувшись. Воздух прогревается, и теряется ночная густота и влага. Наступило утро.

Вот в такое утро я поймал свою первую большую рыбу. Разбуженный Гришкой, я не совсем ещё проснулся. Тепло палатки быстро уходило, и я, кутаясь в телогрейку, прогуливался по берегу. Обязанность ловить рыбу по утрам меня беспокоила. Лучше всех это занятие получалось у Гришки. На днях он наловил целую миску мелочи и засолив, намеревался сделать из неё таранку к пиву. Но обязанность есть обязанность, и я, что-то наживив на крючок, забросил удочку. Я сидел на откосе высокого берега и то ли дремал, клевая носом, то ли мечтал, но мысли мои однозначно были далёко от реальности. В какой-то момент в руках моих что-то дёрнулось и, очнувшись, я увидел, что поплавка на воде нет, леска напряжена, удилище выгнулось дугой. Естественно, я сделал то, что сделает любой неопытный рыбак. Я что есть мочи дёрнул удочку и потащил её к берегу. Я вытащил её. Эта была огромная рыба. Или мне так казалось с высокого берега от утренней серости и ещё дремавшего разума? Нет! Всё-таки эта была большая рыба. По крайне мере большей я в своей жизни не ловил. А поскольку я вообще почти ничего не ловил… Но то, что она была достаточно крупная – это факт. Рыба упала на берег в метре от воды и неистово прыгала по песку. Я, как в замедленной съёмке, видел, как она всё ближе и ближе приближается к краю воды. С диким воплем я прямо с трехметрового откоса прыгнул вниз и, растопырив руки, всем своим телом кинулся на рыбу. Я накрыл её уже практически в воде. На берег выскочили заспанные и испуганные Вовун с Гришкой. Ничего не понимая, они смотрели, как я, лёжа в телогрейке и сапогах в воде, изгибаясь всем телом, делаю что-то непонятное. Увы! Рыбы подо мной не оказалось. Потом ещё долго ребята вспоминали мне эту рыбалку, подкалывая и издеваясь. Гришка вообще развил целую теорию, как мозг, отягощённый тяжёлыми физическими испытаниями многодневного похода, отсутствием здоровой и полезной пищи и эротическими фантазиями развивающегося организма, может создавать фантасмагории в виде рыб, русалок или других невиданных тварей.



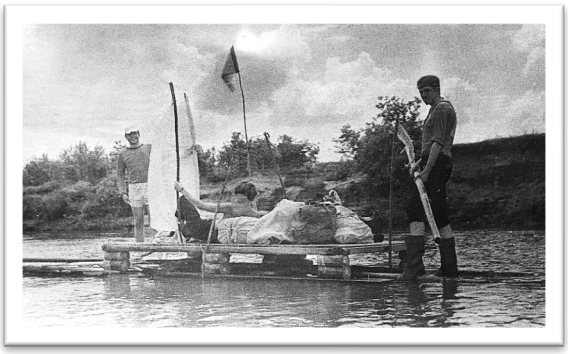
В некоторых местах Десна была прямая и широкая. Правый крутой берег иногда превращался в настоящие откосы, вертикально уходящие вверх метров на пятьдесят. В таких красивых местах мы останавливались, привязывали плот и карабкались до самого верха. Прекрасная картина родных просторов. Сердце наполнялось восторгом, а

лёгкие воздухом. Хотелось кричать, что есть мочи, и мы кричали, раскинув руки, будто в полёте. Внизу таким маленьким казался наш плот, и возникали тревожные мысли о хрупкости и ненадёжности этого плавучего сооружения. Но только на мгновение, потому что они отступали от радости существования, молодости, дружбы, в общем счастья. Мы делали (в основном Вовун) обязательные фотографии, для истории, как говорил Григорий. Он оказался прав. Хотя бы для истории в виде этих записок они оказались востребованы. Я всё думаю-мечтаю, что может быть когда-нибудь их прочтут наши дети или внуки. Вспомнят нас, представят молодыми и нашим душам станет чуть теплее там, высоко в небесах.



Я старался, чтобы наша флотилия смотрелась, как можно лучше и постоянно подправлял плот шестом, что бы он плыл носом вперёд. Ребята сначала надо мной подшучивали, убеждали оставить глупое занятие, потому что мы плывём по течению, и плоту всё равно, как плыть. Они отговаривали, советуя поберечь силы, но я упорно направлял плот носом вперёд, и они от меня отстали.

Днём под тёплым летним солнышком мы раздевались, подставляя свои тела под его лучи. Вовун в тёмных очках и трусах в розовых цветочках типа «а-ля, Ну-погоди» на корме, Гришка в белой фуражке, напоминающей капитанскую Остапа Бендера, на возвышении в центре, и я в красной майке с шестом на носу по всей видимости для местных жителей смотрелись достаточно колоритно.



– Бабы, глядь! Набрали щепок и плывуть! – раздавался взрыв весёлого хохота с высокого берега, где группа молодых женщин ворошила сено. Тут же в перепалку с ними вступал, конечно, Гришка.

– Привет трудовому крестьянству – приветствовал он женщин высоко поднятой рукой – Какие успехи в производстве сельскохозяйственной продукции? – продолжал он.

– Гляди, гляди, а трусы-то в цветочек – снова не унимались женщины, задорным смехом сопровождая новую реплику.

КВНовская дружественная перепалка продолжалась всё время, пока плот проплывал мимо. И заключительное прощание, когда мы, стоя, приложив руки ко лбу в виде американского приветствия военных, и девчата, выстроившись над самым обрывом, платочками махали нам вслед, останется у меня в памяти надолго. Было во всем этом что-то чистое, светлое, русское.



Чем дальше по течению, тем река становилась шире, мне казалось, мощнее. Уже почти не было заток, скрытых камышом, и ветви деревьев на разных берегах не дотягивались друг до друга. Всё чаще появлялись понтонные мосты, доставлявшие нам кучу неудобств. Приходилось останавливаться, снимать с плота все наши вещи, мачту на «Маруси», перетаскивать всё это по берегу, а потом переправлять плот между понтонами, где он зачастую проходил еле-еле. И всё это приходилось делать на глазах почтенной публики из переправляющихся через мост, которая обязательно находилась, да ещё норовила давать умные советы, что нас ужасно раздражало.



Ближе к границе Брянской области и Украины (деревня Белая Берёзка) река стала судоходной. Появились катера и баржи. Нам уже приходилось соображать, где можно, а где нельзя плыть. Мы начинали задумываться о завершении нашего путешествия.

Последним приключением явилась встреча с рыбнадзором. Они догнали нас на катере уже ближе к вечеру, когда мы искали, где бы лучше остановиться на ночлег. В катере было двое мужиков, небритых, неопрятных, уже пьяненьких. Они нас предупредили, чтобы ночью не вздумали плыть, потому что должны пройти две баржи с песком, и нас раздавят как спичечный коробок и даже не заметят. В конце концов, когда они узнали,

что у нас есть бутылка водки, хранившаяся на всякий пожарный случай, они предложили зацепить наш плот за катер, потому что им всё равно ещё плыть вперёд километров десять. Мы с радостью согласились. Плот прицепили стальным тросом быстро, пригодились наши навыки стропальщиков. Мы перебрались на катер. Завелся двигатель, забурлила вода, и катер медленно стал набирать скорость. Трос натянулся, натянулась и верёвка, к которой была привязана наша «Маруся». Мы видели её в последний раз. Верёвка лопнула, и наша «Маруся» быстро стала удаляться. Хотелось остановить катер, было как-то обидно смотреть, как наш запасной плот, покачиваясь на волнах, размахивая голубым флагом на мачте, скрывается за поворотом. Это был как сигнал, мы как-то сразу все вместе поняли: это конец.



Потом мы плыли вдоль вечерних берегов, и пьяный мужик лихо крутил штурвал управления. Потом мы сели на мель и, не смотря на попытки высвободиться, зарывались ещё сильнее. Наши капитаны не очень сильно и долго горевали. Они выпили нашу водку. Оставили нам сало в грязной тряпице, пол бутылки мутной самогонки, заткнутой свёрнутой газетой, и отправились за подмогой в ближайшую деревню, правда, намереваясь зайти еще к какой-то Верке, у которой всегда есть что выпить. Нам было приказано охранять катер и ждать их.



Мы допили самогон и доели сало с хлебом. Было пасмурно. Казалось, что вот-вот пойдет мелкий осенний дождь. Спать мы улеглись в каюте. Она напоминала купе в поезде. На полках валялись грязные матрасы и одеяла. О борт хлюпала вода. Что-то скрипело и шуршало. Было жутко. Все притихли. И в такой момент Вовун вдруг начал рассказ про какие-то страшные случаи из истории пропавших на кораблях экипажей. Потом что-то вспомнил Гришка, потом добавил я. Потом в самый страшный момент раздался дикий Гришкин вопль, и с криком: «Секс пауза!» он бросился на Вовуна. Был у нас такой ритуал разрядки. Устроить небольшую потасовку. Как, правило, начинали Вовун с Гришкой, потом подтягивался и я. Напряжение было снято, и мы, ещё немного похихикав, заснули.

Утром нас разбудил холод и голод. Наскоро перекусив, остатками ужина, мы принялись изучать катер. Вовун даже пытался завести двигатель, и мы его еле отговорили. Мы так и не дождались хозяев катера. Отвязали наш плот и отправились дальше. Стало как-то грустно. То ли погода создавала такое настроение, то ли нам уже надоело наше путешествие и хотелось чего-нибудь нового. Гришка стал вспоминать, что он обещал родителям вернуться, чтобы помочь в каких-то делах по дому.

Утром нам повезло. Мы пристали возле небольшой деревушки, состоящей из нескольких домов, стоявших на берегу реки. Гришка, как самый способный из нас к хозяйственным делам, отправился к домам и скоро пришёл с сопатым мужиком. Мужик долго смотрел на наш плот. Особенно ему понравились ровные доски БМЗовского забора. Торговались недолго и сошлись на ста рублях. В тех краях уже не было такого леса, как около Брянска, и доски и бревна были в цене.

На попутках мы добрались до города Трубчевска. Хотелось домой и мы, недолго думая, взяли такси. Как раз вырученных денег нам хватило на его оплату.

Какое это было прекрасное путешествие! Какое это было прекрасное время! Мы были молоды и перед нами расстилалась вся жизнь. И мы ничего не боялись. Это уже потом, обременённые заботами и ответственностью «*…а потом начинаешь спускаться, каждый шаг осторожненько взвесив…».* Но тогда мы этого ещё не знали. И слава богу. Это путешествие останется у меня в памяти всегда. И не важно, кем стали Вовун и Гришка, для меня они всегда будут теми молодыми, озорными обормотами, которых я любил и буду любить. И лёгкая, щемящая грусть всегда будет наступать, когда я буду вспоминать наш плот, плывущий по реке среди зелёных ветвей, навстречу солнцу, навстречу завтрашнему дню.

Как-то так сложилось, что в институте у меня не складывались отношения с девушками. Ну так получалось. Сидя на лекциях, в основном на задних рядах, я разглядывал девчонок, воображая себе всякие картины, писал стихи на задних страницах общих тетрадей, пронизанные тоской и одиночеством, в спортивном зале, украдкой наблюдая за тренировкой ловкой однокурсницы с потока, набрасывая в той же тетради её изящные силуэты. Однокурсники устраивали вечеринки, влюблялись, женились, а у меня и моих товарищей, кроме шутливых заигрываний да катания на мотороллере серьёзные отношения с девушками не складывались.

По-прежнему всё, что касалось противоположного пола, замыкалось на моих старых дворовых друзьях. Один из таких друзей, Володька К., уговорил меня встречать новый год в компании его друзей. Я и раньше с насторожённостью относился к этим ребятам, а теперь, узнав другой мир

и подавно. Но как-то он меня уговорил. Квартира на третьем этаже в новостройке на окраине леса. *«… там были девочки Маруся, Роза, Рая …»* и много водки. С кем-то я целовался на лестничной площадке, и моя нетрезвая голова позволяла делать рукам то, что с трудом себе мог бы вообразить. Я раздевал её, и она раздевалась сама. Под накинутой на плечи цигейковой шубой не оказалось ничего. Как это получилось, я не понимал. Перед глазами всё плыло, голова кружилась, из желудка вот-вот готова была извергнуться гремучая смесь из водки, салатов и колбасы. Девица была не лучше. Пьяно хихикая, обнимала меня за шею и норовила поцеловать слюнявыми губами. Время от времени мимо проходили какие-то люди, и тогда она успевала, запахнув шубу, поворачиваться к ним спиной. Потом каким-то образом мы очутились на улице. Мороз был не большой и разгорячённое водкой молодое тело его совсем не ощущало. Маруся-Роза-Рая тащила меня в лес, и я шёл следом, как телок на веревочке. Она упала в сугроб, увлекая меня за собой. Я совершал какие-то судорожные движения, куда-то тыкаясь своим естеством, не ощущая при этом ничего, кроме подступившей тошноты. Я встал на колени и меня вырвало чуть ли не на неё. Я вскочил на ноги. Белый снег, распахнутые полы чёрной шубы и на ней белое пятно тела с чёрным треугольником посредине. Это всё, что я запомнил. Я шёл домой, шатаясь и бормоча проклятия, ругая и себя, и Марусю-Розу-Раю, и Володьку К. распоследними словами.

Солнце садилось, и тени от домов всё удлинялись, перекрывая обе стороны улицы. Становилось всё больше и больше прохожих. В скверах появились дети, сопровождаемые нянями и бабушками. Жара спадала. Я не спеша шёл по тенистой улице, а мысли мои были далеко, далеко…

На втором курсе в нашем институте открыли новый учебный корпус, построенный по последнему слову архитектурной мысли: стекло и бетон. В аудиториях пахло строительной пылью, ректорат боролся с недоделками, в том числе силами студентов, устраивая субботники по вывозу строительного мусора.

Несколько аудиторий было сделано в виде амфитеатра. Я любил устраиваться на верхнем ярусе. Отсюда лучше было наблюдать за девчонками, как правило, копошившимися внизу, мечтать, устремив взгляд на доску, где преподаватель выводил трёхъярусные формулы из сопротивления материалов, писать стихи, мои первые творческие попытки излить мысли, рождённые бурлящими гормонами, на бумагу в виде рифмованных строчек.

В то время был моден толстый журнал «Иностранная литература», который иногда публиковал популярные на Западе вещи. Журнал было достать трудно и его зачитывали до дыр, передавая из рук в руки. Мне иногда

удавалось через мою тётку получать журнал на несколько дней, что невероятно поднимало меня в глазах моих друзей и однокурсников. Иногда в журнале можно было попасть на описание любовных сцен, вполне по советскому причёсанных, но всё же возбуждавших буйную молодую фантазию, которая не останавливалась на литературном переводе и рисовала потрясающие эротические картины. Уже тогда мой «литературный талант» рвался наружу, чтобы поразить окружающих полётом фантазии и мысли.

На одной из лекций в моей любимой аудитории мне в голову пришла мысль, которую я немедленно начал осуществлять на задних страницах общей тетради конспектов по теоретической механике. Через несколько дней упорного труда я представил друзьям перевод с французского рассказа, который привезли из Москвы друзья моей тётки и который мне удалось переписать, так как выносить его из квартиры запрещалось под страхом смертной казни. Друзья клюнули, то ли потому что они знали, что у меня действительно есть молодая тётка, на семь лет всего старше нас, которая иногда мне потворствует то в виде журнала «Иностранная литература», то в виде ключей от её однокомнатной квартиры, находившейся рядом с институтом, то в виде небольшой, но своевременной финансовой помощи, а может, мои литературные изыскания были действительно хороши, как мне думалось. Так или иначе моя общая тетрадь пошла по студенческим рукам, обрастая легендой.

Закрученной сюжет о некой французской шпионке, на теле которой в самых интимных местах было зашифровано послание резиденту, которое проявляется только под воздействием специальной жидкости. К этой француженке был послан наш агент, который должен был прочитать послание любой ценой. Естественно, достаточная доля объёма моего рассказа занимало описание попыток проявить послание на теле юной шпионки.

Мне понадобился весь мой опыт, скудные знания и дикая неуёмная фантазия, чтобы описать то, что ещё я никогда не видел, все бугорки и впадинки, все ложбинки и возвышенности. Моя тетрадка сгинула в бездне студенческого общежития, а моё желание познать неизведанное возросло кратно. Засыпая по ночам, я представлял себя агентом КГБ, который исследует тело юной французской шпионки.

В Болонье я заказал небольшую гостиницу на краю города. Пожилая итальянка на «рецепшен», заученно улыбнулась и приветливо затараторила, перемешивая итальянские и английские слова, протягивая мне ключ от номера, предлагала мне какие-то услуги. Я поблагодарил и сказал, что мне ничего не нужно. Я хотел побыть один, что бы никто не отвлекал от мыслей и воспоминаний. Маленькая комната с окнами на тихую улицу меня вполне устраивала. Я плюхнулся на кровать и закрыл глаза ….

…Старый корпус нашего института, построенный ещё до революции 17-го года прошлого столетия из темно-красного кирпича, располагался на тенистой улице, носившей гордое название – Институтская. Стену здания украшала мемориальная табличка, гласившая, что в 1917 году Н.К. Крупская выступала здесь перед рабочими города Брянска. В длинных коридорах с высоченными потолками и окнами гулко отражались шаги. Старые двери аудиторий скрипели, как их ни старались смазывать. Впрочем, всё это создавало своеобразную атмосферу «пушкинского лицея»… Мне казалось, что и студенты вели себя здесь совершенно по-другому, чем в современном новом корпусе через дорогу. Впрочем, это не распространялось на вечернее время. Администрация разрешила в вестибюле корпуса устраивать студенческие вечеринки. Что ещё нужно молодым людям, уже студентам, читай молодой элите Брянска, да ещё в атмосфере ограниченного общества, куда попасть считалось за честь. Вечеринки пользовались популярностью. Именно там всё и началось. Именно там я и познакомился с Людмилой. Господи, как давно это было!

Глава 7

Она стояла с подругой у колонны. Я не сразу её заметил, выискивая глазами, кого бы пригласить на танец. Мой взгляд пробежал мимо и тут же вернулся. Что-то в её лице, её глазах заставило меня остановить взгляд. Какая-то застенчивая полуулыбка Джоконды, в то же время лукаво обещающая, зовущая в неизведанное. Белые волосы, как бы светились ореолом от светильника, установленного на колоне позади неё. Наши взгляды встретились. Уголки её губ дрогнули, ресницы на мгновение скрыли серо-зелёные глаза, чтобы вновь взглянуть в мою сторону.

– Ну, я пошёл – буркнул я Вовуну.

Мы танцевали, как в то время было принято в молодежной среде, прижавшись друг к другу. Я ничего не спрашивал, она тоже молчала. Мы просто наслаждались друг другом, близостью молодых тел, запахом молодости, влечением испытываемом к противоположенному полу.



Возвращаясь домой в свой Новый городок в переполненном троллейбусе, я увидел её на передней площадке и удивился совпадению. Она жила в нашем районе.

Очередной вечер в общежитии нашего института познакомил нас. Увидев её, я уже целенаправленно выгадывал момент для приглашения на танец. Она уже ждала

именно меня. Я видел, как она отказывала парням, опередившим меня. В моей душе взыграли фанфары. Я уже хотел провожать её до дома, целовать в подъезде и может даже…. Её звали Людмила и она согласилась, что бы я её проводил после танцев.

У меня снова началась внутренняя борьба между желанием оказаться вдвоём с девушкой и страхом: что я с ней буду делать, о чём говорить, как себя вести. Этот страх, эта неуверенность, возникавшая в присутствии женского пола, ещё долгие годы будет преследовать меня. Я с огромным облегчением всегда воспринимал, если девушка, а в последствии и женщина была активней меня, руководила процессом исподволь или напрямую направляла отношения в нужное русло. Если оно меня устраивало, я просто подчинялся, делая то, что доставляло удовольствие и мне. Если что-то было не так, я просто убегал в «кусты», прекращая встречаться, отвечать на звонки, ничего не объясняя. Так как ужасно не любил выяснять отношения. Не любил тогда, не люблю этого и сейчас.

С Людмилой всё было не так. Она не была активной стороной. И мы мучились. Встречаясь, мы о чём-то говорили, о чём-то спорили, но меня это напрягало, и мысли всё время крутились, как бы нам уединиться и как бы мне с ней заняться тем, чем занимаются наедине молодые парни и девушки.

Нет, ни о каком сексе не шло и речи. Я даже в мыслях не представлял, как это возможно. Но в то же время воспоминания моего небогатого опыта толкали меня на совершение поступков.

Рука на коленке в тёмном зале кинотеатра «Победа» и робкие попытки продвинуться чуть выше дозволенного. Сердце колотилось, внизу всё возбуждённо горело, и рука медленно миллиметр за миллиметром продвигалась всё выше и выше, чтобы в один момент оказаться там, с чего всё начиналось. И вновь, и вновь повторять попытку. Какой там Марчелло Мастроянни и Софи Лорен? Я не замечал сюжета, не слышал реплик. Все страсти для меня были в наших руках и её колене.

Обшарпанные грязные подъезды наших домов. Я никак не мог заставить себя, обняв, её поцеловать. На лестничной площадке горел свет и мне всё время казалось, что вот сейчас откроется дверь и её увидят соседи, а я не мог её скомпрометировать. И мы расставались, как юные пионеры, держась за руки. Я как-то пожаловался на эту дурацкую лампочку моим дворовым товарищам. Вот уж они посмеялись надо мной, но в следующий раз в подъезде было темно. Она невольно, а может быть и вольно, прижалась ко мне, как бы прося защиты от темноты и неизвестности, а я как бы невольно, но с большой охотой обнял её. Это был наш первый поцелуй. Неумелый, почти братский, но такой долгожданный и желанный.

Дальше стало легче. И мы целовались, как только представится случай. Целовались с удовольствием, со страстью, какой она могла быть в те

годы и в том возрасте, наслаждаясь губами и совершенствуясь от вечера к вечеру.

В нашем районе появились первые 9-ти этажки. Верх совершенства советского домостроения. В один ненастный осенний вечер мы оказались в подъезде такого дома. Я уже не помню, кто кого увлёк в этот подъезд. Наверное, обоюдное желание оказаться в тепле вдвоём. Один подталкивал другого, второй не сопротивлялся. Мы оказались на лестничной клетке предпоследнего этажа. Там я впервые увидел это чудо – женскую грудь. Правильнее, девичью, ещё не развитую, молодую, упругую.

«А грудь её была бела
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма»

Я, наверное, терял сознание на какое-то мгновение. По-моему, она то же. Её глаза заволокло поволокою. В них появилась какая-то отстранённость от этого мира, от лестничной клетки, может и от меня. Казалось, она готовится к переходу в какой-то иной мир, ведомый только ей. Она как-то сразу стала взрослей. Она смотрела на меня, прильнувшего к этой груди сверху вниз и что-то в этом взгляде было от мудрой женщины-матери, глядевшей на расшалившегося ребёнка.

Я трогал её неумелыми руками, стараясь не причинить боль, и ощущал огонь в своей груди, от которого я задыхался, и который разрывал всё внутри и толкал на безумство.

Впрочем, всё это продолжалось недолго. Где-то что-то скрипнуло, стукнуло. Людмила напряглась. В одно мгновение отрешённость её исчезла. Она начала быстро прятать своё белое тело, отвернувшись к стене. На щеках появился стыдливый румянец.

Всё кончилось! Мы шли домой какие-то замкнутые, находясь все в себе. Нет, не отстранённые, не раздражённые, не злящиеся друг на друга, а ушедшие в себя, в свои чувства и ощущения. Вот именно – в свои. По молодости и неопытности я как-то не мог сопереживать за партнёршу. Её состояние мне было просто непонятно. Мне бы разобраться с собой, со своими ощущениями, чувствами и мыслями.

Наши встречи продолжались, но мне больше так и не удалось найти способ вновь увидеть желанное и запретное.

Глава 8

Гостиница была маленькая, и ресторан в ней отсутствовал. К вечеру от праздничного обеда остались одни воспоминания и мне захотелось есть. На окраине города туристов не бывает, ресторанов и кафе по близости не оказалось. Я пошёл вдоль улицы в надежде, что мне попадётся

какой-нибудь «общепит». Метров через пятьсот действительно на перекрестке двух улиц мелькнула надпись «Ресторан». Я зашёл. В небольшом зале было тихо и уютно. С десяток столиков накрыты кремовыми скатертями, небольшой бар с напитками и одинокий посетитель, пожилой итальянец сидел в углу за бокалом красного вина и тарелкой с сыром.

Официантка, женщина средних лет, в клетчатом переднике, появилась сразу, как только я сел за столик. Она что-то сказала мне на итальянском, я на английском попросил меню. Слово «меню», наверное, понятно на всех языках. Однако оно оказалось только на итальянском. Разбираться в меню на незнакомом языке с официанткой, не понимающей по-английски мне, не хотелось. Я нашел раздел ПАСТЫ и ткнул пальцем в середину списка примерно из 15 наименований. Заказать бокал красного вина было тоже не сложно.

Мои мысли снова заструились ровным потоком воспоминаний… И вдруг мне представилось, что сейчас, в эту самую минуту, в этот тихий ресторанчик войдет Людмила. И она вошла…

Лёгкое серо-зелёное платье под цвет её глаз, перетянутое на талии тоненьким пояском, русые волосы ниспадали по шее до плеч, и улыбка Джоконды, та, чуть ироничная, чуть застенчивая, чуть надменная, создававшая из этих чуть загадочность и неотразимую привлекательность, и зовущая, и сдерживающая, та улыбка, которая толкнула меня когда-то к ней. Она вошла, лёгкая и изящная, оглядела зал, тряхнув голой, отчего волосы волной перекатились по плечам, и направилась к моему столику.

– Привет, Вить! Ты давно меня ждёшь?

Я смотрел на неё, на это чудо природы, на это совершенство, на это юное создание и не мог ничего сказать, кроме нечленораздельго мычания. Она засмеялась, от чего её лицо стало ещё прекрасней.

– Да, не бойся, я это, я. Твоя девушка из прошлого.

Я оглянулся по сторонам. Пожилой итальянец по-прежнему склонился над тарелкой, держа в одной руке бокал с красным вином. Где-то в глубине мелькнул клетчатый передник официантки, за окном проехала машина. Людмила отодвинула стул и села напротив меня, подперев двумя руками подбородок, смотрела на меня, продолжая улыбаться. Я под столом ущипнул себя за ногу и почувствовал боль. Значит, я не сплю, значит это реальность? Господи, ну как же это возможно?

– Возможно, Вить. Возможно! Всё в нашем мире возможно. Ты же хотел поговорить? Вот я и пришла. Как поживаешь? – спросила Людмила, поудобней усаживаясь на стуле.

– Хорррошо – наконец-то смог промямлить я.

– Да расслабься ты – Людмила снова рассмеялась – Хорошо, давай начну я. Ты теперь с усами. Я не знаю тебя такого. Не привычно как-то. Но они тебе идут. Давно носишь?

– Усы у меня после института появились. Как уехал в Казахстан на трассу газопровода после окончания института, так и остался им верен навсегда – сказал я, по-прежнему с непониманием смотря в глаза той, двадцатилетней Людмилы, которую я знал когда-то.

Людмила перестала улыбаться. Даже немного нахмурилась. Сразу как-то повзрослев.

– Наш мир Виктор сложен и не познан. В нем всё переплетено и взаимосвязано. И я, которую ты знал, и я, которая сейчас сидит в Перудже у кровати умирающей матери моего итальянского мужа, и я, которой уже нет, пришли, чтобы поговорить с тобой. Ты же хотел этого. И сейчас мы будем с тобой вспоминать. Вспоминать про нас.

– Зачем? – промямлил я, по-прежнему не понимая, что происходит.

– Ну, как же. Ты, который сейчас сидишь передо мной, человек настоящего, получился благодаря прошлому. Ты создавался отцом, матерью и многими, многими людьми, в том числе и мной. И я заложила что-то в тебя сегодняшнего, так же, как и ты создавал меня. Ладно хватит философствовать. Давай вспоминать. – Людмила улыбнулась, снова положила голову на ладони рук, упёртые локтями о стол, и посмотрела мне в глаза.

– Ну, давай! В квартире № 41 в доме, в котором я жил в Брянске, проживал Александр Иванович. Его жену звали Людмила. Отчество не знаю. У них были две дочери Лариса и Марина. Это твои двоюродные сёстры?

– Да, это мои сёстры. А я жила в доме напротив автобусной остановки, где магазин «Мечта». Мечта – какое название для нашего советского времени. Как только народ не обыгрывал это название.

– А ты помнишь, как мы познакомились?

– Конечно. Мы стояли у колонны в холле старого корпуса нашего института с моей подругой Зябой. Мы с ней дружили ещё с первого класса. Я уж не помню, какая музыка играла. Я увидела тебя, наши глаза встретились. Всего на мгновение и я их отвела. Негоже девушке нашего времени долго и пристально смотреть в глаза парню, – Людмила озорно стрельнула на меня своими изумрудами из-под чёлки волос и улыбнулась – это сейчас можно всё. О времена, о нравы! Ну об этом мы, может

быть, ещё поговорим. И хоть я не смотрела на тебя, я видела, как ты подходишь ко мне. Это был первый наш танец! Кажется, так это было?

– Да – промямлил я, по-прежнему находясь в неком ступоре, всё ещё плохо соображая, что происходит. Может, это не Людмила, а кто-то специально меня разыгрывает? Как такое вообще может происходить в реальности? И я ещё раз ущипнул себя за ногу.

– Знаешь – продолжала Люда – я сразу почувствовала, что ты мой. Женщины так могут! Начинаешь общаться с парнем и чувствуешь, это твой человек или нет. И объяснить не можешь, почему ты так решила, но знаешь, с этим можно продолжать отношения, а с этим нет. А особенно в танце. Ты помнишь, как мы тогда танцевали? Прижаться телами друг к другу, чувствовать сердцебиение своё и партнёра! Потом, когда ты меня проводил на место, я спросила Зябу «Как?» и не дожидаясь ответа, я уже знала, что мы ещё встретимся. А когда увидела тебя в троллейбусе, так сердце и забилось! Я тогда подумала: «Это судьба!».

– Да, да, троллейбус! – сказал я – Они, как правило, ездили забитые под завязку телами, так и напрашивается избитое сравнение – как сельди в бочке. Я ездил, как минимум, два раза в день, в жару и холод. Впрочем, холодно в троллейбусе не было никогда. В тот вечер после танцев в институте я увидел тебя на первой площадке рядом с твоей подругой. Вы стояли, стиснутые телами, прижавшись к металлической стойке. И я не мог отвести взгляд, и наши глаза опять встретились, и ты уже не отводила своих зелёных в сторону, и всю дорогу мы смотрели друг на друга.

– А потом мы вышли на одной остановке, и я всё украдкой оборачивалась, думая, что ты пойдёшь за нами, но ты пошёл в другую сторону. И мне было обидно! Зяба всё успокаивала меня и говорила, что мы ещё встретимся обязательно.

– И мы встретились. Кажется, это было в общежитии всё на тех же танцах. Где ещё можно было знакомиться с девушками в наше время, как не на танцах?

– Да, я уже ждала, что ты снова пригласишь меня, и отказывала другим парням. А потом мы гуляли. И ели яблоко, откусывая по очереди. Одна моя однокурсница видела нас и разболтала всем девчонкам, пытаясь выяснить, с кем это я гуляю. Впрочем, она очень хорошо отзывалась о нас, мы ей очень понравились.

Людмила внимательно посмотрела мне в глаза и улыбнулась той полуулыбкой полуусмешкой, еле трогающей уголки губ, которая меня привлекла и которую я потом вспоминал на протяжении многих лет.

– А помнишь, как мы с тобой ходили в кинотеатр "Победа" на последний сеанс? – продолжала Людмила - Вот и сейчас перед глазами стоит, как мы с тобой смотрим итало-советский фильм "Подсолнухи" с Марчелло Мастроянни и Софи Лорен. Я очень переживала, как будет неловко смотреть с тобой такой эротический фильм. (Господи! Какая эротика для современного мира?) И почему-то помню, что зал был полон, мы сидели где-то в среднем ряду ближе к правому краю и твою руку на моей коленке. И лёгкая дрожь по всему телу, как утренний ветерок, создающий рябь на гладкой поверхности реки. И твоя рука, такая ласковая и желанная, продвигающаяся медленно, очень медленно всё выше и выше. И страх, борющийся с желанием, подкреплённым приятной негой, всё-таки побеждающий, заставлял отодвигать твою руку, что бы всё повторилось снова! Я смотрела на экран и ничего не понимала, ничего не слышала, кроме стука своего сердца. Казалось, оно гремит на весь зал, и ты должен был обязательно его слышать.

– Конечно, я слышал. Только стук своего сердца! Так наши сердца и стучали в унисон на протяжении всего фильма. А потом мы шли на остановку, держась за руки и ехали на нашем троллейбусе, прижавшись друг к другу на задней площадке, и я радовался, что даже в столь поздний час троллейбус был переполнен. А потом мы целовались в тёмном подъезде твоего дома. И я снова радовался, что мои ребята разбили эту дурацкую лампочку.

– Ах, так это твоих рук дело! – засмеялась Людмила – Моя бабушка так ругалась на хулиганов и всё грозилась в милицию пойти. Мне кажется, я до сих пор помню твои губы. Неумелые и желанные! Мне их так недоставало потом. Вот что значит юность. Мы и целоваться-то не умели тогда. Но эти прикосновения, настолько желанные, что казалось всё отдашь за них. И как страдаешь потом, если не сбылось! Если не получилось то, что хотела. Потом ночь не спишь, страдаешь. Спрашиваешь себя: «Но почему он не подошёл? Почему не обнял, не поцеловал?» И ругаешь себя и ищешь, что не так сделала, что не так сказала. А утром вдруг увидела его в переходе между корпусами института и о радость, восторг, счастье! Он посмотрел на тебя и улыбнулся. Да так хорошо улыбнулся. Прекрасное время было!

Людмила снова положила голову на руки и посмотрела на меня таким долгим, пристальным взглядом, спрятав свою «джакондовскую»

улыбку, она будто ушла куда-то далеко-далеко. Казалось, её лицо стало взрослеть, на нём появились морщинки, проявляя тревоги и заботы. Теперь уже я встряхнул головой от нереальности происходящего, закрыл глаза и когда их снова открыл, передо мной снова сидела прежняя девушка из прошлого, юная, чистая, светлая, улыбающаяся.

– Вить, ты что? Мы же так хотели встретиться! Помнишь, ты писал мне: «Хоть я и люблю заглядывать в прошлое, но как все мужчины, или почти все, плохо помню подробности, нюансы, ощущения, события. Женщины это делают лучше. Может поэтому я люблю с женщинами общаться. Слушать их и запоминать. Это интересно. Ты мне когда-нибудь расскажешь про наше прошлое?» Помнишь? Вот я и пришла рассказать тебе про то, что ты забыл. Дявитиэтажку ты надеюсь помнишь?

– Конечно. Такое не забывается. Для меня это было впервые. А ты помнишь?

– Ты ещё спрашиваешь? – голос у Людмилы дрогнул и лёгкий румянец выступил на её лице. – Это была осень. То ли холодный сентябрь, то ли октябрь. Именно ветер и холод загнали нас в открытые двери подъезда. А потом мы поднялись на девятый этаж. Сначала мы целовались, а потом твои руки оказались на моей груди. Мне было приятно и страшно одновременно. Как там в кинотеатре. Нет, наверное, не страшно, а как-то неловко, что ли. Но я почти не сопротивлялась. А когда тебе удалось обнажить грудь и прильнуть к ней губами… Я вознеслась над миром. Я была королевой, благословенно взирающей на своего подданного, склонившего перед ней голову. Мне казалось, что теперь я смогу всё, повелевать и властвовать… Это я потом уже поняла, что женщина отдавая - приобретает, позволяя – главенствует, ниспадая - возвышается. Вот и в тот миг я чувствовала инстинктом женщины, что, позволяя тебе, я привязываю тебя к себе, получая при этом удовольствие от прикосновения твоих рук и губ. Ты был ласков и в меру настойчив. Правда, долго возился с пуговицами и застёжками. А потом был звук открывшейся где-то внизу двери, мгновенно уничтоживший всю ауру, и девичий страх, взявший вверх, и ты уже не предпринимал новых попыток. Я помню, как мы шли к моему дому, ставшие одновременно близкими и далёкими. Наверное, мы думали каждый о своём, вновь переживая случившееся.

Лицо Людмилы снова напряглось, глаза полуприкрылись, и она прошептала какое-то слово, то ли «Рина», то ли «Рита». Она резко поднялась со стула, глянула на меня, остро, пронзительно, и сказав: «Пока! Может ещё увидимся», быстро, не оглядываясь направилась к двери. Я,

ничего не понимая, вскочил, чуть не опрокинув стол, на котором звякнула тарелка, выбежал следом, успев заметить удивлённый взгляд пожилого итальянца. Улица встретила меня шумом машин, длинными тенями от заходящего солнца и одиноким прохожим, бредущим по тротуару. Людмилы нигде не было и мне ничего не оставалось, как вернуться за свой столик, расплатиться и отправиться в гостиницу.

Глава 9.

Через день я уезжал из солнечной Болоньи. Предыдущий день пролетел, не оставляя времени на чувства и мысли. Встреча появившихся утром в гостинице коллег, поздравления с днём рождения, совещание с итальянскими специалистами, традиционный в таких случаях ужин с хозяевами, дежурные речи, тосты, улыбки. В гостинице я появился только поздно вечером и, упав на кровать, забылся в тревожном сне.

Утренний поезд Болонья-Милан уносил меня на север Италии. За окном мелькали какие-то постройки, деревья, маленькие городки, впрочем, вполне обычная смена декораций из окна поезда, наверное, для любой страны. В вагоне было пусто. Лишь типичный «белый воротничок», закрывшись газетой, сидел в другом конце, да пара пожилых итальянцев, которые, впрочем, вышли на ближайшей станции. Пробежал по вагону контролёр и я снова под мерный стук колёс окунулся в прошлое.

Было начало зимы или поздняя осень, и я пригласил Людмилу к себе. Дома не было никого. Родители с сестрой уехали к родственникам и на 2-3 часа я мог рассчитывать. Хотя на что рассчитывать, я не предполагал, полагаясь на случай. Конечно, мне хотелось снова увидеть, ощутить её естество. В молодости нами движут инстинкты. Сколько молодых пар поддавшись им, потом мучаются всю жизнь или расходятся в страданиях и ненависти друг к другу. Сколько детей, рождённых от этой неудержимой страсти пола, потом страдают, проклиная своих родителей. Как соединить стремление к познанию с трезвой оценкой ситуации, партнёра, будущего?

Мне кажется, естественно для мужчин, что проституция не так уж и безнравственна. Если бы молодому юноше удалось удовлетворить свой интерес, своё природное стремление к изучению непознанного без последствий для будущего, наверное, и несчастных на этой земле стало бы меньше.

И здесь, как, впрочем, и во многом в этой жизни, трезвая оценка ситуации принадлежит женщине. Им, менее подвергнутым к стремлению познания, хранящим свою девичью невинность (увы, о времена, о нравы), интуицией Евы определять момент и того, для кого они предназначены, регулировать и пресекать несвоевременные наши порывы.

Людмила уж как-то слишком неохотно сняла пальто, как-то боком вошла в комнату и села на диван, вся угловатая, зажатая. Она всё время оглядывалась, вроде ожидая, что в комнату вот-вот сейчас кто-то войдёт. Не успел я сесть рядом, как она вскочила, засобиралась, что-то бормоча на мои попытки выяснить, что случилось. Я обиделся.

Я бы так никогда и не понял, что тогда произошло, в чём была причина такого скорого ухода, нежелания остаться наедине, если бы не наша встреча в пространстве через много десятков лет.

Поезд мерно стучал по рельсам, даже не стучал, как стучат поезда у нас в России, а как-то интеллигентно шуршал. В вагоне по-прежнему никого не было и сознание снова заговорило со мной: «Почему я не спросил об этом у Людмилы, там в ресторане…? Господи, у кого спрашивать, у видения? Конечно, это было видение! Наверное, я слишком часто думал о «девушке из прошлого» в последнее время. Нафантазировал себе о какой-то встрече. Как это можно через столько лет? Бред какой-то! Пусть это останется у меня в голове. Больше такого не произойдет никогда…».

Дверь вагона открылась и в вагон вошла девушка. Короткая стрижка светлых волос, тонкий обтягивающий свитарок и узкие брючки. На лице играла улыбка. Именно играла, отражаю всю радость жизни молодого тела, все желания сущности молодого духа. Девушка лёгкой походкой через весь вагон направилась в мою сторону. В моей голове опять произошло помутнение и все окружающие предметы приняли расплывчатый контур. Все, кроме неё. Она подошла и села напротив меня.

– Вить, как тебе моя новая прическа? Нравится?



Это опять была она, моя девушка из прошлого. Я оглянулся – поезд по-прежнему стучал колёсами, за окном мелькали дома и деревья, «белый воротничок» читал газету. Ничего не изменилось, кроме Людмилы, сидевшей напротив меня.

– Нравится... – сказал я и протянул к Людмиле руку, пытаясь дотронуться до неё.

– Не надо, Вить, – чуть отодвинувшись, сказала она – тебе это не понра-

вится, лучше не надо. Ты опять что-то хотел спросить у меня? Я знаю, ты вспоминал тот день, когда я убежала из твоей квартиры.

– Да. Я так и не понял, что тогда произошло, в чём была причина такого скорого ухода, нежелания остаться наедине. Я столько всего напридумывал в своей голове.

Людмила, поудобней уселась, закинув ногу за ногу и улыбнулась своей полуулыбкой, полуусмешкой.

– А ведь тогда мы поссорились, и ты не разговаривал со мной целый месяц. Ведь это было где-то в ноябре. У меня эта картинка и сейчас стоит перед глазами, как будто это было вчера. Помню, я разулась, прошла через зал в комнату, сидела на стуле... Потом, помню мы сидели на диване, а потом я ушла... Ты обиделся, а мне очень не хотелось уходить, но и остаться я не могла, не могла по причине, над которой сейчас, наверное, можно и посмеяться, но тогда... Тогда для меня это была драма. Хотя в то время даже такого слова в нашем обиходе не было, чтобы объяснить, из-за чего всё так получилось, из-за чего я убежала. Я много раз это вспоминала, но ты ничего не спрашивал, ты просто ушёл от меня...

Людмила нахмурилась всего на мгновение и снова, встряхнув головой, улыбнулась и продолжала.

– Тогда много лет назад, собираясь к тебе на свидание, думала, что мы пойдём в кино, потом погуляем, а было холодно, и я была одета "как капуста" со рваными чулками под брюками (в то время ни одна советская женщина не надела бы новые колготки под джинсы). А ты пригласил меня к себе домой, и когда я разулась, я могла думать только об одном, чтобы ты не увидел дырку на моей пятке, это застилало всё. А потом, когда мы сели на диван, и я представила, что ты сейчас увидишь эти тёплые штаны с начёсом... Это было выше моих сил предстать перед тобой, как бы сказали сейчас не "секси". Я убежала, ибо сработал древнейший женский инстинкт: боязнь показаться непривлекательной. А о том, что я была ещё невинной девчонкой, даже не подумала... Не судьба... Но у меня есть нормальное, здоровое любопытство: что же случилось тогда, много лет назад? Ведь мы не ссорились и ничто именно в тот момент не предвещало такого конца... Почему ты перестал со мной разговаривать? Только из-за того, что я убежала из твоей квартиры?

– Что случилось много лет назад? Да, молодой был и глупый. Для меня тогда, наверное, были важней друзья, футбол. У меня совсем не

было, или почти не было, опыта отношений с девушками. Я и целоваться то толком не умел. Ты была чуть ли не первая. И ты мне нравилась. Честно! Да, наверное, я обиделся. Хотя сейчас я понимаю, насколько это было глупо. По всей видимости в то время ко мне не пришла настоящая любовь. Ты права, видно, не судьба.

– А знаешь, ты мне казался тогда абсолютно другим... Но в одном ты прав: судьба есть судьба, но может, оно так и лучше. Этого нам, к счастью, не дано знать. Нам дорого и наше прошлое, и настоящее. Спасибо интернету, мы можем с тобой заглянуть в прошлое. Ведь действительно, прошлое - это часть нас настоящих. И та же судьба дала нам возможность встретиться.

Поезд дёрнулся и начал медленно снижать скорость перед остановкой на очередной станции. Итальянец начал сворачивать газету, в тамбуре мелькнула фигура проводника. Людмила встала, поправила волосы и взглянула на меня.

– Пока, Вить.

– Мы ещё встретимся? – спросил я, тоже вставая.

– Как богу будет угодно. Но всё же до свиданья. Я думаю, встретимся обязательно, правда, где и когда...

Людмила повернулась и быстро, не оглядываясь направилась к дверям вагона. Она исчезла, по-моему, ещё до полной остановки поезда.

Поезд остановился и в вагон начали входить люди. Я ещё долго стоял, тупо смотря в двери вагона, в которых исчезла Людмила. В голове крутились дурные мысли «Что это было? Видение? Или опять моя больная фантазия представляла передо мной реальные нереальности. Ну, ладно бы один раз. Можно списать на что угодно, но второй раз… Пора обращаться к врачам». До Милана оставалось меньше часа езды. Шумные итальянцы мешали думать. Их стало уже много. Я открыл MacBook и нашёл нашу с Людмилой переписку, произвольно выбрав место.

Из моей переписки с Людмилой.

Людмила

Ты знаешь, когда умер мой муж, я была в таком шоке, я сожгла, не читая, всю мою переписку, дневники ... Мне казалось тогда, что это очень несправедливо: его нет, а я всё это храню... Там была и твоя открытка, что ты мне прислал с практики, по-моему, из Свердловска, в общем, с Урала, на Новый Год. Я помню только: «Неожиданно, не правда ли? Неожиданное всегда радует...». Как-то навсегда врезались в память

эти твои слова с той открытки, но как-то интересно, что в некоторых жизненных ситуациях они всплывали в памяти...

А ещё я помню один момент, когда ты меня проводил домой, и я подошла к окну, и увидела, как ты оглянулся и посмотрел в сторону моего дома. Этот момент у меня и сейчас стоит перед глазами. На улице было уже темно и пусто и твоя фигура, освещённая тусклым фонарём, и взгляд, который я тогда ощутила всем своим существом.

Виктор

Да, это был Свердловск. Неужели ты всё это помнишь? Хотя я уже много раз убеждался, что память женщин и мужчин разная. Женщины иногда помнят такие вещи, на которых мужчина бы никогда не остановил своего внимания. Господи, как давно это было! И как недавно. Закроешь глаза и кажется снова можно шагнуть в эту щемящую юность. Откроешь и думаешь, а ты ли это там был? Или кто-то другой с твоей памятью? Боязно было разрушать ту создавшуюся связь с прошлым. Ведь ты единственная приоткрытая дверь, даже не дверь, пока только форточка, в те чувства, ощущения, желания, в то познание мира под названием женщина!

Людмила

Вот уж воистину, что рукописи не горят. Наводя порядок в уходящем году, я среди тетрадей-блокнотов со стихами, (ты знаешь, что в то время трудно было что-то купить и мы понравившиеся стихи переписывали , у меня даже одну со стихами Евтушенко стащили на лекции), так вот, среди них я нашла одну тоненькую тетрадочку своего уничтоженного дневника, там есть один момент интересный про нас. Я тебе его перепишу. Мне так интересно, ты вспомнишь или нет? Только извини, перепишу на следующей неделе, когда муж пойдет на работу, а то трудно что-то писать, когда над душой стоят.

Ну вот, читай и вспоминай.

.... 22.10.72 г. "Вечером поехали с мамой на вокзал, мы с ней уезжали в Москву. Она в командировку, а я за зимним пальто. Перед отходом электрички я решила позвонить Витьке, осчастливить его. Но он осчастливливаться не захотел. Сначала он не узнал меня. Разговаривал смеясь. Когда догадался, что это я, его тон сразу изменился и мне это не понравилось. Я разозлилась. Мы начали говорить друг другу колкости.

Ты знаешь, я хорошо помню, как я звонила из телефонной будки у входа на вокзал. И когда электричка начала отъезжать, помню лицо мамы в окне тамбура вагона. Она смотрела на меня с какой-то озабоченностью, даже страхом. А ты ещё посмеялся, посоветовал такси взять. Тетрадка тоненькая и третью часть, наверное, выписки о Джордже Бесте занимают. И ещё немного из этой тетрадки…

…15.11.72 г. "Вчера видела Витьку. Скоро он уезжает на дипломную практику. Так легко расстаётся со мной. Раньше я удивлялась: неужели ему не хочется меня видеть? Теперь не удивляюсь… Зяба у меня спросила о Витьке, я ей рассказала о телефонном разговоре, Зяба сказала, что он молодец. Сама знаю, что он молодец, но лучше бы он подошёл ко мне".

Виктор

Привет. Наконец то добрался до компьютера. Когда я был в Брянске, у мамы, собрались моя сестра и тётя. Как обычно начали вспоминать разные семейные истории. Я очередной раз убедился, что женская память о прошлом намного лучше нашей мужской. Моя сестра на три года меня моложе, но вспоминала такие события, про которые я забыл давно и напрочь.

Ещё раз огромное тебе спасибо, что ты напоминаешь мне те уже далёкие, но такие щемяще приятные мгновения юности. Конечно, я помню, как мы познакомились на танцах. Я помню и тот троллейбус и как я смотрел на тебя. Я помню конечно и девятиэтажку. Но вот этот разговор не помню совсем.

Но почему я был с тобой так груб по телефону? Не знаю. Хотя это вроде не похоже на меня. Стараюсь никогда с женщинами не быть грубым. Мой отец иногда позволял себе обижать маму, и я уже в том возрасте дал себе слово не обижать женщин. Но видно иногда забываю про свой зарок. Я прошу у тебя прощения за все причинённые тебе неприятности. За свою чёрствость и не внимательность. У меня не так много было девчонок в юности. Девчонок, с которыми я хотя бы целовался. Пальцев одной руки хватит. Как-то у меня не очень получались серьёзные отношения. Почему, не знаю.

Людмила

Привет! Я не думала, что ты помнишь троллейбус, а звонок нет, но всё равно очень приятно. А звонок...? Ты не был груб, ты просто враждебно разговаривал.

Поезд подъезжал к аэропорту Милана. Засобирался народ, укладывая разложенные в поездке вещи. Закрыл компьютер и я. Впереди обычная вокзальная суета. Времени у меня, впрочем, было достаточно и поэтому я, не спеша, всё ещё погружённый мыслями в прошлое, проследовал на выход…

Я уехал в Свердловск. Предстояла преддипломная практика на Уральском турбомоторном заводе. Помимо работы над проектом утилизационной турбины мы с компанией институтских товарищей договорились

о работе во вторую смену на токарных автоматах, где надо было лишь вовремя менять заранее заготовленные резцы. Скучную монотонную работу мы разбавляли уже знакомыми по БМЗ ралли на карах, предварительно подобрав ключи зажигания. И опять, с тем же успехом, мы повредили кар, который пришлось оттащить на буксире на место стоянки и затаиться на время.

По вечерам в общежитии часами резались в карты, где выигравший должен был выпить рюмку рома «Негро» (для уравновешивания сил), а проигравший выпрыгивать в окно (жили мы на первом этаже) в снег и по морозу оббегать общежитие, входя с парадного входа в одной рубашке и тапочках, здороваясь с удивленной вахтёршей тётей Зиной.

Там я впервые почувствовал, что такое 50-ти градусный мороз в трамвае, битком набитом работягами с завода. Там я встречал Новый 1973 год в совершенно незнакомой компании, в которой очутился после боя курантов, когда все высыпали на улицу и поздравляли совсем не знакомых людей.

Лишь раз я вспомнил Людмилу, загрустив о былом, и написал ей поздравление с Новым годом.

А потом завертелось, закружилось. Подготовка диплома по чертежам, которые мы утащили ночью из конструкторского бюро. Защита! Несмотря на катастрофическую нехватку времени у меня появилась Светлана. Цыганка, учившаяся в другом институте нашего города. Странная, своенравная и даже строптивая иногда и в то же время ласковая и покорная. Со своим пониманием жизни, не допускавшей ничего лишнего в её раз и навсегда выстроенных ценностях. Полная противоположность Людмилы. Натура самостоятельная, состоявшаяся не смотря на возраст. Она была пожитейски опытней, как бы старше, не смотря что была на два года моложе меня. С ней куда-то пропали мои комплексы, моя неуверенность. Я не задавался вопросом, а что я буду говорить, как общаться? Общение происходило само собой, непринуждённо, как-то по-юношески весело. Она так умело и незаметно держала установленную ею дистанцию, что это почему-то меня не напрягало, не расстраивало. Мы целовались в подъездах, когда было холодно. Мы ходили в лес летом (благо прекрасный Брянский лес начинался сразу за моим домом), один раз мне даже удалось уговорить её остаться на ночь в тёткиной квартире, когда мы догулялись до того времени, когда прекратили ходить троллейбусы, идущие в другой конец города до её общежития. Ночь прошла в борьбе и муках. Цыганская девушка оказалась стойкой и верной заложенным ею принципам морали, а я был ещё недостаточно опытен. Одного желания, и как я понимаю сейчас, скромного натиска оказалось недостаточным. Мы уснули под утро, обнявшись, утомленные борьбой и с моим не удовлетворённым желанием. Со

Светланой мы расстались спокойно перед моим отъездом по направлению после окончания института.

Мой отъезд в Среднюю Азию на работу всё оставил в прошлом. Там началась другая жизнь и новая любовь. Страстная и странная. Но это совсем другая история.

Глава 10

Жизнь продолжалась в суете и заботах, не оставлявших след в душе, и я начал понемногу забывать о странных вещах, происходивших со мной в солнечной Италии, склоняясь интерпретировать всё как бред моей больной фантазии. И как-то закрутившись в делах, всё меньше времени стал уделять переписке с Людмилой, пока очередной странный случай не заставил меня вновь окунуться в прошлое.

В очередной приезд в Брянск я договорился встретиться с Саней И. и Аликом Г., своими дворовыми друзьями. В Первомайском парке открылось летнее кафе, куда ребята меня и пригласили. Мы сидели за столиком, потягивая тёплое пиво с нехитрой закуской, вспоминая своё детство и юность вперемежку с рассказами о сегодняшней жизни и спорах про футбол, когда я увидел женщину, стоявшую поодаль в тени дерева и пристально с улыбкой, смотревшую в нашу сторону. Её полноватое лицо, не потерявшее привлекательности, ещё являлось свидетелем былой красоты, явно выражало заинтересованность в нашей компании.



– Чего она уставилась? – заметил женщину и Саня.

Алик повернул голову, глянул на женщину и хмыкнул.

– Ну и чего ей надо? – не унимался Саня – Пойду разберусь, чего она от нас хочет.

– Не надо. Я сам – сказал я, продолжая смотреть на неё. Какое-то смутное чувство важности происходящего не покидало меня. Что-то в этой женщине было не так.

Она, постояв ещё некоторое время, сама подошла к нашему столику.

– Привет Вить! Это твои друзья? – спросила она, продолжая улыбаться – Не узнаёшь? Это же я твоя девушка из прошлого. Мы же хотели с тобой встретиться в Брянске, вот я всё и организовала. Ты не рад?

Теперь хмыкнул Саня, а Алик, сделав широкий жест рукой сказал: «Присаживайтесь».

Я смотрел на эту совсем незнакомую мне женщину, пытаясь найти хоть какое-то сходство с той Людмилой, которую я помнил, которую встречал не так давно в Италии (о господи, помоги мне не свихнуться окончательно) и не находил. Передо мной стояла женщина с явными следами усталости на глазах, пытавшаяся скрыть несколько натянутой улыбкой своё состояние. От той улыбки Джоконды, которая заставляла меня трепетать, не осталось и следа. «Как она здесь оказалась? Это какая Людмила: настоящая или опять повторяются мои видения? Но как же ребята, они же её тоже видят!» – проносилось у меня в голове.

Я встал и, подойдя к Людмиле, попытался взять её под локоть. Она сделала неуловимое движение, повернувшись ко мне боком.

– Не надо! – прошептала она и уже громче, чтобы слышали ребята, сказала: «Пошли, Вить, прогуляемся» и не оглядываясь пошла вперёд.

Мне нечего не оставалась, как последовать за ней, ощущая на себе удивлённые взгляды друзей. Мы шли по аллее парка. Летнее солнце пробиваясь сквозь листву деревьев играло бликами на дорожке, скамейках, проходивших мимо прохожих, которых в это время было совсем немного.

– Присядем – сказала Людмила, указывая на скамейку, окружённую кустами и с трёх сторон закрывавшими её от глаз посторонних.

Именно на таких скамейках в этом парке в юности целовались мы с девчонками после танцев. Я оглянулся. Кафе уже скрылось за зелёной стеной растительности, случайных прохожих на наблюдалось, да и звуки стали приглушённей, будто отодвинулись в сторону от реальности. Мы сели, сохранив некоторую дистанцию.

– Помнишь, я тебе писала, что бываю в Брянске каждое лето. Переживаю на родине итальянское пекло. За столько лет так и не привыкла к этой изнуряющей жаре. А ты предложил: «Хорошо было бы посидеть в тихом уютном итальянском или московском кафе за бокальчиком Кьянти, повспоминать, поговорить, в глаза посмотреть. Кто его знает, как повернётся. Может и увидимся ещё». Знаешь, Витя, о чем я всё время думала? Действительно, молодость..., а может, пусть всё так и останется, ведь за эти 36 лет я абсолютно не помолодела, а даже как-то наоборот... Так стоит ли разочаровываться? Зачем нам эти

встречи? А с другой стороны, может, и ностальгия по молодости пройдет после того, как мы увидимся. И я была готова к встрече, а ты не приехал. И я всё повторяла то стихотворение, которое ты мне прислал,

Нельзя понять,
зачем стареть надумал я,
когда ничто мне так не шло,
как молодость моя!

– Не молодеет никто. И это нормально. Так жизнь устроена. И ностальгия по молодости – это тоже нормально. Как же не вспоминать свои самые лучшие годы – сказал я, смущённо ёрзая на скамейке – Ты была готова к встрече, а я испугался в последний момент. Позвонить тоже испугался. Что говорить? Как говорить? Через компьютер легче. Получается, я тебя снова обманул. Через столько лет. У меня на душе кошки скребли в тот момент. Жаль, что я испугался встречи с тобой в Брянске. Наверное, после некоторой неловкости и привыкания нам было бы интересно. Наверное. Трудно спрогнозировать, надо было бы попробовать.

– Ну, ничего удивительного, как в песне - "каким ты был, таким остался...". А насчёт звонка полностью с тобой солидарна, я испытывала такие же чувства. Просто дала номер тебе на всякий случай, если бы ты смог приехать...

– Наверное, как и тогда в юности, я хотел и боялся одновременно. Но всё равно оставил надежду увидеться с тобой.

– Только не надо про «испугался». Кого, чего ты испугался? Слишком как-то неправдоподобно звучит от человека, добившегося кое-чего в этой жизни. Ну да ладно, бог тебе судья – сказала Людмила и улыбка пропала с её лица, а глаза наполнились грустью, и она продолжала – Вообще-то я не думала, что мы узнаем друг друга. Жалко, что ты в то лето не приехал. Хотя, если бы мы встретились, ты наверно сразу бы подумал: «Боже, как она изменилась», а я подумала бы: «Какой импозантный мужчина». Я хотела, чтобы мы встретились именно на той остановке, куда ты не пришёл на свидание много лет назад, «бросил» меня, как тогда говорили… И я тогда поехала на Институтскую к моей подружке, которая сейчас живёт в Англии. С Инкой мы проговорили до поздна, перемывая тебе косточки. Тебе, наверное, икалось тогда? Инка помнит тебя. Она мне написала, когда ты нашёлся: «Хотя я видела его сегодняшние фотографии, в моём сознании он тот же, каким я его видела в последний раз. Он был одет в чёрное пальто, когда вы стояли в

новом корпусе института возле окна на первом этаже. Это была ранняя весна, на улице ярко светило солнце, и в тот момент мне казалось, что все должны быть счастливы. Я проходила мимо и посмотрела на вас – вы были очень красивой парой».

– Но я же исправился. И я был готов. В апреле я практически приехал в Перуджу. Но не судьба... Наверное кто-то очень не хотел, чтобы мы встретились снова. И тогда ты уже не смогла.

– Как? Я же пришла! Разве ты забыл нашу встречу в ресторане? – Людмила снова улыбнулась и на этот раз в её улыбке мелькнуло что-то от той, загадочной – А знаешь, ты мне казался тогда абсолютно другим, чем сейчас... Но в одном ты прав: судьба есть судьба, но может, оно так и лучше. Этого нам, к счастью, не дано знать. Нам дорого и наше прошлое, и настоящее.

– Да, конечно. Мой друг Саня, который остался там в кафе, всегда повторяет, "всё, что не делается, всё к лучшему". Ему там на небесах видней, как распорядиться нашими судьбами. Значит так надо.

– Да, ты очень близок к истине, 40 лет есть 40 лет и никуда от этого не денешься. Ты помнишь меня такой, а сейчас перед тобой предстала совсем другая... А вокруг много красивых и моложе... Ну а насчёт себя ты немножко пококетничал, выглядишь, по крайней мере на мой вкус, отлично, но, конечно, другой. А вот осталось ли в тебе что-то от того прежнего...? К сожалению, пока не удалось увидеть.

Людмила поменяла позу, сложила руки на коленях, лицо у неё сделалось задумчивое, отрешённое что ли, как на картинах итальянских мастеров эпохи возрождения.

– Но вот у меня перед глазами стоит один вечер, – продолжала она – последнее свидание с тобой, ты меня встретил возле дома, и мы пошли к остановке. Когда перешли Ново-Советскую улицу, ты встретил какого-то своего друга, очень радостно встретил. Может одного из тех, кто сейчас сидит за столом в кафе. Я взглянула в глаза этого твоего друга, и сразу поняла, что больше никогда тебя не увижу... Так оно и случилось... Ты ушёл по-английски, не попрощавшись, ничего не объяснив... А потом ты уехал на практику и под Новый год пришла та открытка от тебя. И ещё раз ты напомнил о себе. Это было в конце зимы, когда ты возвратился с практики из Свердловска. Вечером ты пришёл ко мне, но меня не было дома, я была у Зябы. Она жила через подъезд, и мы были неразлучны с ней не только в институте. Дверь тебе открыла моя бабушка, которая тебя спутала с моим одноклассником, ведь тебя

же она никогда не видела. И когда я возвратилась домой, она мне сказала: "К тебе Зюк приходил, обещал ещё утром зайти". Ну приходил и приходил. А это оказывается был ты. И больше мы с тобой не виделись. Как говорят, просто не судьба.

– А как я называл тебя тогда? Я не помню, Людой, Людмилой, Людочкой? - спросил я.

– А называл ты меня Людой, но никаких нежных слов я не помню, не говорил мне ты их. Знаешь, я когда тебе пишу или говорю: «Витя», то передо мной стоит твое лицо из молодости, а когда «Виктор», то сегодняшнее. Помню, что вначале, когда ты меня приглашал на танцах, мне казалось, что ты смеешься надо мной, потому что ты сильно прижимался, и я очень хорошо помню твое выражение лица с такой небольшой усмешкой на устах. Ты всегда был очень скрытным... А когда мы с тобой расходились, я помню, что ты вроде бы хотел в кино, а я на танцы и никто друг другу не уступил, но тем не менее я первая делала шаг к перемирию (в этом случае моя подружка позвонила тебе, а ты попросил перезвонить меня), другой раз я описала в дневнике, что звонила тебе с вокзала, а третий раз....именно из-за третьего раза я очень мучилась, хотелось найти тебя и спросить кое-что, как я помню этот момент, но это ладно, пока не хочу, в следующий раз... И я не была знакома ни с одним твоим другом, как и ты не спешил знакомиться с моими подругами. Я очень хорошо помню наши поцелуи, мне кажется, что я и сейчас закрою глаза и могу почувствовать твои губы, твой запах, всё это меня очень волновало... Практически ты тоже у меня был первым, мы ведь воспитывались на "умри, но не дай поцелуя без любви", ведь нельзя назвать серьезными школьные поцелуи, после которых интерес к этому мальчишке абсолютно пропадал. А вот ты был каким-то неуловимым, что ли, ибо только я начинала в тебя влюбляться больше, только я начинала чувствовать, что ты мой, как бац… Наверное, все это наша прекрасная молодость и всё хорошо, что хорошо кончается, а у нас остаются воспоминания.

Мы сидели на краях скамейки и я всё смотрел на эту незнакомую женщину, практически моего возраста и ни как не мог представить, что эта таже Людмила, моя девушка из прошлого, с которой я когда-то ходил на танцы и в кино, целовался и хотел её. Над нами шумели деревья старого парка, который тоже когда-то был молодым и глупым. Наверное, деревья тоже могут быть глупыми.

– Я уже тогда понимал, не умом, даже не чувствами, а каким-то божественным разумом, что женщина – это чудо природы, которое

нельзя познать и за всю жизнь, а тем более в таком молодом возрасте наших встреч – сказал я – Я только с возрастом понял, что женщины – это лучшее, что создал господь на этой грешной земле. Женщина – высшее существо на планете. Жаль, не все они это понимают. Женщину надо любить. Женщина без любви – это не женщина. Я всегда (к сожалению, не тогда, когда мы с тобой были знакомы, тогда я был маленьким) любил женщин, особенно некоторых!!! Женщина в любви – это как раскрывшаяся роза. Благоухает и одаривает таким счастьем, которое и описать-то, наверное, невозможно.

Людмила с интересом посмотрела на меня и опять усмехнулась.

– Я понимаю, что ты не мог быть... не можешь без женщин... в далекой юности даже я, такая неопытная, почувствовала в тебе это.... Мне очень приятно быть твоей первой любовью и, ты знаешь, я очень часто вспоминала и вспоминаю тот вечер, когда я убежала от тебя, и практически всегда в этих воспоминаниях жалела об этом…, но историю невозможно переделать, и это хорошо! Наша жизнь теперь продолжится в наших детях. И неважно, что они не наши общие. А что было бы, если бы..., ну это… мы с тобой соединились? Ну ладно, что сейчас об этом говорить. Этого не знает никто, даже он – и Людмила подняла глаза к небу – Это уже другая жизнь, не наша!

Людмила поднялась, поправила волосы, и взглянула на меня долгим, проникающим в самое сердце взглядом.

– Мне пора, да и тебя друзья заждались, наверное – сказала она.

– Мы ещё встретимся? – спросил я, вставая со скамейки и даже сделав шаг навстречу Людмилы.

Она жестом руки остановила моё движение. Лицо её стало серьёзным, каким-то напряжённым, глаза сузились и поблекли. Это была уже какая-то другая женщина, не та, которую я знал, не та, что приходила ко мне в ресторан, и в вагон поезда.

– Мне пора – снова сказала она и пошла, не оборачиваясь между деревьями парка. Она исчезла так-же неожиданно, как и появилась.

Я ещё постоял несколько минут, всё смотря в ту сторону, куда ушла Людмила и медленно побрёл в сторону кафе, откуда доносились едва различимые голоса, чей-то смех и музыка.

Ребята всё ещё сидели, допивая пиво. Они с интересом посмотрели на меня. Я плюхнулся на своё место и уставился вдаль.

– Кто это был? – спросил Саня.

– Девушка из прошлого – ответил я.

Друзья по моему виду поняли, что сейчас лучше не задавать лишних вопросов. Да и беседа после этого как-то уже не складывалась.

Глава 11

Я ехал домой и все мои мысли крутились вокруг девушки из прошлого. Что это? Почему она является ко мне? Её вижу не только я. Ребята её тоже видели и даже разговаривали. Значит это происходит не только у меня в голове. Что это? Чудо!!!

Вспоминая, я стал считать месяцы и годы. Господи, по моим расчётам выходило, что с Людмилой мы были знакомы-то всего несколько месяцев 1972 года. Так почему я так часто думаю о ней? Да и не был я в неё влюблён до беспамятства! Других женщин я и знал намного дольше, и отношения были посерьёзней, но я их и забыл уже, растворились они в волнах времени. А тут какая-то мистика, не иначе. «Во всём виновата наша переписка» – решил я и успокоился. Хоть какое-то объяснение.

Приехав домой и уединившись в своей комнате, я снова открыл компьютер.

Из моей переписки с Людмилой.

Виктор

В Италии я был, по-моему, раза три. Во Флоренции и Риме. Чаще приходится бывать в Германии, Англии, Голландии. В основном, в командировках, на заседаниях, совещаниях. Но день-два удаётся выделить, чтобы побродить по городу, в котором бываешь.

Людмила

Ну, надо же, я как раз живу между Римом и Флоренцией, ты был совсем рядом. Да, столько лет. Ты ушёл по-английски, не попрощавшись, ничего не объяснив... Как говорят, просто не судьба. У тебя красивая жена (вы с ней вместе учились?), прекрасная работа. Дети? Ты где в Москве живешь?

Виктор

Да, я сейчас живу в Москве. А по Италии нас возили. Может и мимо Перуджи проезжали. Я сейчас не помню уже. Спасибо за фото тех времён. Ты вернула меня в юность. Что удивительно, память оставила твой образ. Твои фотографии это подтвердили. Ты права, с женой мы учились вместе. Я думаю, ты её даже встречала где-нибудь в коридорах института. Так распорядилась судьба! Знали бы мы, куда она нас она занесёт?

Хорошо было бы посидеть в тихом уютном итальянском (или московском) кафе за бокальчиком Кьянти, повспоминать, поговорить, в глаза посмотреть. Кто его знает, как повернётся? Может и увидимся ещё.

Людмила

Надо же, в Москве! Я всю юность мечтала жить в Москве. Она меня всегда завораживала. С мамой и отцом была в Москве ещё школьницей. Ну вот за последние 20 лет была там всего раз и просто ужаснулась: какой она стала чужой. Рим стал гораздо ближе, роднее что ли.

Кто знал ещё вчера, кто мог бы подумать, что будем вот так переписываться через столько лет, находясь в разных странах. Может, и выпьем когда-нибудь по бокальчику любимого итальянского вина.

Виктор

Но до Москвы были: жара под 40, привозная протухшая вода и песок, скрипящий на зубах в средней Азии, заволжские и казахские степи с грязью по пуду на сапогах, мороз минус 50 зимой и мошка, забивающая глаза, нос, рот летом на северах. За всё в этом мире рано или поздно надо платить.

Мы с тобой в одно и то же время были совсем рядом. Я несколько раз заезжал в Черновцы. У меня там и по сей день друзья остались.

Людмила

Ну понятно, надо было пройти через всё это, зато всё окупилось с лихвой. А вообще интересно: и в Черновцах рядом был, может быть, и проезжал мимо моего дома, если вас возили за город в сторону Румынии. И в Италии был очень даже недалеко от меня.

Странно устроена жизнь. Я помню, как мы заходили к твоей тёте перед твоим отъездом на практику, она ещё жива?

Виктор

Да жива, слава богу. Пиши. Мне приятно читать твои письма. Да, забыл спросить. Чем занимаешься? Работаешь? Какие увлечения? Расскажи про Италию. Какая она в твоем восприятии.

Людмила

Ну, работой я похвастаться не могу, а увлечения есть, изучаю языки. Жаль, что в своё время проигнорировала украинский, но вот итальянский сдала за 1-ю среднюю школу, теперь совершенствую, занимаюсь более углубленно. Ну и пару лет назад начала изучать английский, абсолютно с нуля, ибо в школе и институте был немецкий, но потихоньку двигается.

Ну и конечно, Италия - это страна-история. Много объездили с мужем своим ходом. Года 4 назад открыли одно агентство, их автобусные экскурсии просто замечательные, ведь с гидом это совсем другое дело, едешь ли ты на экскурсию в музеи Ватикана или на молочную ферму, на дегустацию вина или в любой античный городок. В одном из таких крохотных городков родился Рафаэль (12 тыс. жителей и из них только 2 тыс. коренных, остальные студенты). Пройтись по улочкам,

где он ходил, постоять возле его дома, посмотреть на окна… Трепет по телу.

Виктор
Я тоже люблю побродить, когда бываю в разных городах. Только люблю это делать один. В крайнем случае, с приятной попутчицей. Не люблю экскурсоводов. Всё равно вся эта информация о королях, войнах, годах и случаях из той жизни стирается из памяти. Сколько разных замков, музеев, дворцов и прочих исторических мест я посетил! Остаётся в памяти только дух, ощущение, общение, колорит места. Это можно помнить всегда. Вот, например молочная ферма или маленький античный городок мне бы понравились.

Людмила
После твоего сообщения я полезла в «википедию», посмотреть происхождение слова Перуджа. Наш город стоит на развалинах поселений этрусков. Да и вообще недалеко от нас раскопки (музей) древнего захоронения этрусков. Через наш город шла дорога на Адриатику. Раньше было много любителей поживиться драгоценностями, да и сейчас встречаются. Да и вообще, наверное, все современные города Италии стоят на древних городах.

У нас сейчас эту неделю ежегодный праздник «Еврошоколада» проходит. Наши «baci», перуджины - конфеты (там внутри сонеты Шекспира) вне конкуренции. Вообще - то я равнодушна к шоколаду, но этот...

Российские храмы такие, блестящие от позолоты, очень яркие. В Италии всё строже, монументальнее, но трепет от многовековой истории. Мы объездили в нашей Умбрии, наверное, все церквушки, где есть фрески знаменитых художников средневековья. И хотя ты не любишь экскурсии с гидами (тут я с тобой согласна, что всё равно почти всё забывается), но всё равно пусть один, но самый интересный момент в памяти останется. Да и итальянские гиды с такой любовью, так страстно всё рассказывают: я люблю их слушать.

Иногда зимой у нас бывает снег, но я его за всю эту зиму увидела только пару раз, пролетал мимо окошка и на земле не задерживался, таял. В историческом центре Перуджи даже полежал немного, он ведь на самом холме находится. А я живу у подножия, на берегу Тибра. Правда, итальянцы реку зовут Тевере. Тибром она была в античные времена. Когда над Перуджей летал снег, весь город вымер, ибо машины не приспособлены к такой погоде тем более почти весь город на холмах. С работы все послиняли. Я, как прилежная ученица, пришла на английский, так школа была пустая. А рядом вся Флоренция была засыпана снегом, но она на равнине, там нет наших проблем.

А на Пасху мы попутешествовали немного. Сначала побывали на выставке Караваджо в Риме, но к моему стыду на выставку не хватило сил. Очень люблю Рим и с утра столько находились пешком, что, когда

пришло время идти на выставку, мы туда зашли, но слушать экскурсовода уже были не в состоянии, народу битком, короче пробежались по выставке, купила книгу о нём и дома в тишине с удовольствием прочитала (очень яркая жизнь Казановы) и работы рассмотрела, но и на выставке они произвели впечатление. Так и казалось, что вон тот в доспехах сейчас оглянется на нас и что-нибудь скажет, абсолютное ощущение реальности. Ну а потом ещё в Тоскане, есть такой городочек Volterra, там снимался голливудский фильм "Twilight" о вампирах (я не смотрела). Но в музее вампиров побывали, типичный итальянский античный городок на вершине холма, но по улицам пробирались сквозь толпы туристов, полтора часа искали, где бы пообедать, нигде не было мест, для итальянцев еда на первом месте. Да ещё в музее этрусков побывали.

Виктор
Поздравляю тебя с великим праздником Победы. Я в этот день всегда достаю ордена и медали отца, и кладу их рядом с его фотографией. Он всегда ждал этот праздник, свою победу! Надевал всё самое лучшее и уходил праздновать. Когда был помоложе ездил в Москву на встречу с однополчанами. Его ранили после переправы Одера, чуть-чуть не дошёл до Берлина. Один раз, будучи в командировке в Германии, мы проезжали как раз недалеко от этого места (отец мне его описывал и называл деревушку) и я попросил остановить машину. Немецкие коллеги, забеспокоились, что случилось? Я объяснил им, и они терпеливо ждали, пока я, выйдя из машины, постоял немного, глядя на реку, в память об отце.

Людмила
А у меня свекровь со свекром до Берлина дошли. Он в 91 год умер, а ей 86 и ещё на огороде копается. С ума сойти! Раньше она постоянно ездила на 9 мая в Воронеж на встречу с однополчанами, а теперь их, конечно, почти не осталось. В связи с указом президента мы пытаемся, чтоб ей провели удобства в дом, но такое впечатление, что им более выгодно, чтобы все ветераны поумирали от нервных стрессов. В Италии тоже 25 апреля - конец войны - не рабочий день, но, конечно, никто ничего не отмечает. А в этом году пришёлся на выходной, так вообще о нём не вспомнили, тем более ТВ, как-то никак на этот день не отреагировало. Но зато по нашим каналам сплошные передачи до 9 мая, а потом, как всегда всё прочно забудется. Такое впечатление, что пир во время чумы, лучше бы в покое всех оставили.

Виктор
Нет, я с тобой не согласен. Очень хорошо, что телевидение уделяет такое значение дню Победы. Я бы ещё больше уделял. Это же наша Победа, наш праздник. Его надо помнить, чтобы с малых лет дети его воспринимали и потом на подкорке осталось. А Европа она и есть Европа. Им до нашей Победы нет никакого дела, сейчас даже наоборот.

Всю память стараются стереть. А вот к ветеранам (их осталось-то всего ничего) я согласен, не всегда должное отношение. Вот отец моей жены живет в доме, который сам построил сразу после войны. Фундамент из жагры (так в Брянске называли остатки после сгорания в котельных. Их обычно выгребали из печи и складывали рядом с котельными, а народ растаскивал для своих нужд. У нас во дворе тоже стояла котельная и это жагра всегда кучей валялась возле неё) и все остальное из досточек и палочек. То, что он не хочет из этого дома никуда уезжать это другое дело.

Виктор
Вот я и побывал очередной раз в Италии: в Риме, Генуе, Сицилии. Кроме Италии были Мальта, Тунис, Франция. Впечатлений много и разных. Как-нибудь поделюсь с тобой. Как ты съездила в Брянск?

Людмила
Вернулась из Брянска три дня назад. "Всю жизнь" ездила через Украину, но на этот раз из-за детей (сын и его девушка) полетела через Москву, и такие проблемы с моей визой... Так, что агентство сместило мне отпуск и все расходы взяло на себя. И паспорта принесли прямо к самолету, уже и не верилось, что улетим. А в Шереметьево нас встречал сын подруги, которая в Англии, так что всё быстро получилось. Из-за этой гари, что была в Москве, не смогла детей свозить на денёчек в город, только перед отъездом мы съездили на Красную Площадь. Они такую бурную радость выразили, когда встретили там итальянскую экскурсию, послушали вместе с ними немного про лобное место. В Брянске их на себя взяла моя племянница, так что мне не пришлось с ними таскаться по жаре.

Ты мне обязательно напиши про свои впечатления от Италии и фото, конечно. Тем более на Сицилии я ни разу не была. Муж не любит мафиозный юг. На Везувий еле уговорила запланировать поездку, согласился, но пока ещё не ездили.

Виктор
Итак, немного о моём отпуске. Сначала о корабле. Огромный лайнер. Очень красивый 16-ти палубный гигант. Наверное, бывают и больше, но в Средиземном море, большего мы не встречали. Смотрела фильм про Титаник? Вот примерно также. Сверкающие лестницы переходов, огни движущихся лифтов, трёхъярусные люстры, бары и рестораны, огромный концертный зал, шикарные магазины. Корабль называется "MSC Splendida". Русская группа была совсем не большая, 80 чел. по сравнению с 3000 растворились совсем незаметно. Полный интернационал от японцев до латиноамериканцев. По вечерам концерты (кто классическую музыку слушает, кто джаз, кто кантри), казино и куча других развлечений. Мы даже рискнули на танцполе танго станцевать и сорвать

аплодисменты публики. Публика разная. Есть довольно респектабельная. Упакованные мены с молодыми женами или любовницами, попыхивая сигарами и потягивая виски просаживают деньги в казино. Семейные пары средних лет с детьми вечно озабоченные, что с ними делать. Им хочется одного, а дети требуют другого, а приличия третьего. Вечно шумящая и дёргающаяся молодежь, как «куклы заводные». Но довольно быстро все нашли свой круг и интересы, своё время и место на корабле. Вечера проходили во вкусной еде, питье и светских развлечениях.

Я первый раз в своей жизни попал на настоящий корабль, плывущий в настоящем море (я не считаю прогулочных корабликов по Москве реке или Неве). Я с детства хотел быть моряком. У меня была настоящая бескозырка с лентами в якорях, матроска и я (как рассказывает мама) уже в 2,5 года маршировал и скандировал: «Да, здравствует Витёк и по садику!». Позже я любил строить кораблики и пускать их по весенним ручьям, всегда приходя домой мокрый, за что получал свою порцию от родителей. У нашей каюты был балкон, и я вечерами выходил на него, смотрел на бескрайние просторы моря, перекатывающиеся волны, садящееся за горизонт солнце и мечтал, как в детстве о далёких неизведанных краях.

Представь себе, что ещё есть где-то в этом мире, среди бескрайнего простора, совсем небольшой клочок земли под тенью вечнозелёных тропических растений, маленьким прохладным родничком, стекающим тонкой струйкой меж камней и травы к солёному океану. На горячий ярко-желтый песок неумолимо ленивым хищником, знающим себе цену, плюхаются волны и растекаются тонким слоем, шипя от томной неги. И сразу же, только кончается прибрежный песок, резкой границей встает высокая трава и начинается лес, незнакомый, странный и таинственный. Фантастические сплетения зелёных чудовищ окружают с первых же шагов, и остаётся только удивляться выдумке природы. Здесь, как нигде чувствуется, что эти растения - живут! И угадываются даже какие-то осмысленные движения стеблей, ветвей и крон. Наполненные живительным, ядовито-зелёным соком, они будто жизнерадостные мулатки рядом с блеклыми европейскими сёстрами своими выставляют напоказ, без стыда и смущения, свои прелести. Оркестром, настраивающим инструменты перед концертом, обрушивается щебет и свист, треск и скрежет. Кажется, вот сейчас невидимый дирижер ударит палочкой, взмахнет рукой и воздух наполнится стройной и красивой, гармоничной симфонией жизни.

Природа! Наверное, только здесь можно понять, даже не понять, а почувствовать, ощутить истинный смысл этого слова. Как ощущал его наш первобытный предок, как ощущали его мы в детстве, когда лежа на зеленой траве, среди васильков и ромашек, чувствуя запах земли, раскинув руки, долго-долго смотрели в синее глубокое небо, с бегущими по нему белыми кудрями облаков. Наверное, еще есть такой островок, где нет ни радио, ни телевидения, ни газет с их вечными про-

блемами, планами, забастовками, совещаниями, переворотами и выступлениями. Куда не заходят морские лайнеры и где об уровне развития современной авиации можно догадываться лишь по белым ниточкам, изредка перечеркивающим голубизну небесного купола. Как хорошо, если бы существовала такая земля, неважно где; в Тихом, Атлантическом или Индийском океане. И пусть достигнуть эту землю можно было бы только в своём воображении. Главное, что бы она существовала! Чтобы знать, есть на нашей грешной и богом забытой планете, маленький прекрасный уголок твоей мечты, где ждёт тебя покой и одиночество.

Ночью наш корабль плывёт, утром пришвартовывается в порту очередного средиземноморского города. А дальше на выбор, можешь сам выходить в город и гулять, можешь с экскурсией совершать прогулки. Я как-то писал, что не люблю посещать разные места с экскурсоводами, но я был не один и мне пришлось поступиться своими принципами. Страну не узнаешь из окна автобуса или пояснения экскурсовода. Как можно узнать Италию за три дня? Надо здесь пожить. Походить по улицам. Посидеть в кафе. Пообщаться с людьми. С кем-то поспорить. Впечатление совершенно разное. Посмотри несколько фотографий, как я увидел Италию и итальянцев.



Людмила

Слушай, как ты описал этот далёкий остров тишины и покоя. Мне всё это так живо представилось и самой захотелось поплыть туда, далеко, далеко. Да, ты настоящий поэт. Раньше я этого не знала.

Посмотрела и рассмотрела твои фотографии. Ты схватил, если так можно выразиться, Италию, что нравится мне. Вот эти узкие полутёмные улочки с ярко синим небом вверху, с горшками цветов на маленьких балкончиках... Ещё тебе удаются люди, лица людей интересно рассматривать. Вот этих, в основном пенсионеров мужского пола, сидящих у любого кафе или просто на улицах за разговорами, можно встретить везде, очень характерно для Италии. Мне больше всех понравилась именно эта фотография. Изумительная собака! Площадь Испании у меня, наверное, во всех ракурсах есть. А в Ватикане не были?

Виктор

Спасибо. Ты меня опять поняла. У нас было мало времени. А очень хотелось походить не спеша. Посмотреть там, где нет или по крайне мере мало туристов.

В Ватикане были. Но тебе не понравится моя оценка. Грандиозно. И не более. Нет души. Всё, как и во всём западном мире - деньги, деньги, деньги. Грабили тысячу лет, а теперь отмывают. Почитаются те, кто для Пап принёс опять же деньги. Нет! В православии всё-таки больше о душе думают. Вот был я в монастыре в Полоцке. Как там одна молодая монахиня о боге размышляла! Никакому Папе не снилась такая духовность. Ладно. Ты спросила, я ответил. Тебе не понравится.

Людмила

Нет, почему же не понравилось... Просто вопросы веры, духовность — это глубоко внутреннее, интимное что ли. А я ещё где-то в начале пути... Ну отмывание денег, воровство и т. д. есть везде, но тем не менее католическая церковь реально помогает бедным, эмигрантам, в каритасе можно получить всё - еду, кров, одежду, помощь с работой. Как-то в начале века я ехала в Италию с одной учительницей из Липецка, приехавшей сюда на заработки, так вот церковь ей здесь просто спасла жизнь - ей, живущей в Италии на тот момент нелегально, церковь оплатила операцию по удалению опухоли головного мозга (она возвращалась домой и просто не верила, что живая).

А про Ватикан я спросила насчет галереи с работами Микеланджело, Леонардо, Рафаэля, Боттичелли и многих других... А у меня есть тоже свой Ватикан, ну об этом, как-нибудь в следующий раз.

Виктор

Хорошо, про церковь и душу поговорим потом. Но вот только что я вернулся из Польши. Был неделю в Гданьске. Повезли нас в костёл. Органную музыку слушали. Очень хороший орган. А потом ксёндз начал рассказывать про костёл. Устроил шоу в лучших традициях запада. Особенно, когда он предложил поднять большую икону Богородицы нашим коллегам. Там такая специальная подставка, на которой эту икону выносят в дни праздников. Под его смех и общий гвалт, в том числе немцев и поляков (католиков) эту икону сначала чуть не уронили, потом всё-

таки подняли. Шоу за деньги, которые заплатили. И это в храме! В этом храме не было и в помине духа. Я не выдержал, обругал их всех и ушёл. За мной ушли и многие наши россияне. Поляки потом извинялись. А я думаю это и есть их естество. Ладно, про душу и церковь как-нибудь в другой раз…

Людмила
Но всё вообще-то от людей зависит, хотя, конечно, когда попадаешь в систему, от тебя уже ничего не зависит. А поляки ещё те... Хорошо их знаю по Черновцам, Лодзи, ну это уже нация такая. Да ладно, ну их всех.

Виктор
Это точно про систему. Вот европейская система и заменила всю духовность деньгами. И у нас сейчас больше и больше всё на деньги меряется. По-моему, в нашей молодости, не смотря на коммунистическую идеологию, духовности больше было. Такие понятия как долг, честь, дружба, родина в нас со школы воспитывались.

Глава 12

Был ноябрь. За окном промозглая слякоть, стук дождя в окна зимнего сада, да иногда завывание ветра в трубе. Жена уехала на пару дней к родственникам, и я, поудобней усевшись в кресле, включил телевизор в ожидание очередного футбольного матча, предвкушая удовольствие от его просмотра. Мягкий свет бра, потрескивание поленьев в камине создавали атмосферу уюта и покоя. На сервировочном столике рядом с креслом ароматный травяной чай, привезенный летом из Плёса, и любимый кекс. Уже команды выстроились перед трибунами, зазвучали звуки гимна лиги чемпионов, как вдруг по экрану побежали полосы, телевизор хрюкнул и погас.

– Что за чёрт! – не удержавшись, выругался я, вставая и намереваясь разобраться с этим телевизором, так не вовремя отключившимся. И снова плюхнулся в кресло. В дверном проёме зимнего сада обозначился женский силуэт. Лица женщины невозможно было разглядеть, так как за её спиной горели лампы освещения, а в комнате был полумрак, создаваемый только одним бра.

– А на футбол ты меня так и не сводил, как обещал – произнесла женщина и шагнула в комнату – Вряд ли ты помнишь, что я была страстной поклонницей футбола. Теперь свет осветил её лицо и я, уже не сомневаясь, что это опять моя девушка из прошлого, пристально всматривался в него. Молодая красивая женщина в тёмно-зелёном платье, подчёркивающем её фигуру, держала в руках белую розу. На её шее

в искусственном свете сверкало колье. Она подошла к журнальному столику и поставила цветок в вазу.

– Это твоей жене – сказала она.

Я, по-прежнему сидя в кресле, смотрел на незнакомую женщину снова пытаясь уловить черты той Людмилы, которую я знал и той, что приходила ко мне в Брянске. Сумасшествие продолжалось! Перед глазами промелькнули ресторан в Болонье, поезд до Милана, парк в Брянске и зажмурившись я замотал головой.

– Да я это, я – засмеялась Людмила.

Она прошла через комнату и села в другое кресло, стоявшее наискосок от меня. Лёгким взмахом руки поправила причёску и с улыбкой посмотрела на меня.

– Ну ладно, пока ты опять приходишь в себя, расскажу я – сказала она и продолжала – У меня папа играл за «Стальзавод» до сорока лет. Я, можно сказать, выросла на кромке поля. Со школы болела за московское «Динамо», Туринский «Ювентус» и за сборную Италии. Может, впоследствии это и предопределило мою судьбу. Я помню свою первую поездку в Москву на стадион «Динамо». Мне было где-то 16-17 лет, мама поехала в командировку в Москву, и я увязалась с ней. А вечером я одна пошла на стадион. Это первое посещение настоящего футбольного матча любимой команды на большом стадионе запомнила на всю жизнь. Потом я стала периодически ездить в Москву на матчи, но этот, первый так на меня подействовал.

– Я помню, так же, как и ты, очень ярко моё первое посещение большого стадиона – сказал я, немного освоившись с необычной обстановкой.



Вроде уже и не первый раз неожиданно появлялась Людмила, толи в моём сознании, толи наяву, а всё никак я не мог этого понять и принять. Мистика какая-то!

– Мы с отцом были в Москве, и он повёл меня на футбол в Лужники – продолжал я – Играли «Спартак» и французская «Тулуза». Мне, наверное, было столько же лет, как и тебе или чуть меньше. Это точно останется на всю жизнь. Восприятие юности. Яркие краски. Яркие чувства. Всё в первый раз. Всё остро. Такие моменты остаются навсегда. Как первый поцелуй. Как девятиэтажка.

Это тоже было впервые. И это была ты!!! Потом всё блекнет. И футбол на стадионе тоже. Как-то несколько лет назад мой студенческий друг затащил меня на стадион. Я уж и не помню, кто играл. Я наблюдал за фанатской трибуной. Прыгающие под барабанный бой мальчики и девочки, дурацкие кричалки, зажжённые фаеры – всё это так далеко от футбола. Они и футбол-то не смотрели. Как можно смотреть, оценивать комбинации, ощущать напряжение игры, всё время прыгая? По-моему, для них футбол только повод собраться вместе. После этого я на стадионы перестал ходить. Как и в кинотеатры. Жующая, чавкающая публика вокруг. Неприятно. Наверное, мы просто стали старые, и современный мир существует не для нас. Мы здесь как зрители в театре созерцаем, как всё изменяется. И доживаем. Не зря наш возраст у чиновников называется временем дожития.

– Ты знаешь, вот всё, что ты сейчас сказал, совершенно созвучно со мной. Чувствую себя практически так же. И даже поездка в Торино (Турин) на новый стадион, на матч «Ювентуса» ничего не изменила. Все было прекрасно и необыкновенно, но как будто не со мной. Я сидела на трибуне, смотрела на поле и вспоминала тот футбол много-много лет назад. Ну а сейчас всё произошло, как и должно было быть, буднично. Очень мне понравился город Торино, никогда бы не подумала, что индустриальный центр может быть таким красивым и самобытным. В первый год пребывания в Перудже я вообще смотрела на всё очумелыми глазами: столько мировых звёзд сразу. Даже наш Аленичев пару лет поиграл за «Перуджу». Доктор футбольного клуба «Перуджа» оказался другом моего мужа и по его абонементу мы несколько лет ходили почти на все матчи Серии А. Места наши были рядом с VIP-сектором. А теперь остается только мечтать об возвращении утопленной команды в высшую лигу. А перед Новым годом я получила настоящую футбольную травму – разрыв коленных связок – и лечил меня этот доктор. Нога потихоньку восстанавливается, зато на футбольном сайте я со знанием дела могу писать про эту травму. На английских курсах подумали, что я в горах, катаясь на лыжах, её получила, а всё гораздо прозаичнее: одна «корова» на фитнесе уселась со всего размаху на мою вытянутую в бок ногу, как раз на коленку. А ты вроде в юности тоже занимался футболом? Или я что-то путаю?

– Если тебе интересно расскажу, садись поудобнее – сказал я уже почти освоившись её присутствием – Футболом я увлёкся, когда мне было лет восемь-девять. Играли мы везде, где только позволяло место

во дворе. Воротами служили два кирпича, лавочки да любые другие подходящие предметы. Играли и один на один, и два на два или три на три. Ну, ты, наверное, видела. Во всех дворах нашего детства пацаны играли в футбол. Первым делом каждый выбрал для себя команду. Я уж не помню почему, но мне в душу запало московское «Торпедо». То ли необычное звучное название, то ли красивые белые футболки с черной буквой «Т» на груди, но я её выбрал и в жарких сражениях на «футбольных полях» и не только на них, отстаивал честь команды.

Еженедельник «Футбол» являлся предметом зависти всех мальчишек того времени. Достать (именно достать, как говорили тогда) его было подвигом. В газетных киосках его можно было купить только утром в понедельник, если окажешься в числе первых покупателей. Газета выпускалась не разрезанной, и необходимо было самому разрезать страницы, чтобы можно было их листать. Это был целый ритуал. Новенькая, ещё пахнущая типографской краской (нам тогда так казалось) газета разрезалась по сгибам перочинным ножом. Но такое счастье было редким. В нашем дворе жил один парень, Серёга, так вот у него «Футбол» был всегда. Каким-то образом его родители имели возможность доставать газету. Серёга весь такой значимый выбирал, кому дать почитать «Футбол». Поскольку Серёга тоже болел за «Торпедо», мне такая возможность перепадала чаще других пацанов. Мы знали всех игроков, результаты всех матчей и все около футбольные новости. Другая газета «Советский спорт» была доступнее, её можно было выписывать, что в какой-то период времени мои родители и сделали по моей просьбе, но эта газета была менее интересной с точки зрения футбола. У меня на чердаке до сих пор хранятся ежегодные футбольные статистические сборники, начиная с 1960 года. В них составы команд, результаты матчей и другая интересная, но, наверное, в наше время уже никому не нужная информация.

Став постарше, мы стали играть на настоящих футбольных полях за настоящие детские, а потом юношеские команды. Мы с дворовыми ребятами, (конечно, не со всеми, а тех, кого отобрали тренеры) играли на первенство города за команду Радиозавода, который находился недалеко от наших домов. Я не очень хорошо чувствовал себя на большом поле. Привыкнув играть на маленьких площадках, мне был ближе мини футбол. Наверное, поэтому я не всегда попадал в основной состав, выходя на замену, или когда состав еле набирали. Я страдал, обижался. Мне казалось, что я знаю о футболе всё, и не понимал, почему меня не ставят в стартовый состав. Только со временем, повзрослев, я

понял почему. Да, я неплохо понимал суть игры, стратегию и тактику (наверно, не зря я читал еженедельник «Футбол»), я «видел» поле, но во мне не было агрессии, спортивной злости, наглой уверенности, силы и мужественности. Наверное, я был «футбольный интеллигент», а не спортсмен. Мне запомнился один матч, который мы играли на выезде с командой Жуковского велозавода. Матч близился к концу. На табло 0:0, противник наседает и вдруг ко мне, одному находящемуся в центре поля, отскакивает мяч. Впереди половина поля, где-то далеко, как мне казалось, ворота с вратарём и никого больше. Я бежал к ним, что было сил, и вот уже штрафная площадка, и вот мечущийся вратарь противника, и боковым зрением вижу надвигающуюся на меня сбоку фигуру защитника, который сумел меня догнать. Я ткнул мяч в сторону ворот одновременно получив толчок в плечо. Мяч летит прямо во вратаря, я лечу на землю. Всё. Позор. Как смотреть в глаза команде и тренеру? Я до сих пор иногда вспоминаю этот матч, от которого я долго не мог оправиться.

Не смотря на все проблемы, всё же у меня появились навыки игры, которые потом ещё не раз мне пригодились в жизни.

По-моему, это был 1966 или 1967 год, когда к нам в Брянск приехало моё любимое «Торпедо» на товарищеский матч с нашим брянским «Динамо». Стадион был полон. Ещё бы, в составе москвичей был скандально известный, недавно вернувшийся из «мест не столь отдаленных» Эдуард Стрельцов. Торпедовцы на поле отбывали номер, валяя дурака. Стрельцов по большей части стоял в центральном круге, жуя травинку, иногда совершая небольшие пробежки. Наши наседали, но ничего не могли сделать с командой мастеров. Игра медленно катилась к нулевой ничьей. И тогда стадион загудел. Сначала неуверенно в отдельных секторах, потом гул стал нарастать. Послышался свист и улюлюканье. Стрельцов, не выпуская травинку изо рта, поднял голову и оглядел трибуны. И тут кто-то отдал ему пас. Он мгновенно преобразился. И вот из меланхоличного, ленивого увальня возникла гора мышц. Голова чуть опущена, руки немного расставлены в стороны. Эдик (так его звали все болельщики Советского Союза) рванулся вперед. Наши игроки отскакивали от него как от несущегося на таран быка. Я вспомнил себя, там в Жуковке. Вот как надо было! Энергия и сила, помноженная на футбольный интеллект. Стрельцов элегантно отправил мяч в нижний угол наших ворот. Стадион взревел. А он ленив потрусил к центру поля. До конца матча Стрельцов так и простоял в центре поля, жуя травинку.

После второго курса все поехали в стройотряды, а у меня как-то не сложилось. Сначала всё решал, куда и с кем, а потом оказалось, что одного моего решения недостаточно. Мест на всех не хватало и отбирали лучших. К этой категории я не относился. Чтобы не шататься всё лето без дела, я уговорил отца, который работал подручным сталевара в мартеновском цехе Сталелитейного завода (Стальзавода, как его звали в народе) устроить меня с товарищем к себе в цех. Два месяца работы подручным сталевара это отдельная история. Я рад, что так получилось ещё и потому, что как раз начинался кубок Стальзавода по футболу. В мартене работали в основном мужики, по нашим понятиям в возрасте, работа физически трудная, сто потов сойдёт у горячей печи или рядом с огромными ковшами при разливе стали. После смены по бокалу пива и домой к семьям. Какой тут футбол? Мартеновский цех никогда не добивался каких-либо значительных успехов. А тут мы, молодые, сильные, да ещё занимавшиеся футболом. Выиграли у команды одного цеха, другого. И вот финал с модельным цехом, неоднократным победителем кубка завода. Стадион, скорее футбольное поле с несколькими скамейками располагалось недалеко от нашего дома. Да ты, наверное, помнишь, потом его домами застроили. Этот матч, наверное, навсегда останется в памяти. Мы с товарищем поймали кураж (как сказали бы сейчас), носились по полю как молодые лоси. А на краю поля среди болельщиков выделялась девушка в светлом платьице, которая энергично размахивала руками и что-то кричала. Это случайно была не ты? Мы выигрывали 1:0 и нам назначили пенальти. Наверное, от свалившейся на меня уверенности, полученного азарта, поддержки мартеновцев (все, кто мог, пришли болеть за нас) я отодвинул нашего вратаря и встал в ворота. Я отбил этот пенальти. Мартен в первые в истории выиграл кубок. Я держал кубок в руках и меня переполняла гордость и счастье нахлынуло волной. И бегущие со всех сторон мужики, мартеновцы. Нам пожимали руки, хлопали по плечам, поздравляли. На следующий день в цехе на стене висела стенгазета, и нас встречали как героев.

– Конечно я! – воскликнула Людмила и даже вскочила с кресла – Господи, как часто наши пути пересекались. Я же тебе говорила, что мой отец играл за команду Стальзавода, а потом был в спорткомитете завода. Это же он тебе и вручал тот кубок! А я потом и не узнала, что это был ты. Ну, надо же, как всё переплелось! А, потом, как с футболом обстояли дела?

– Потом главным была работа, на которой мы проводили почти всё время. Ты знаешь, что телевиденье изобрёл в начале прошлого века российский учёный? Как всегда, мы изобретаем, а кто-то внедряет, потом по всему свету распространяет это изобретение и денежки стрижёт, и никто не вспоминает про того первого, придумавшего всё это.

В средине 70-х телевиденье появилось и у нас в Александров – Гае, где я тогда работал. Пять телевизоров «Рекорд» быстро раскупили из местного магазина, а некоторые уже начали везти аппараты из областного Саратова.

Жена как раз ушла в декретный отпуск и настояла, чтобы телевизор купили и мы.

– Что я буду делать целый день? Ты на работе пропадаешь с утра до ночи. Я хоть телевизор буду смотреть.

«Рекорд» был маленький, на тоненьких ножках и хорошо вписался в угол, без сомнения улучшив интерьер нашей небольшой комнаты.

Никого не смущало, что мы находились в зоне неуверенного приёма телевизионного сигнала, как нам потом объяснили знающие люди. Эти же люди начали изготавливать антенны из подручного материала. Слава богу, этого материала на компрессорной станции было в избытке. Чертёж антенны был опубликован в одном из технических журналов, то ли «Техника молодёжи», то ли «Знание сила». Каждый старался поднять антенну, как можно выше и создать конструкцию как можно сложней.

Всё было напрасно. Зона неуверенного приёма жила своей жизнью. На экране из чёрно-белой ряби вдруг проявлялась картинка и хриплова-тый звук. Через пару минут набегали волны и шипение. Когда снова появится реальное виденье, знало только пространство. Тем не менее телевизор включали и даже садились вокруг и упорно смотрели на экран в надежде что-нибудь увидеть.

У нас телевизор тоже работал, создавая фон.

– Смотрите, Брежнев выступает – говорила моя сестра, приехавшая ко мне в гости, указывая на экран проснувшегося телевизора. Через некоторое время зона неуверенного приёма становилась немного уверенней, и Брежнев превращался в толстомордого негра, исполняющего джазовую композицию.

В 1974 году проходил чемпионат мира по футболу, и наши любители телевиденья вознамерились его смотреть обязательно. Было за-

мечено, что, когда была пасмурная погода, да ещё шёл дождь, зона становилась благосклонной, волны бежали стройными рядами и телевизор начинал показывать, да ещё как показывать.

Как-то раз я услышал шум льющейся воды и крики, доносившиеся с улицы. Выглянув в окно, я увидел Лоськова, сварщика с нашей компрессорной станции, поливавшего из пожарного рукава крышу двухэтажного дома. Вокруг бегал народ. Мужики давали советы, женщины ругались, ребятня кричала от восторга, стараясь попасть под струи воды. Из окна второго этажа высунулся человек и замахал руками:

– Давай ещё, Петро! Лей пока.

Мужик снова скрылся в окне, а Лоськов с удвоенной энергией продолжал поливать крышу.

– Вань, что там случилось? – спросил я пробегавшего мимо знакомого - Пожар, что ли? Что там Лоськов задумал?

– Так футбол же сегодня! Бразилия играет.

– Причём здесь футбол? – удивился я.

– Так мужики же говорят, что, когда дождь идёт, хорошо телек видно.

Зона не отреагировала на усилия наших любителей футбола. Посмотреть Бразилию в этот день так никому и не удалось.

Вот такой футбол, а если серьёзно, не было ни времени, ни условий, ни сил заниматься футболом. Приезжая в отпуск в наш родной город, я, конечно, старался и телевизор посмотреть и со старыми друзьями обсудить шансы команд. Благо газеты удавалось просматривать регулярно.

А вот уже в Закарпатье на компрессорной станции у нас была команда, выступавшая за первенство города, и я несмотря на то, что был главным инженером (начальник, а начальников местные уважали только за то, что это начальник, я думаю, у вас на Буковине было так же), я играл постоянно. И руку ломал и травмы получал. Свой последний чемпионат я провёл в 1988 году, а последний матч в 1994 году, на котором мне порвали ахилл. Операция, костыли и после я уже не рисковал играть в футбол.

Бывая в Европе, я из любопытства несколько раз ходил на стадионы. Смотрел Арсенал, Аякс, Леон. А сейчас только телевизор. А то, что обещал тебя сводить на футбол, каюсь, забыл.

Всё время моего рассказа Людмила внимательно слушала, не меняя позы.

– А в конкурсах на различных спортивных сайтах, или в тотализаторе не участвуешь? – спросила Людмила.

– Нет. Правда, когда жили в Хусте, у жены на заводе устраивали конкурс знатоков футбола, так она в лиге чемпионов призовое место заняла. Все результаты конечно прогнозировал я.

– А я в конкурсе прогнозов на сайте www.sport.ru в этом году первое место заняла. Я там под именем Влада зарегистрирована, поэтому никто не знает, что я женщина. Так много удобней говорить и спорить про футбол с незнакомыми. И в институте, и на работе меня признавали все, как знатока футбола. Помню, после третьего курса нас послали на практику в Рязань. Поселили нас в большом студенческом общежитии Рязанского Радиотехнического Института. Всё бы хорошо, только общежитие это было мужским. Почему именно в этом общежитии нас поселили, не знаю, загадка, так как в Рязани были и медицинский институт, и педагогический, и, наверное, в этих институтах общежития были более женские. Нас было восемь девчонок и нам выделили две комнаты на одном из этажей. Ребята из общежития, узнав, что к ним на этаж поселили девушек, восприняли это неоднозначно и что они сделали в первую очередь – вывесили на двери туалета и душа расписание, с кого часа они работают как женские, а с какого как мужские.

В общежитии была большая комната отдыха с расставленными как в кинотеатре рядами стульев, где постоянно работал телевизор. Теплыми летними вечерами, в забитой до отказа парнями комнате все смотрели футбол. Пару дней я переживала, оставшись без любимого увлечения, а потом решила, несмотря ни на что пойти посмотреть футбол. Дверь в комнату отдыха была одна, и расположена как раз напротив телевизора. И вот представь себе, все смотрят футбол, комментируя его, не стесняясь в выражениях, и в этот момент вхожу я. Конечно все взоры присутствующих обратились в мою сторону. В первом ряду сидел белобрысый вихрастый парень, который, как потом оказалось, был заводила в этой компании любителей футбола.

– Девушка, здесь вообще-то не кино идёт, а футбол – сказал он, недоуменно глядя на меня.

– Я в курсе – отвечаю ему – я и пришла посмотреть футбол – и пробираюсь к свободному месту у задней стены под дружный смех парней и совсем нелестные комментарии. Поскольку все стулья были заняты, а уступать место мне никто не собирался, я простояла, подпирая стенку весь матч. Так повторилось несколько раз, и на меня перестали обращать внимание, правда, ругани стало поменьше, всё же иногда у

некоторых особо эмоциональных болельщиках срывалось с языка несколько слов при особо опасных моментах игры. И вот однажды играло моё любимое «Динамо». Игра трудная, идёт второй тайм, динамовцы делают замену и на поле выбегает парнишка невзрачного вида. В комнате зашумели: «Кто это? Кожемякин что-ли? Да, нет – это Долматов, наверное. Кого они выпускают? Куда Бесков смотрит?». Комментатор молчит, наверное, тоже в это время судорожно перебирает свои записи.

– Это Володя Козлов – говорю я, как можно спокойно и уверенно. Хотя я стояла далеко и ошибиться могла запросто. Но его фигуру, походку не с кем не спутаешь. Он в этом году не часто появлялся в составе, выходя больше на замены, да и то не всегда. И тут проснулся комментатор матча.

– Вместо Михаила Гершковича на поле вышел Владимир Козлов – объявляет он.

Это был мой час триумфа. Все дружно повернули головы в мою сторону, где я по-прежнему подпирала стенку в конце комнаты. После матча вихрастый парень подошёл ко мне и протянул руку.

– Илья – представился он – за «Динамо» болею.

– Людмила – сказала я – аналогично, только за московское «Динамо».

С этого дня лучшее место в первом ряду рядом с Ильёй принадлежало мне и его никто не занимал, даже если я по каким-то причинам опаздывала на просмотр.

Дождь ещё сильней застучал по крыше зимнего сада, качавшиеся от ветра деревья закрывали временами уличные фонари и по стенам комнаты пробегали чередующиеся отблески света и тени, внося и так в сюрреалистическую картину ещё больше мистики. Лицо Людмилы то выплывало из сумрака, то вдруг отсвечивало блеском глаз, больших и загадочных, как будто они смотрели не на меня, а в глубину пространства, соединяя между собой то, что было в этой комнате и где-то далеко, толи в прошлом, толи в будущем.

Людмила встала и, не говоря ни слова, подошла к двери зимнего сада, постояла мгновение и обернулась.

– Жене привет – улыбнувшись, сказала она и шагнула за стену света.

Экран телевизора вдруг ожил звуками гимна лиги чемпионов. Команды стояли перед трибунами, комментатор что-то говорил скороговоркой. Камера перенеслась на трибуны, отображая растянутые в ширину сине-жёлтые баннеры болельщиков. Я сидел в кресле, тупо уставившись в телевизор и не видел ничего, кроме исчезнувшего в проёме двери силуэта. Он стоял передо мной, колышась в мареве света люминесцентных ламп, хотя я знал, что там уже нет ничего. Мне было уже не до футбола. И почему этот футбол остановился, пока я разговаривал с Людмилой? «Что происходит?» – задавал я себе вопрос, на который не было ответа. Эта связь с девушкой из прошлого меня пугала и в тоже время мне опять и опять хотелось пережить эту связь прошлого и настоящего. Я выключил телевизор, посмотрел на стоящую на журнальном столике вазу с белой розой, поднялся в свою комнату, сел перед компьютером и отыскал свою переписку с Людмилой.

Из моей переписки с Людмилой

Людмила

Сейчас в интернете смотрела на крышу своего дома в Новом Городке и проехалась по улицам Брянска. Представляешь, ностальгии нет. Просто интересно. Жаль, нет фото более крупных, таких как в Перудже, где можно посмотреть близко на мои окна.

Виктор

Путешествовать по миру с Google, наверное, интересно. Не пробовал. Напиши свой адрес. Я посмотрю на твой дом и загляну в окна. Может и тебя там увижу.

Людмила

Конечно, по Google всё можно посмотреть, но всё-таки свои фотографии более теплее, что ли. Ну а найти меня: Perugia, Abba, 4. Но один момент. Сразу там фото не моего дома, а соседнего, поэтому иди ближе по карте, найди улицу Nazzareno Cristofani, 2 - это и есть Abba, 2, короче там ошибка на ошибке. А следующая Nazzareno Cristofani без номера это Abba 4, она упирается в деревья. Потом переходи на фото. Терраса на 2 этаже-моя, там лиловые цветы, олива, мимоза. Правда фото - это лето 2008. Жалко, что нельзя зайти по другую сторону дома, ибо там под одним из окон растут впритык друг к дружке ёлка и пальма. И птички у меня с другой стороны



дома поют круглый год. Моя чёрная пантера (кот) постоянно в засаде. Уже притаскивал к моим ногам 2-х воробьев и одного дрозда. Всех удалось спасти, ведь он сначала хочет с живыми наиграться, вот и мучает, как садист. А вечерами цикады стрекочут (иногда в окно залетают). И летучие мыши. Но первое, что я увидела, ступив на землю Италии - это ящерицы, они здесь везде (в детстве любила им хвосты отрывать).

Виктор
Дом ваш, сударыня я посмотрел. И в окна постарался заглянуть. Жаль, не увидел там тебя, сидящую в кресле качалке с томиком Бодлера (что-то не вспомню, какого-нибудь другого итальянского поэта).

Людмила
А как найти твой дом, чтоб посмотреть, как ты живёшь даже если только с высоты? Интересно.

Данте Алигьери с его "Божественной комедией" - самый известный итальянский поэт. А вообще у мужа я нашла томик Евтушенко на итальянском языке (которым в свое время я очень увлекалась). И между прочим, мне легче было учить итальянский, читая знакомые вещи, что у него были - это Достоевский, Булгаков, Пушкин и Агата Кристи.

Виктор
Приходи и ты ко мне в гости. Координаты дома я тебе пришлю. Попробуй найти дом с красной крышей. Но ты права, на фотографиях всё смотрится совершенно по-другому. Я пришлю тебе фотографии, что бы у тебя сложились более реальные представления моего дома.

Людмила
Посмотрела я на красные крыши твоего поместья. Совсем рядом с Москвой ещё есть такие зелёные места, надолго ли...?

Сны обычно редко запоминаются, но вот этот сон, что мне приснился сегодня, постоянно стоит перед глазами, поэтому опишу тебе его, может, отстанет. Короче, я смотрела с высоты на твой дом и вдруг что-то увидела на дорожке сада. Спустилась вниз, было очень солнечно, дорожка блестела и по ней бегала ящерица, серо-зеленого цвета с красным брюшком. Поймать я её не смогла и пошла дальше, чтобы найти её и ещё подумала, что надо тебе написать, чтобы ты расчистил дорожки от нависших кустов. И вдруг приезжаешь ты и открываешь ворота почему-то вручную. Я отлично понимала, что ты меня не можешь видеть и, сейчас ты пройдешь сквозь меня и не почувствуешь этого. Но тем не менее почему-то испугалась и отступила. Тут же оказалась напротив твоего дома, по другую сторону улицы, напротив ворот. Ты тоже оказался около ворот и с беспокойством несколько раз оглянулся в мою сторону, и я понимала, что ты меня не видишь, но что-то тебя беспокоило. А потом к тебе подошла женщина. Она тебя окликнула и начала напоминать тебе, где и когда вы были с

ней знакомы и…, к большому моему сожалению в этот момент я проснулась. Женщину я помню: высокая, темноволосая, в фиолетовом спортивном костюме, у неё была высокая замысловатая прическа. Ну вот и всё, надеюсь, теперь этот сон от меня отстанет. Но настолько всё было реально, что я действительно ходила по дорожкам твоего сада. И эта женщина, совсем не похожая на твою жену. Кто она?

Виктор

Слушай, а может ты и в правду приходила? Может у тебя дар переноситься в пространстве и во времени. Ведь всё в мире бывает. У меня уже крутятся в голове строчки ...и призрак женщины, бредущею по саду... Можно, я попробую сочинить стихотворение на основе твоего сна? Уж тогда он точно уйдет от тебя. До встречи во сне или на яву. А твоё описание женщины действительно мне напоминает одну знакомую…

Людмила

Спасибо. Красивые фотографии, впечатлили. Теперь и с высоты интересно смотреть на твои крыши и представлять - вон по той мокрой дорожке ты сейчас идёшь или подъезжаешь к дому на машине. Сирень умилила, люблю её запах, у меня всегда в сезон стоит веточка сирени, нашей, пахучей, а не крупной итальянской без аромата. С утра захожу в зал и этот запах сирени... Я в Черновцах посадила сирень ещё в далёких 80-х. Везла её из Брянска, в не сезон, но она принялась и сейчас цветёт, большая и красивая и меня вспоминает, наверное, добрым словом.

Мы учились где-то на 4-ом курсе, когда вышли эти пробные духи «Сирень» - такая микроскопическая четырехгранная бутылочка, до сих пор помню её запах. Это уже потом был 5-ти рублевый болгарский «Сигнатур» и ведь достать его было почти невозможно. Запах «Быть может», самых знаменитых духов того времени, с содроганием вспоминаю до сих пор. Я была на практике в Рязани, и на 8 марта мне вылили на голову целую бутылку этих «Быть может». Я не могла избавиться от запаха целую неделю. И ещё были духи с запахом чайной розы: не помню названия, но мои коллеги, когда я работала в Вольске, привозили мне их в подарок из Москвы, во всем Вольске они были только у меня.

Прочитав это, я на мгновение замер. Тогда, при переписке я и не обратил на это внимание. В голове лихорадочно закрутились мысли: «Мы же тогда уже заложили сценарий наших встреч в пространстве и времени. И по этому сценарию Людмила сейчас и приходит ко мне. И время не властно над ней. Я уже давно прекратил с ней переписываться, очередной раз сделав ей больно. Я какой-то злой рок для неё. Почему так получается?»

Я пролистал страницы наших писем, найдя те, последние.

Из моей переписки с Людмилой

Виктор

Вот и прошла наша встреча однокурсников через 40 лет. Представляешь, 40 лет? Это же почти полвека, целая жизнь, а мы в душе всё такие же студенты, и так же, я бы сказал нежно, относимся друг к другу. Когда я рассказываю знакомым, москвичам, что мы встречаемся каждые пять лет и нам интересно, что мы общаемся, поддерживаем друг друга, даже в своё время создали денежный фонд, чтобы помогать попавшим в трудную жизненную ситуацию, мне удивляются, пожимая плечами. Не понимают.

10 мая все собрались у старого корпуса института. Помнишь его? Явка около 70% от возможного состава. Кто за границей (хотя один парень специально прилетел из США), кто болен, кто уже в мире ином. Пришли преподаватели (двое оставшихся в живых), сходили на кафедру. Потом поехали в дом отдыха Салынь (Дубровский район), где и остались на одну ночь. Торжественный ужин, шашлыки, большой костёр (как в пионерском лагере). Орали студенческие песни до двух часов ночи. Видели бы это наши внуки, как 62-летние бабушки и дедушки под гитару поют чуждые нынешнему поколению песни. Ужас! Но нам было здорово. Душа-то молодая. И студенческое братство ещё живёт в наших сердцах.

К встрече выпустили очередную книгу бардовских стихов и записали диск студенческих песен (взял экземпляр для тебя, будет возможность передам). Сейчас закончил фильм на DVD о нашей встрече и буду его передавать всем нашим.

Ну вот вроде и все новости.

Людмила

Ой, какое хорошее письмо ты написал. Я так и представляю, как вы орали эти песни, свою группу повспоминала.

А последний раз под гитару мы пели точно в 2001 году. Мы с Морено приехали на Украину за Владом, был март, было тепло, и бывшие сотрудники устроили пикник с шашлыками в лесу и песнями под гитару. Там были выпускники одесского, киевского и черновицкого вузов, но песни были только наполовину наши. У каждого ВУЗа свой фольклор.

И тут же опять ложка дёгтя, ибо неделю назад мы ездили на поминки (40 дней) самого главного заводилы этих пикников, 5 лет назад он приехал сюда в Риети к жене и вот уже его нет с нами, они купили тут домишко в деревне, вот отвезла им, вернее, теперь уже ей, свои деревья (киви с оливой), чего им на балконе загибаться...

Виктор

Здравствуй Люда. Очень давно тебе не писал. Очень давно! Причина? Всякое... Начну по порядку, как у нас повелось, расскажу о своих новостях.

Лето прошло как-то незаметно. В сентябре с женой на три недели уехали в Карловы Вары (Чехия), там есть санаторий «Империал», в который можно поехать отдохнуть, подлечиться, за счет социального пакета. Вот мы и поехали. Было холодно, часто лил дождь, создавая соответствующее настроение.

Жену отправили на пенсию окончательно. В семье происходит психологическая и организационная перестройка. Когда на протяжении многих лет по точно заведенному ритму проводишь свою жизнь и вдруг всё резко меняется, это стресс. Признаёмся мы в этом или нет, но это так. И эта ситуация требует определённых душевных сил.

А потом началось! Дочь приехала в гости и начались проблемы с её здоровьем. Когда болеют дети это ужасно. Лучше бы сам сто раз переболел. Мы с женой мотались по больницам весь месяц. Ни до работы, ни до чего не было дела. И мысли всякие в голову лезут и гонишь эти мысли, но всё время возвращаешься к тому далёкому дню, когда дочь заболела. Это же я поленился поехать её встретить после катка. А была метель, холодно, она промёрзла, ожидая автобус, а на следующий день слегла с температурой. После этого всё и началось, и длится до сих пор. Если бы была возможность изменить, что-то в прошлом, я бы изменил этот день. Именно этот день, хотя всякие дни были, заслуживающие внимания. Это мой грех и мне его нести по жизни до конца.

С работой тоже всё как-то не так. Хотя мне ещё продлили контракт на один год, но радости такая работа доставляет всё меньше и меньше. Может и не надо было на пенсию уходить? Ведь никто не гнал, сам решил. Ну да ладно, что теперь... Как будет, так и будет...

Дальше, больше. Буквально в течение двух дней попал в две аварии. Сначала свою Хонду разбил, потом Форд сына ударил. Аварии так не очень крупные, но все эти ГАИшники, протоколы, страховые компании, оформление ремонтов и прочее действовали на нервы.

Потом в саду готовились к зиме, убирали, обрезали... Оступился и сейчас сижу в гипсе. Чего-то там сломал в правой ноге. Весело в общем.

Перечитал нашу с тобой переписку. Всю с начала и до конца. Чувствую, что и здесь какой-то предел наступает. Наверное, надо бы паузу взять. Хотя бы на время. Но ты пиши, если сможешь.

Я закрыл крышку компьютера. Это было моё последнее письмо. Людмила на него не ответила, и наша переписка, длившаяся пять лет, прервалась.

Глава 13

Жизнь продолжалась в своём однообразии и разнообразии. Похожие дни, выстроенные в сложившийся порядок повторяющихся событий, иногда сменялись редкими исключениями, вносящими яркие мазки краски

в серый пенсионерский фон сосуществования. Такими исключениями, конечно, были путешествия в другие города, напоминавшие мне любимые мной командировки, когда впереди ожидала, хоть и планируемая, но всё же неизвестность, манящая и заставляющая сконцентрироваться на достижении цели. Серые ленты дорог располагали к размышлениям и философским рассуждениям с приятным собеседником, которым неизменно, впрочем, к великой моей радости, оказывалась жена.

Моя девушка из прошлого никак не забывалась, хотя многое забывается в этой жизни, стираясь, теряя остроту, сглаживаясь потоком времени. Я сначала переживал и даже написал несколько писем, пытаясь сгладить неловкость, возникшую моим предложением взять небольшой тайм аут в наших виртуальных отношениях, но Людмила, видно, действительно обиделась, наверное, и правильно, получив через сорок лет от меня опять отказ поддерживать отношения, и не отвечала. А я время от времени возвращался к совершенно необычным встречам с Людмилой, происходившие то ли в моём сознании, то ли в каком-то параллельном мире, описываемом моей любимой научной фантастикой. Однажды я попытался рассказать об этих встречах своему хорошему приятелю, доктору медицинских наук, но поймав на себе недоуменный тревожный взгляд, обратил всё в шутку. На этом мои попытки с кем-то поделиться закончились. Жене рассказывать, как я общаюсь с другой женщиной, хоть и из прошлого, хоть и виртуально, и вполне платонически, гиблое дело. Самолюбие любой, даже самой умной женщины будет задето рассказами её мужчины о другой женщине. Это аксиома. Оставалось забыть всё, так и не найдя этому объяснения. Но полностью забыть не удавалось, и Людмила временами вспыхивала в мозгу яркими вспышками, как будто вскрикивала в негодовании, или растекалась приглушённой акварелью на несколько дней и ночей, повествуя о своей тоске. А иногда мне казалось, что это её боль пронизывает мою голову, ища возможности освободиться.

Солнце взошло уже высоко и начинало прогревать своими лучами землю и всех её обитателей, включая и меня. Лёгкий ласковый ветерок, поиграв листвой деревьев, перебрался к воде, оставляя на её поверхности причудливую рябь, впрочем, тут же исчезнувшую, и вот уже на другом берегу заволновалась высокая трава, и затихла, подставляя теплу и свету сочные стебли. А ветерок, вернувшись, двинулся вдоль узкой тропики, шурша прошлогодними листьями. Он как бы заигрывая приглашал меня принять в этом участие, и я пошёл вслед за ним. От костра, возле которого неспешно суетились мои друзья, затащившие меня на рыбалку, слышались весёлые голоса и потянуло запахом ухи. Я уже не жалел, что согласился поехать, хотя процесс ловли рыбы никогда меня не привлекал. Утренний клёв за-

кончился и до вечера можно было наслаждаться природой, в которой я оказывался не так часто, хотя никаких препятствий к этому не было. Тропинка, петляя среди кустарника, привела меня на небольшую полянку, окружённую с одной стороны молодым хвойником, а с другой то ли невысокими деревьями, то ли высокими кустами, скрывавшими за собой её продолжение.

Вдруг небо потемнело, как-то тревожно зашумела листва, заглушая остальные звуки леса. Я поднял голову вверх. Большое облако с тёмно-лиловыми краями, которые медленно закручивались к центру, всё больше и больше закрывало солнце. Казалось, что это вовсе и не облако, а кокой-то сгусток живой материи переваривал пространство вокруг себя. «Откуда оно взялось» – недоумевая подумал я – «Ещё каких-то 20 минут назад его и в помине не было?». Я уже собирался повернуть назад, как на другом конце полянки среди листвы заметил женский силуэт. И уже не сомневаясь, что это она, Людмила, моя девушка из прошлого, я медленно направился в её сторону. По мере продвижения я смог рассмотреть её напряжённое лицо с выступающими скулами, упавшие плечи и даже тонкая шея была напряжена. Казалось, что она только что из больницы после продолжительной болезни. На вид ей было не более тридцати и даже меньше.



– Я рада тебя видеть – тихо сказала она, по-прежнему оставаясь серьёзной.

– И я рад. Что случилось? Почему ты такая грустная – спросил я.

– Случилось? Когда? Много лет назад, когда умер мой первый муж, Саша, или когда ты обрезал нити прошлого, не захотев со мной общаться, или когда через совсем небольшое время не станет и меня? – говорила она и казалось по её щекам вот-вот потекут слезы.

Я стоял и смотрел на неё, не зная, что ответить. Да и стоило ли что-то говорить. Оставалось только ждать. Небо потемнело ещё сильней. Казалось, на землю опускаются сумерки.

– Я пришла попрощаться. Скоро меня не станет на этом свете, а смогу ли я приходить к вам, живым из другого мира, я не знаю. Вот и решила навестить всех, кого любила, и кто любил меня – сказала Людмила – пойдем пройдемся, чего здесь стоять на виду у всех.

Я оглянулся. Вокруг никого не было. Даже бабочки и стрекозы, кружившие на поляне, куда-то исчезли. Не возражая, я последовал за Людмилой по тропинке, уходящей в глубину леса.

– А ты любишь зиму? – вдруг спросила она – Ты присылал такие красивые фотографии русской зимы.

– Да, я помню. Представь, что у нас в России настоящая зима. Снегу навалило, красиво! Все деревья, как в сказке мохнатые от снега. А он всё падает и падает большими пушистыми хлопьями и скрипит под ногами. И такой белый, чистый. Утром проедут снегоуборочные машины, польют дорогу разной химией и от сказки не останется и следа. Но это будет потом, а пока красота, красотища!!!

– Я так любила кататься на лыжах – сказала Людмила – В нашей области в горах есть пещеры Фрассасси с самым большим залом в Европе, так там есть зальчики, напоминающие твои фото, очень похожие на сказочный зимний лес. «Зимний лес» духи были такие, когда мы учились в школе, мне нравились. Я в Италии совсем отвыкла от снега, а ведь очень любила лыжи. Бывает год, даже снежинки не пролетит мимо окон. Но иногда снег и у нас бывает, за всю зиму увидишь только пару раз, пролетит мимо окошка и, на земле не задерживаясь, тает. В историческом центре Перуджи даже полежит немного, он ведь на самом холме находится. А я живу у подножия, на берегу Тибра. Правда, итальянцы реку зовут Тевере. Тибром она была в античные времена. Когда над Перуджей падает снег, весь город вымирает, ибо машины не приспособлены к такой погоде, тем более почти весь город расположен на холмах. С работы сразу все исчезают. Я, как прилежная ученица, первый раз пришла на английский в такую погоду, так школа была пустая. А рядом вся Флоренция была засыпана снегом, но она на равнине, там нет наших проблем. Иногда идёт град с орех величиной. За 5 минут всё белеет вокруг. Вот такое событие может быть единственное зимнее за весь год. А ещё я люблю Рождество, даже больше его приближение. Все улицы уже за неделю светятся от праздничных гирлянд, чувствуешь предвкушение праздника. Ёлку я обычно ставлю по итальянскому календарю. В городе кругом распродажи, люблю покупать подарки на Новый Год. Всегда покупаю для Украины и России и передаю со знакомыми на Украину, а оттуда по почте в Россию отправят.

Она замолчала и какое-то время шла молча, как бы вспоминая.

– Новый Год мы справляем в каждогодней компании с семьёй друга юности мужа, но там даже выпить не с кем, не говоря уже о том, что

утром и голова не болит. Этот друг с мужем в 70-е годы, будучи студентами, пол-Европы объездили автостопом. Он – доктор, с ним мы видимся частенько, особенно когда была жива свекровь, а с остальными раз в год. Особенно мне нравится тётка друга, ей далеко за 80, но только года 3-4 назад перестала водить машину, так она каждый раз ностальгически вспоминает, как ездила в советские времена по турпутевке в Москву и Ленинград. Один год как-то её не было и мне было скучновато без неё. На Украине всё было намного ярче и веселей (но, к сожалению, муж мой болел сильно последние годы…). Вообще-то, я согласна с тобой, что зима в Италии пахнет весной. Но иногда так хочется запаха снега, а уговорить Морено хотя бы на пару дней съездить в горы – это не реально. Он на Украине в своё время чуть сознанье не потерял, когда при минус 10 мы вышли на улицу – продолжала она. А вообще для меня ноябрь-декабрь очень депрессивные месяцы. Даже шоппинг не всегда помогает, я обычно в это время просто с радостью покупала рождественские подарки. Инке всегда посылаю и подружке-куме в Черновцы (тем более её семья ухаживает за могилой моего мужа), а в этом году нет радости. На сердце всё равно тяжело... «Все проходит...» – великие знали о чём говорили, поверим в эту формулу.

– Становимся мы старше, и нет уже того радостного чувства встречи чего-то необычного – сказал я – Ну подумаешь, кончается ещё один год твоей жизни. И придёт Новый. И провожаем мы старый по-разному. И с грустью и благодарностью. И всё-таки, несмотря ни на что, встречаем новый с надеждой и ожиданием. Будет Новый год, будет что-то новое. Будет обязательно. И хочется верить, что это новое будет нас радовать. По крайне мере не огорчать. Я всегда последнее время желаю себе и близким согласия. Души и тела. Желаний и возможностей. Хотя можно и больше желаний, даже если они и не сбудутся. Желать и верить, это же состояние души.

Я шёл рядом, отступив на полшага, не прерывая Людмилу, всё смотрел на неё слушал и думал: «Как случилось так, что эта наша русская женщина оказалась в Италии, почему не на родине, ведь там у неё мать, брат, другие родственники. Какая должна была случиться трагедия, заставившая её забыть, нет, наверное, не забыть, а отказаться от России? Почему так произошло?». Я хотел спросить и не решался. Зачем бередить старые раны?

– Однажды ты написал в письме «колядки» и чем-то таким родным повеяло. Я ведь практически свою прошлую (если так можно назвать) жизнь прожила на Украине. И именно там были колядки. Мне

моя подружка прислала орехи с моей Черновицкой дачи, ты представляешь, этот орех посадила ворона. Я видела, как она его уронила, а потом он пророс на этом месте. Три раза я это деревцо пересаживала по всему участку, пока не нашла хорошее место, но так и не дождалась плодов, уехала... А потом Таня послала мне орехи и варенье из моих вишен... Так трогательно получать подарки из прошлого. Сразу становится приятно и грустно одновременно. И твоя посылка с томом стихов Евтушенко была таким же приятным сюрпризом. Я специально посмотрела, как будут стихи Евтушенко на итальянском – «Ты спрашивала шепотом: «А что потом? А что потом?»- когда-то эти строчки просто потрясли меня своей красотой. А у итальянцев просто дословный перевод стихов «Hai chiesto in un sussurro: «Epoi? E poi?» – продекламировала Людмила – просто сам язык музыкальный. Стихи нужно читать в оригинале. Специально почитала Данте и Петрарку – вот там с рифмой все в порядке и даже очень легко читается, правда, с переводом трудновато. Стихи это как душа. Есть русская, а есть итальянская. И как их смешать?

Людмила вдруг резко остановилась, повернулась ко мне лицом и пристально посмотрела мне в глаза.

– «...не тянитесь к прошлому, не стоит, всё иным покажется сейчас» – вот ты знаешь, эта строчка из какого-то стихотворения постоянно крутится у меня в голове – сказала она – А с другой стороны, именно в настоящем ты становишься мне более понятен... А тогда я никак не могла тебя разгадать. Но тем не менее вот смотрю на тебя сейчас, а перед глазами стоит та твоя то ли улыбка, то ли усмешка...

Она снова повернулась и пошла вперёд, не оглядываясь и не ожидая от меня ответа. Мне ничего не оставалась как последовать за ней. Тропика резко свернула влево и через некоторое время мы вышли к большому дубу, стоявшему среди молодой поросли, как старый дед среди детворы. Его крючковатые ветки, некоторые уже и без листвы, возвышались над ещё нежными кронами молодых берёзок и осинок, казалось, заботливо прикрывали их. Большой в три обхвата ствол, ветви как морщинистые руки старика, много повидавшего в этой жизни. Людмила подошла к дереву и прислонившись к нему, высоко подняла голову, вглядываясь в небо через его ветви и листья.

– Ты сегодня грустная. Мне трудно понять, где эта печаль, в каком времени? Ты сейчас и молодая, только что закончившая институт и уже пережившая всё, что с тобой произойдёт потом. Но ведь всё

равно за любой зимой всегда придёт весна. Представь себе, снег уже почти растаял. Скоро весна, ею уже пахнет в воздухе. А весной жизнь всегда по-другому воспринимается. Смотришь, как цветочки из-под снега вылезают, как ветерок ласковый пролетит, как птицы щебечут по утрам и радостно становится. Душа к богу тянется. Чистоты во всём хочется – сказал я –

Весна она о Вас не знает.
О Вас, о горе и о зле.
Бессмертьем взор её сияет.
И не морщинки на челе!

– Ну вот, если уж твоя весна подула, то у моей уже мимозы скоро отцветать начнут – сказала Людмила и уголки её губ чуть дрогнули в подобии неловкой улыбки – А ведь кажется, что только вчера приехала сюда...в Италию. Грустно всё это, в смысле мелькания лет. И Черновцы недавно были, отдел на работе был дружным, мечтали все вместе справлять свадьбы, рождения детей, новоселья, проводы на пенсию... Свадьбы были, завод был «почтовый ящик», поэтому новоселья тоже были, а вот на пенсию не проводили никого, отдел был молодой, а завод прихлопнули сразу после развала СССР и раньше, чем кто-то дожил до пенсии, как ни странно. И вот теперь подружка только печальные новости пишет. Ну ладно, весной всегда такое солнце, что какая может быть грусть...

– А весной ещё и 8-е марта отмечают. Все женщин поздравляют и дарят им цветы. Помнишь, ещё в школе всем девочкам в этот день дарили цветы и подарки? А в Италии, наверное, как и во всей Европе нет женского праздника?

– Нет, ты не совсем прав – усмехнулась Людмила – Восьмое марта здесь…, ну замечают, если можно так сказать. Раньше на 8 марта женщин вообще могли отпустить с работы пораньше, и женщины по традиции собирались своими женскими компаниями и отмечали в ресторанах-пиццериях без мужчин. Но на Италию наложил свою ужасную лапу кризис. Как-то мы с друзьями пришли поужинать в ресторан 8 марта, но чисто женских компаний уже не было и в помине, как всегда, были семейные и дружеские компании с детьми и стариками, что мне очень нравится в Италии. Здесь нет отчеств, поэтому для стар и млад я или Людмила или Люда в зависимости от степени знакомств, друзья моего сына зовут меня Людой. В душе ведь мы ещё очень молоды и мне это нравится, хотя мой отец очень любил, чтобы его называли по имени и отчеству, и я тоже звала его, любя, Виктор Иванович. А на английском

наши немногочисленные мужчины подарили нам мимозы, это было так трогательно, тем более, что я приемлю в этот праздник только мимозы в память о той же школе и т.д. А потом и в ресторане всем женщинам подарили мимозы, а наши друзья, видя как я была взволнована, притащили на следующий день огромную охапку цветов. И сын мне их всегда приносит... В общем, вся квартира пропахла мимозами.

– Ну может, для Европы это и норма, когда всех называют по имени, но в России другой менталитет и другие обычаи. Хотя и у нас всё больше и больше проникают западные стандарты. Я терпеть не могу, когда какая-нибудь соплячка из администрации фитнеса называет меня просто Виктор. Какой я для неё Виктор? В обращении по имени отчеству заложено уважение к старшим. И это нормально. Это правильно!

– И опять ты не совсем прав. В Италии тоже уважают старших, и для этого существует много форм обращения к ним и без отчеств – спокойно и миролюбиво сказала Людмила.

Она по-прежнему стояла, опершись спиной на ствол дерева, и смотрела на меня.

– Потом будут первомайские праздники. Сразу вспоминается наш институт. Ты помнишь, как мы ходили на демонстрации? Я так это любила, там всегда было весело – сказала Людмила.

– Да и я хорошо помню «… утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская страна…», и мы шагаем нестройными рядами по площади Ленина и мимо общежития технологического института и дурными молодыми глотками орём «Ко-ро-еды». А из окон нам машут улыбающиеся студенты и отвечают «Жестянщики». И всё это происходило сразу после трибуны, на которой стоят «отцы» города. И сколько нас не предупреждали и не пугали преподаватели, это действо повторялось из года в год. Хорошо было! Весело! Сейчас, наверное, и эта традиция канула в лету – сказал я.

– Я и потом на работе, и в Вольске, и в Черновцах, с удовольствием ходила на демонстрации. В Италии 1 мая тоже не рабочий день. Правда демонстраций никто не устраивает. А ещё весной бывает пасха и вербное воскресенье. Правда в Италии пальмовое воскресенье. В церковь все несут оливковые веточки – сказала Людмила и глаза её снова наполнились печалью.

Она оторвалась от дерева и, не говоря ни слова, медленно пошла по тропинке дальше. Вокруг стояла тишина. Листья на деревьях замерли, затихли птицы и даже кузнечики прекратили свой цокот. Облако, закрывавшее солнце, по-прежнему пережёвывало пространство,

колыхаясь словно большая медуза своими лиловыми краями. Тени от деревьев и кустов превратились в общий серый фон, сгущая краски летнего утра.

– Сын недавно вернулся из своей обсерватории в горах. Я собираюсь с ним съездить. Да никак не получается. Там тишина! Ни звука! И горы! И больше никого нет! Иногда очень надо побыть одному. Подумать. Переосмыслить. Чтобы никто и ничто не отвлекало от души и бога.

От глаз укрывшись в вечные снега,
Вздымают горы вверх свои вершины,
Которые вдыхают облака,
А выдыхают снежные лавины.

Когда-то я написал эти стихи под впечатлением его рассказов о горах. Как-то так получалось, что в горах-то я никогда и не был. Ладно, хватит грусть на тебя навивать. У тебя и так сегодня не то настроение – сказал я.

– Да, одиночество — это прекрасно, когда оно появляется по твоему желанию и также по твоему желанию исчезает – остановившись и пристально посмотрев на меня, сказала Людмила – А вот представь, каково было нашим матерям, оставшимся одним, и так изо дня в день оставаться одним на протяжении многих лет. Да к ним иногда приезжали любимые дети, чтобы через несколько часов снова оставить их в одиночестве. Я всегда не хотела, чтобы со мной случилось такое. Впрочем, со мной такого слава богу не произойдёт.

– Ты так говоришь, будто знаешь, что с тобой будет? – спросил я.

– Да, знаю. Я покину этот мир в любви и заботах, хотя доставлю своим близким страх, тревогу и переживания.

– Да, ты права – сказал я и мне вспомнилась мама – Я только после смерти мамы смог осознать всю трагедию её десятилетнего существования, разбирая её дневники, даже не дневники, а записки, которая он писала от того, что не с кем было поговорить. Некоторые из них и сейчас стоят у меня перед глазами: «Андре Моруа сказал: «В старости ум становится кладбищем. И самые любимые и не любимые – все бродят ночью среди могил». Сейчас это происходит со мной. В результате жизни моей я одна с моими ночными кошмарами. Никто ни сын, ни дочь даже и не представляют себе, что такое мои ночные кошмары, от которых я никак не могу проснуться. Они и в голову-то себе не берут, что это такое!!! Каждому самому до себя дело! А я никому не нужна, даже

самой себе. Вот до чего дожила. Господи, зачем ты меня держишь? Я никого не хочу видеть! Прости меня, Господи!».

Я замолчал. Молчала и Людмила, наверное, так же, как и я погруженная в свои мысли и чувства.

– Может, это участь всех старых людей, одиночество? – продолжал я – Представляю, что было бы, если бы наша мама жила с нами или в семье моей сестры. Пока она жила с ними, всего два месяца, пока делали ремонт в её квартире, это был кошмар. И не от того, что мы не любим друг друга, наверное, просто все к старости, и дети и родители, становятся теми, какими сделала их жизнь, и не переделать, и не перевоспитать их уже невозможно. И с каким облегчением они снова разъехались через два месяца, чтобы мама опять через некоторое время стала страдать от одиночества. Что делать? Где выход? Отец моей жены, мудрый человек, наотрез отказался переезжать к нам. Он так же страдал от одиночества, и тоже, конечно, любя, отравлял жизнь своему сыну, который время от времени приезжал к нему, и срывался по первому его звонку. Но он понимал, так мне кажется, что, если он будет жить с нами, он затруднит (скажем так мягко) жизнь и своей дочери, и её семье. Опять же встаёт вопрос, так что же со всем этим делать? По всей видимости именно поэтому я уже давно принял решение, чтобы не отравлять жизнь своим детям, я сделаю всё, выкручусь и перевернусь, но мои дети будут жить отдельно от нас.

– У меня очень похожая ситуация, – поддержала меня Людмила – Если ты далеко в Москве, то я очень далеко в другой стране. Я старалась приезжать в Брянск каждый год. Но со временем здоровье наших матерей не становится лучше. Вот у меня мама попала в больницу с воспалением лёгких. Когда брат приехал к ней домой, её так трясло, что он подумал, что она умирает, вызвал скорую. Слава богу, кризис миновал, но я всё равно постоянно в телефонных звонках и ещё и брянской свекрови каждый день звоню. И конечно, всё это сказывается на мне и на моём муже. Он всё понимает, но я же вижу, что он всё равно реагирует. А потом у мамы случился микроинсульт.

Из-за состояния моей итальянской свекрови мы не можем вдвоем более, чем на пару дней уезжать из дома. Потом мою итальянскую свекровь увезли в больницу, она сломала бедро. Но так как с головой у неё не всё в порядке, мы по очереди должны дежурить у неё, ибо она даже на кнопочки не может нажать, чтоб вызвать персонал больницы. Ей сделали операцию, но из-за возраста только локальную, а потом пред-

стоял месяц абсолютной неподвижности дома, будут только приходить медсёстры ногу разрабатывать, и если через 3 месяца не пойдет… Я была у неё 2 ночи подряд, потом Морено меня сменил, я отсыпаюсь и опять иду и так далее, пока не выпишут.

Потом я поехала срочно в Брянск, потому что у брянской свекрови «поехала крыша» и она порвала с соседями, которые ухаживали за ней... Она не узнала меня, всё оказалось гораздо сложнее, чем я думала. Больше месяца я была в Брянске, мотаясь между мамой и свекровью, ибо моя мама не в лучшем положении, вроде бы уладила всё, но… за 2 дня до моего отъезда свекровь умерла. Пусть земля ей будет пухом, нам бы дожить до этих лет, но... не теряя разума.

Видеть в таком плохом состоянии маму – это очень тяжело, но тем не менее я представляла, что всё гораздо хуже, а тут она ещё и общалась со мной, узнала, разговаривала. А «убил» меня брат, который не выдержал этого испытания: утром к маме приходит сиделка, а вечером с ней брат, который потихоньку стал пить... Мы с ним очень близки, где бы я ни жила, он и в Вольск, и в Черновцы, и в Италию приезжал ко мне, а тут такое...

Приехала в Италию, а тут итальянская свекровь выдала «коленца», она в реанимации. Дотянули её до последнего. У меня такое впечатление, что она с моей мамой затеяли марафон, в смысле, кто быстрее придёт к финишу... В Брянске я жила только на депрессантах, а теперь успокоилась... Странно, но твои письма поддержали меня в тот момент, может, потому что я просто не думала, что ты напишешь…Спасибо.

А потом умерла Рина, моя итальянская свекровь, всё произошло в один месяц. Ты знаешь «чем тяжелей, тем легче» и это действительно так, всё навалилось совсем недавно и друг за другом, а такое впечатление, что это уже было так давно, мой организм сам поставил какой-то заслон... Хотя ничего не проходит бесследно. Вот только за маму продолжаю переживать, вздрагиваю, когда от брата «смс» получаю. И я так же, как и ты не знаю, что правильно в этом случае делать. Но наверно так предначертано, страдать и переживать.

Через год после твоего последнего письма умерла моя мама. Умирала она в страшных мучениях, и я просто сходила с ума от того, что с ней происходит, а я ничем не могу ей помочь. Сначала у неё заболела нога и она не смогла даже вставать с постели. Врачи поставили диагноз – тромб перекрыл вену в ноге и нарушил кровообращение. Ей просто пред-

ложили дождаться начала гангрены и умереть дома, так как оперировать её нельзя из-за возраста и сердца, операцию она просто не перенесёт. На этом всё и закончилось. Мама умирала четыре с половиной месяца, страдая от невыносимых болей. Назначаемые обезболивающие на неё не действовали. Я звонила ей каждый день, и сама сходила с ума от невозможности общаться, она просто стонала, кричала в голос и теряла сознание. Я просто не могла так долго быть в России. За матерью ухаживал брат и его жена. Мне кажется, я просто временно сошла с ума в то время и, наверное, это явилось началом и моего конца.

Люда замолчала и некоторое время шла, не проронив ни слова. Молчал и я, переваривая услышанное.

– А спустя семь месяце после всего этого в Киеве начался майдан – вновь заговорила она – Я только пришла в себя после всех потрясений. Я русская, у меня все родственники в Брянске, и я почти всю свою сознательную жизнь прожила на Украине, там могила моего мужа, там родился мой сын, там остались все мои друзья. Как я должна была воспринимать весь этот ужас, происходивший между двумя странами? Тем более, я не имела другой информации, кроме телевидения и интернета. А там лились потоки грязи и с одной, и с другой стороны. А эти две страны были для меня одинаково дороги. И у меня снова начался срыв. А сейчас я и не знаю, какая страна для меня родная: Россия, Украина или Италия. Вот так в жизни бывает.

Людмила снова замолчала, закинула голову вверх и долго смотрела на лиловое облако, потом встряхнула головой, как бы опомнившись от своих мыслей.

– Когда умер Саша, я была на шаг от самоубийства. Я стояла на балконе седьмого этажа и смотрела вниз. Нет мужа, нет работы, нет денег – как жить дальше? И вот стоит только сделать шаг и все проблемы будут решены. Тишина и покой. Я обернулась всего на мгновение, там на диване сидел маленький Владик и смотрел в одну точку. Господи, а как же он? Только это и остановила меня.

Тропинка, сделав полукруг, снова привела нас к реке. Вот уже за кустами блеснула поверхность воды. Людмила остановилась в двух метрах от меня. Её лицо скрывала тень, и оно по-прежнему оставалось напряжённым.

– Но вот и всё, Вить. Больше мы с тобой не увидимся. Я хотела попрощаться с тобой, и я это сделала. Прощай! – сказала Людмила.

– Подожди, как же так? Я же опять не успел ничего узнать? – воскликнул я.

– Захочешь, узнаешь. Прощай! – сказала она, повернулась и пошла в глубину леса, не оборачиваясь.

Людмила исчезла за деревьями также неожиданно, как и в прошлый раз. И тут же выглянуло солнце, осветив и лес, и реку, раздались голоса птиц, пролетела стрекоза, и казалось весь мир снова наполнился светом и жизнью. Я посмотрел вверх, от лилового облака остались лишь жалкие куски, которые на глазах исчезали в солнечных лучах. Мне ничего не оставалось, как повернуть в сторону реки обратно к нашему костру.

Глава 14

Лондон встретил меня ярким весенним солнцем. Сколько раз я ни был в Англии и Шотландии, но ни разу этот остров не встречал меня по своему названию Туманный Альбион, дождём и туманом. Погода была всегда прекрасная. Правда, на этот раз, не смотря на ослепительное солнце и календарную весну, было прохладно, и взятая с собой лёгкая куртка совсем мне не помешала. Местное население ходило налегке, чуть ли не в футболках и шортах. Меня, жителя северной страны, всегда удивляло, почему там у них при десяти – пятнадцати градусах тепла мы мёрзнем, а они нет? Но, как только они попадали в наши широты, при самом даже небольшом морозце эти европейцы замерзали напрочь, в то время как мы спокойно переносили такую погоду даже в относительно лёгкой одежде. У меня выдался целый свободный день, и я решил встретиться с подругой моей девушки из прошлого, которая проживала в этом городе. Заранее договорившись о месте и времени, я шёл не спеша, рассматривая дома и прохожих. Хотя современные средства навигации, встроенные в мобильный телефон, практически не позволяют заблудиться в незнакомом городе, я всё-таки предварительно детально изучил маршрут, находясь ещё в гостинице. Хотя Лондон не Париж с его треугольными кварталами, в которых я неоднократно терялся в первое время, пока не понял суть его планировки. Выстроенный маршрут привёл меня в небольшой квартал трёх-пятиэтажных домов, стоящих очень близко друг к другу и образующих узкие колодца дворов, чем-то напоминающих питерские. Побродив немного по этому лабиринту, я нашёл нужный мне подъезд. Набрав код на двери, который заранее мне сообщила Инна, по очень узкой и крутой лестнице я поднялся на третий этаж. На площадке всего две квартиры, дверь одной из них была приоткрыта. Меня уже ждали. В дверях стояла женщина моих лет, с короткой стрижкой светлых волос, уверенное спокойствие её лица подчёркивали тёмные очки, скрывавшие выражение её глаз.

– Проходите, Виктор – сказала она – меня зовут Инна.

– Здравствуйте – ответил я, входя в комнату, которая начиналась сразу за дверью без прихожей с более привычной нам планировки.

Комната была небольшая, в одной стороне которой угадывалось спальное место, отделённое цветастой ширмой, а с другой небольшая кухня с барной стойкой и столом.

– Давайте пройдём сюда – указала рукой на кухню Инна, и сама первая подошла к столу – присаживайтесь. Чай или кофе?

– Спасибо – сказал я и сразу решил взять инициативу в свои руки – Ну, во-первых, предлагаю на ты, мы всё-таки ровесники, да ещё земляки, да ещё почти однокурсники. Во-вторых, к сожалению, у меня не так много времени, запланирована встреча с английскими коллегами через три часа. Поэтому, давай сразу перейдём к делу. Ты писала, что у тебя сохранилась вырезка из той газеты, где статья про Людмилу.

– Да, конечно – сказала Инна – я её сейчас принесу.

Она встала и вышла в комнату. А я ещё раз оглядел квартиру. Маленькие узкие окна кухни выходили во двор колодца и поэтому пропускали немного света. Стол, стулья лампа под большим оранжевым абажуром, перевёрнутые вверх дном бокалы на барной стойке – всё подчеркивало, что здесь не так часто появляется хозяйка.

– Это квартира моей подруги, она здесь почти не живёт – сказала Инна, появившись у меня за спиной, угадав мои мысли – Мне казалось, что нам здесь будет удобней встретиться.

Она держала, свёрнутый старый газетный листок, который и протянула мне.

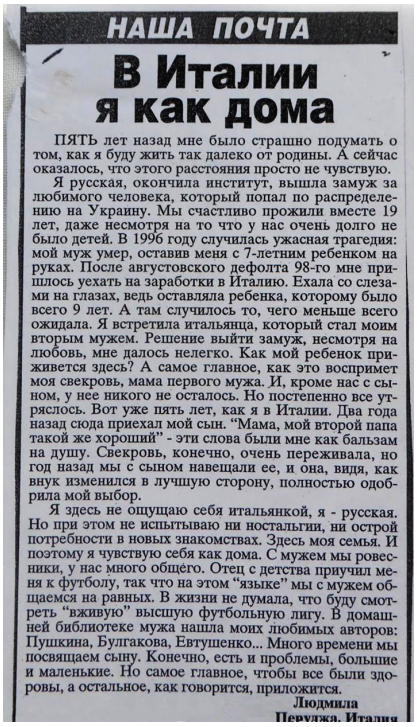
– Первое время, как я приехала жить в Англию, я очень скучала по России, мне не хватало общения, а мой английский был несовершенен, интернета у меня не было, и я ходила в библиотеку местного университета, который регулярно получал газеты на русском языке. Тогда уже несколько лет я ничего не знала о Феде и вот однажды вечером, сидя в университетской библиотеке, я наткнулась на статью в «Аргументах и Фактах», которая называлась «В Италии я как дома» и подпись, по которой я поняла, что это Федя. Я храню эту газету уже много лет – сказала Инна, протягивая мне газетный листок.

Я взял газету и бережно развернул её. Бумага посерела, на сгибах она уже кое-где протёрлась от долгого хранения, уголок был немного надорван. Я начал читать:

Пять лет назад мне было страшно подумать о том, как я буду жить так далеко от родины. А сейчас оказалось, что этого расстояния просто не чувствую.

Я русская, окончившая институт, вышла замуж за любимого человека, который попал по распределению на Украину. Мы счастливо прожили вместе 19 лет, даже несмотря на то, что у нас долго не было детей.

В 1996 году случилась ужасная трагедия: мой муж умер, оставив меня с 7-летним ребёнком на руках. После августовского дефолта 98-го мне пришлось уехать на заработки в Италию. Ехала со слезами на глазах, ведь оставляла ребёнка, которому было 9-лет. А там случилось то, чего меньше всего ожидала. Я встретила Итальянца, который стал моим мужем. Решение выйти замуж, несмотря на любовь, мне далось нелегко. Как мой ребёнок приживётся здесь? А самое главное, как это воспримет моя свекровь, мама первого мужа. И, кроме нас с сыном у неё никого не осталось. Но постепенно всё утряслось. Вот уже пять лет, как я в Италии. Два года назад сюда приехал мой сын. «Мама, мой второй папа такой же хороший» – эти слова были мне как бальзам на душу. Свекровь, конечно, очень переживала, но год назад мы с сыном навещали её, и она, видя, как внук изменился в лучшую сторону, полностью одобрила мой выбор.



НАША ПОЧТА

В Италии я как дома

ПЯТЬ лет назад мне было страшно подумать о том, как я буду жить так далеко от родины. А сейчас оказалось, что этого расстояния просто не чувствую.

Я русская, окончила институт, вышла замуж за любимого человека, который попал по распределению на Украину. Мы счастливо прожили вместе 19 лет, даже несмотря на то что у нас очень долго не было детей. В 1996 году случилась ужасная трагедия: мой муж умер, оставив меня с 7-летним ребенком на руках. После августовского дефолта 98-го мне пришлось уехать на заработки в Италию. Ехала со слезами на глазах, ведь оставляла ребенка, которому было всего 9 лет. А там случилось то, чего меньше всего ожидала. Я встретила итальянца, который стал моим вторым мужем. Решение выйти замуж, несмотря на любовь, мне далось нелегко. Как мой ребенок приживется здесь? А самое главное, как это воспримет моя свекровь, мама первого мужа. И, кроме нас с сыном, у нее никого не осталось. Но постепенно все утряслось. Вот уже пять лет, как я в Италии. Два года назад сюда приехал мой сын. "Мама, мой второй папа такой же хороший" - эти слова были мне как бальзам на душу. Свекровь, конечно, очень переживала, но год назад мы с сыном навещали ее, и она, видя, как внук изменился в лучшую сторону, полностью одобрила мой выбор.

Я здесь не ощущаю себя итальянкой, я - русская. Но при этом не испытываю ни ностальгии, ни острой потребности в новых знакомствах. Здесь моя семья. И поэтому я чувствую себя как дома. С мужем мы ровесники, у нас много общего. Отец с детства приучил меня к футболу, так что на этом "языке" мы с мужем общаемся на равных. В жизни не думала, что буду смотреть "вживую" высшую футбольную лигу. В домашней библиотеке мужа нашла моих любимых авторов: Пушкина, Булгакова, Евтушенко... Много времени мы посвящаем сыну. Конечно, есть и проблемы, большие и маленькие. Но самое главное, чтобы все были здоровы, а остальное, как говорится, приложится.

Людмила

Перуджа, Италия

Я здесь ощущаю себя итальянкой, я – русская. Но при этом не испытываю ни ностальгии, ни острой потребности в новых знакомствах. Здесь моя семья. И поэтому я чувствую себя как дома. С мужем мы ровесники, у нас много общего. Отец с детства приучал меня к футболу, так что на этом «языке» мы с мужем общаемся на равных. В жизни не думала, что буду смотреть «вживую» высшую футбольную лигу. В домашней библиотеке мужа нашла моих любимых авторов: Пушкина, Булгакова, Евтушенко… Много времени мы посвящаем сыну. Конечно, есть проблемы, большие и маленькие. Но самое главное, чтобы все были здоровы, а остальное, как говорится приложится.

– Потом у меня появился интернет, и мы с Федей часто переписывались – сказала Инна, увидев, что я закончил читать – Кроме меня, ну и в последние годы тебя, у неё больше ни с кем не было такого тесного общения. Первое время я даже обижалась, что она стала меньше мне уделять времени, наверное, отдав его тебе.

– А у неё же ещё была подруга, Зяба кажется? – спросил я.

– Да, была. – ответила Инна – Но после того, как она вышла замуж и переехала жить в Киев, их общение медленно, но постепенно сошло на нет, несмотря на то, что они обе жили на Украине. Зяба много лет сильно

болела, очень сильно исхудала, стала почти дистрофиком. В 90-х годах ей сделали операцию и стало немного лучше. Сейчас она занимается только внуками. Зяба очень сильно изменилась. Федя, несмотря на все трудности в её жизни, просто расцвела в своей последней любви, а Зяба всё время увядала и сейчас узнать в ней ту пухленькую девушку просто невозможно.

С интернетом она не дружит, к компьютеру не подходит. Насколько мне известно, и в семье у неё тоже не всё ладно. Её муж и две дочери прошли полную идеологическую обработку, связавшись с украинскими радикалами. Несмотря на то, что их мать и все её родственники русские, Россию они ненавидят, особенно младшая дочь. Отец Зябы был настоящим патриотом России, дед погиб во время Великой отечественной войны, защищая страну. Я помню, когда мы после института как-то зашли всей нашей дружной компанией к Зябе и Федя попросила: «Дядя Вань, а спойте нам Вашу любимую» и он запел:

«А парень с улыбкой счастливой,
Гармонь свою к сердцу прижал,
Как-будто он Волжские видел разливы,
Как-будто Россию обнял».

Он очень хорошо пел и всегда на 9 мая пел эту песню и плакал, он говорил, что эта песня была о нём. Умер Зябин отец в конце лета 2013 года, не дожив до киевского майдана пять месяцев. Все родственники потом говорили, что умер Иван вовремя, не узнав о том, что его младшая внучка скачет на Майдане вместе с фашистами. По этой причине Федя с ними перестала общается принципиально.

Когда хоронили Зябиного отца, мой муж набрал по мобильнику номер Феди, она взяла трубку, и он ей объяснил, что они на кладбище, а потом передал трубку Зябе. Это был знаковый момент для них, обе плакали и в тоже время были счастливы, что могут поговорить друг с другом. Это был их последний разговор, некогда двух неразлучных с самого детства подруг. После этого они уже никогда не звонили друг другу.

– Инна, а к тебе не приходит Людмила? – спросил я и напрягся, ожидая всего. что угодно, вплоть, что меня могут посчитать сумасшедшим.

– Приходит? – удивлённо уточнила Инна – Во сне, что ли? Да, нет она мне почти не снится.

Я понял, что дальше продолжать расспрашивать про Людмилу, приходящую ко мне, разговаривающую со мной, и со всем не во сне не стоит. Несмотря на все достижения современной науки человеческое

сознание ещё долго будет являться тайной за семью печатями и одним из его проявлений являются сны. В детстве я любил засыпать, укутавшись в одеяло, оставив только отверстие для дыхания, я отгораживался от внешнего мира, создавая свой, в котором я был героем, не боящимся трудностей и преодолевающим любые преграды. Я начинал мечтать, представляя себя то отважным капитаном, то великим путешественником, то футболистом, выигрывающим с любимой командой важный международный матч. Картинки в голове становились то призрачней, как бы размываясь в пространстве, то ярче и красочней, и я засыпал, продолжая во сне бороться, преодолевать и побеждать. Со временем это стало привычкой, и я с нетерпением ждал время к отходу ко сну, чтобы снова и снова погружаться в свои мечты, почувствовать сладостные мгновения граничного состояния сознания, когда понимаешь, что ты ещё здесь, но и уже там одной ногой и возврата оттуда уже нет, и ты снова герой.

Наиболее яркими были полёты. Я много летал во сне. То, находясь на крыше какого-то дома, начинал падать, и дикий страх, что я сейчас разобьюсь, вдруг сменялся неописуемым восторгом, когда я понимал, что парю над землёй, над деревьями и домами, над линиями электропередач. Эти электрические провода снились мне не раз. Летая, я постоянно находился рядом с ними и надо было пролететь, не задевая их. Я даже научился взлетать с земли, напрягаясь всем телом, ожидая, что вот сейчас я сделаю очередной шаг, подпрыгну и взлечу, сначала медленно, очень медленно, набирая высоту. И вот всё напряжение спадало, я становился лёгким, воздушным. И всё моё существо пело от восторга, от близости к чему-то великому и родному. Взлетать не всегда удавалось. Иногда, в какое-то мгновение, когда земное и небесное исчезали, сравниваясь во мне, и ожидание, что вот сейчас, вот-вот лёгкость тела превратиться в невесомость, я взлечу и снова ощущу тот неописуемый восторг, я вдруг тяжелел и не отрывался от земли, и на меня нападало отчаянье и ужас, что уже никогда снова не смогу ощутить восторг полёта.

Со временем сны менялись, становясь сложней и изощрённей. В определённый момент появились эротические грёзы, ещё совершенно неясные, но вызывающие смутное сильнейшее волнение, неосознанное причинами, но с пониманием важности и величия момента.

Иногда сны были настолько яркими и продолжительными, что, проснувшись, я ещё долго в голове прокручивал события ночи, вспоминая, что действительно был с кем-то. И зачем? Я не понимал многих

своих поступков в том мире. Зачастую мне реально было стыдно за совершённое, как будто это было в действительности. А можно ли относиться к свершившемуся в сознании по-другому?

Во сне я мог решать то, что не получалось днём. Один раз я решал математическую задачу к школьной олимпиаде. Решал долго и никак не мог найти тот правильный путь, который приведёт к решению. Я лёг в кровать и уснул почти мгновенно, и в голове тут же сложилось решение, простое и ясное. Я вскочил с кровати, включил настольную лампу и быстро записал то, что мне приснилось, и снова мгновенно уснул. Утром мне оставалось только переписать решение задачи в тетрадь.

С возрастом начали появляться тревожные сны, в которых с ужасным постоянством нельзя было кого-то догнать, что-то преодолеть, где-то очутиться. Ноги становились ватными, мысли тягучими. Желание и необходимость свершения и понимание невозможности этого приводили в отчаяние. Сердце гулко стучало в груди, и я просыпался в холодном поту. И ещё долго лежал, анализируя своё ощущение этой вязкости движений и горя потери не свершённого.

Сколько раз во сне я находил неопровержимые аргументы, завершая свои дневные споры с начальником. Или продолжая ссориться с женой, убеждал её, казалось бы, совершенно ясными словами, которые почему-то не мог найти днём.

После смерти отца и матери они иногда приходили ко мне неясными образами, но я точно знал, что это они, потому что мне становилось очень тепло и грустно и я плакал.

Людмила во сне ко мне не приходила никогда, она ко мне приходила наяву и мне не с кем было об этом поговорить.

Я передал газету, которую до сих пор держал в руках, Инне и она, аккуратно сложив, отнесла её в комнату.

– Расскажи мне про её сына – попросил я, когда Инна вернулась назад, чтобы сменить тему разговора – Людмила мне про него почти ничего не писала.

– У них с Сашей очень долго не было детей – начала Инна – Федя, ты уж извини, что я так буду её называть, для меня она навсегда останется Федей. Она и сама любила, чтобы друзья её так называли. Мой сын, когда был маленький, всё удивлялся и спрашивал: «Мам, а почему тётю зовут Федя? Ведь она же тётя?». Ну, так вот, Федя уже и отчаялась, что у неё когда-нибудь будут дети. А Саша очень хотел детей, и Федя от этого страдала. И вот, когда им было уже по 38 лет, у них наконец-то появился долгожданный сын. Его назвали Владислав, Владик.

– Она же хотела назвать сына Расим? – спросил я – Она мне писала, что, когда выбирали имя сыну, была дилемма между Георгием и Владиславом. Назвали Владиславом в честь В. Листьева, которого Люда очень любила.

– Федя помнила про своё данное самой себе обещание, но не могла она назвать его Расимом, уж очень редкое имя для Украины, да и мужа она не хотела обидеть этим воспоминанием – сказала Инна.

– Я, конечно, не знаю, но судя по нашей переписке и твоим рассказам, Расима она всегда любила и никогда не забывала.

– Да. И подтверждение тому папка, полная вырезок и фотографий с ромашками, которую она хранила до самой смерти Саши. И только после его смерти она сожгла вместе с этой папкой и все воспоминания о Расиме. Одно время она через социальные сети пыталась найти информацию о Кирьяненко, тебе, Расиме. Но нашёлся только ты. Она очень дорожила перепиской с тобой.

Инна замолчала. Молчал и я, чувствуя некоторую неловкость, когда она вспомнила про мою переписку с Людмилой, которую я так неосмотрительно прервал. Пауза затягивалась.

– А что всё-таки с Владиславом – напомнил я.

– В год смерти отца он пошёл в школу. А через год Людмила уехала в Италию, оставив Влада на попечение соседки. Представь себе ребёнка, у которого умер отец, а мать уехала, оставив его. Да и соседка-то хорошая была, но это же всё-таки соседка. И в школе ему доставалось. Дети жестоки. Ты же сам жил на Украине в это время. И во всю уже началось брожение умов. А тут «москаль» без отца и матери. Два года Влад жил один, и конечно всё это сказалось на его характере и психике. Нет, он хороший, и мать любит, но… А потом Италия, и снова чужая семья, чужая страна, чужой язык, а он должен был идти в школу и снова проблемы. И хоть Морено, муж Людмилы его усыновил, он всё равно чувствовал себя ну что ли человеком второго сорта. Я думаю, Федя сделала большую ошибку, стараясь быстрее адаптировать его в итальянское общество, говорила с ним только по-итальянски. И вот сейчас, закончив обучение, получив две специальности, он уже несколько лет не может найти работу. В их семье зарабатывает только Морено и этого явно недостаточно, чтобы нормально содержать трёх взрослых человек. И Людмилу, и Влада это тоже гнетёт. Вот такая непростая ситуация.

– Инна, расскажи мне про себя, как ты оказалась в Англии?

– Вспоминать те годы, мои последние годы в России, тяжело. Они совпали с распадом нашей страны – сказала Инна, потерев виски, как бы собираясь с мыслями – Столько всего случилось за эти годы!

Первые проблемы начались в 1992 году. Я работала на Брянском электромеханическом заводе ведущим инженером по подготовке производства новых изделий. Помимо производства магнитофонов и ещё разного ширпотреба завод выпускал изделия для министерства обороны. Когда наши тогдашние правители попали в крепкие объятия лидеров недружественных государств, наша страна начала как Титаник медленно и уверенно погружаться на дно. И когда прекратили выпускать эту военную продукцию, ради которой и был построен завод, людей стали увольнять, да нет, просто выкидывать на улицу целыми отделами и цехами. Ты должен помнить эти годы. Производство разваливалось везде: и на БМЗ, и на стальзаводе, да на всех предприятиях нашего некогда промышленного города. И с ведущего инженера я превратилась в челночницу, курсирующую по маршруту Брянск-Москва-Брянск еженедельно. Ты думаешь, я не сопротивлялась? Не искала места работы, достойного моего образования и опыта? А я уже была не девочка, мне было 42 года. Это разве то самое время начинать новую жизнь? Но я её начала, торгуя всяким барахлом на рынке. Целых пять лет без выходных и праздников, только рынок и автобус на Москву и обратно. Когда мы приезжали за товаром в Лужники, ты, наверное, помнишь, что это была огромная барахолка, и все подтрибунные помещения превращены в склады оптовиков, нас всегда отлавливали милиционеры и отпускали только после оплаты. У них даже тариф был установлен в зависимости от объёма сумки. На нас у них был нюх как у собак. Брали безошибочно. Помнишь то постановление, что человеку без московской прописки нельзя было находиться в Москве более трёх дней? И если нет билета, подтверждающего время прибытия, то либо в «обезьянник», либо откупайся. Даже мой сын отсидел в «обезьяннике». Он тогда уже жил и работал в Москве и у него была временная регистрация. Его задержали, сказав, что регистрация поддельная, запихнули в машину и отвезли в участок. И пока он позвонил сестре, та в свою очередь, искала нужных людей, которые потом и помогли, мой сын в костюме, белой рубашке и галстуке, таскал какие-то ящики из подвала, а отловленные женщины мыли полы. После звонка нужных людей перед ним даже не извинились, просто сказав: «Пошёл вон отсюда». Мой муж так же однажды попал в такую переделку. Он в апреле месяце возвращался из командировки из Братска, прилетел самолётом, приехал на Киевский вокзал, где и был задержан доблестной милицией. В Москве было жарко, он снял свою тёплую куртку, свернул её и пристегнул к чемодану. Менты решили, что это украинец возвращается с зимних заработков и скопом, как волки окружили его и всё спрашивали, где деньги. А он всё спрашивал, на каком основании его

остановили и что от него хотят? И только когда он показал свой российский паспорт и командировочное удостоверение, они его отпустили, предварительно пнув ногой, что муж даже упал. С тех пор ментов я ненавижу. Я была измотана до предела, передвигаясь как зомби по одной заранее установленной программе. Но надо было кормить и одевать семью. Это были страшные годы в моей жизни. Доставали все: менты, налоговая, бандиты и всем надо было платить. Муж, которого ещё в школе звали профессор, продолжая работать на заводе, получал копеечную зарплату, которую платили один раз в шесть месяцев, совсем загрустил. Каждый день после работы он шёл ремонтировать телевизоры, чтобы хоть что-то заработать. Всё-таки женщины более устойчивы и приспособлены к таким ситуациям. Дети-студенты продолжали учиться – сын в БИТМе, дочь в педагогическом на иностранных языках, а мне так хотелось, чтобы они закончили институты, получили образование.

И тут наступил тот знаменитый дефолт, когда доллар за один день вместо 6 рублей стал стоить 18. Для нас, частных «бизнесменов» это был крах. Товары, долги, платежи – всё подорожало и выскребло из семьи последние заначки. Что делать? Я чувствовала, что просто не могу снова продолжать так жить. Я была просто в отчаянье, и тут подвернулась эта «фирмочка», занимавшаяся отправкой людей на работу за рубеж. Как я поняла потом, фактически они организовывали только отправку, а там это твои дела, как выкручиваться. Стоило всё это удовольствие по тем временам совсем не дёшево – 2000 долларов. И я решилась! Состоялся семейный совет, дочка плакала, муж сидел серый и молча скрипел зубами. Деньги собирали по всем знакомым и родственникам. «Фирмочка» купила мне билет туда и обратно, оформила туристическую визу, за которой я сама ездила в Москву в посольство Великобритании. Мне повезло, собеседование со мной проводил такой добродушный дядечка, наверное, проникшийся ко мне жалостью, и мне выдали визу, хотя не все обратившиеся её получали. И вот 6 декабря 1999 года я прилетела в аэропорт Хитроу практически без денег, без знания языка, без друзей и знакомых в этой стране. Но как оказалось меня встречали, «фирмочка» работала как надо. Встречавший тип забрал у меня последние деньги, отвёз меня в какую-то контору, как он сказал, к адвокату, где секретарь была русская женщина, которая мне и поведала мою дальнейшую судьбу. Меня отвезли в общежитие для беженцев, где я оказалась единственной женщиной среди различных мусульманских бродяг со всего света.

Инна встала и подошла к барной стойке. «Я всё-таки сварю кофе – сказала она и начала колдовать у небольшой кофеварочной машинки. Через некоторое время по комнате распространился аромат свежезаваренного кофе. Инна подошла к столу с двумя маленьким чашечками кофе и одну поставила передо мной.

– В 90-е годы тысячи русских стали заложниками в бывших республиках Советского Союза. В Прибалтике у русских, наших БИТМовцев, уехавших туда по распределению, до сих пор нет гражданства. Сразу не возвращались, всё на что-то надеясь, а потом стало поздно. И России они были не нужны и государство ничего не делало, чтобы у них появился стимул вернуться. В Узбекистане просто вырезали русских, и они бежали, схватив детей и документы. На родине, став беженцами, сколько им пришлось пройти через унижение в чиновничьих кабинетах, чтобы получить необходимые документы и начать снова жить. Да и сейчас, мне кажется, не на много лучше.

Ты у меня спрашивал как-то, почему Федя не уехала в Брянск? Могла бы. Жить у матери в двух комнатной «хрущёвке». А где работать? А у неё был украинский паспорт. Безработных и с российским было предостаточно. Я это испытала на себе, когда пыталась найти хоть какую-нибудь работу. Даже на рынке, чтобы устроиться, нужны были связи и деньги. Мне помогла Зябина сестра, она хорошая портниха, и обшивала многих влиятельных людей города, в том числе и директора Бежицкого рынка, которая по её просьбе и помогла мне с местом. У меня было соседка, которая работала в ГПИ «Стройдормаш», кажется так назывался проектный институт, располагавшийся напротив нашего БИТМа. Когда её сократили, она стала на биржу труда, и ей оплачивали пособие по безработице. Так продолжалось полгода, а потом на бирже ей предложили работу уборщицы в школе, находящейся на другом конце города, с окладом 160 рублей в месяц, а месячный проезд на троллейбусе стоил 190 рублей. Естественно, она отказалась от такой работы и её сняли с учёта на бирже труда, перестав платить пособие.

То общежитие я вспоминаю до сих пор добрыми словами. Сначала я не на шутку испугалась. Одна среди мусульманских мужиков. Хоть мне и был почти полтинник, но всё же мало что им в голову взбредёт. Но мои сомнения оказались напрасны. Общежитие представляло собой, как мне тогда казалось, шикарный дом с двадцатью комнатами, одна из которых на втором этаже была моя, с видом на море. Комната была обставлена всем необходимым, как в гостинице. Даже приходила горничная, проводила уборку, меняла постель. Каж-

дое утро я просыпалась, открывала шторы и любовалась морем, чайками и проплывающими вдалеке кораблями. На первом этаже была оборудована столовая, где на завтрак можно было выбрать, кофе, чай или какао с бутербродами. Днём подавали вкусный обед, а вечером ужин с фруктами. Я никак не могла понять, как можно было собрать таких разных людей, содержать и учить их, для чего, за чей счёт? Каждый день у нас были уроки английского языка. Их проводили профессиональные учителя и волонтёры из местной католической церкви. Они расспрашивали нас о прошлой жизни, пытаясь понять, зачем мы оставили наши страны и приехали в Англию. Я всегда говорила, что я не могла содержать семью в России и мне нужна работа, любая, чтобы отправлять им деньги. Но в то время в Великобритании был закон, по которому иностранцу работу могли предоставить только после 6-ти месячного пребывания в стране. Я была в отчаянии, ведь мне нужно было отдавать долг в 2000 долларов, деньги для себя и помощи своим родным. Эти люди очень помогли мне, договорившись с хозяином или управляющим общежития, я не знаю, что я неофициально буду работать на кухне, готовя еду для всех проживающих, за что буду получать два фунта в час, при минимальной оплате в то время по закону 3,7 фунта. Я была счастлива. Уже к лету, ещё до получения официального разрешения на работу, я смогла рассчитаться с долгами и помочь своим родным купить современную стиральную машину. Это был мой первый вклад в их благополучие. Кстати, эти люди действительно оказались хорошими. Деньги домой отправляли они, и хранили их у себя дома, потому что в общежитии я хранить их побаивалась.

Шло время и необходимо было решать вопрос моего пребывания в Англии. Люди, проживающие в общежитии, считались беженцами, уехавшими от войн, происходивших в их странах: Конго, Косово, Шри-Ланке, Иране, Афганистане и др., и только я выпадала из этого списка. В России не было войны, а экономическое состояние страны не причина, чтобы можно было оставлять меня. Я была в отчаянии и не знала, что делать и как решать эту проблему. Один из наших учителей работал в местном университете, преподавая русский язык. Он прекрасно говорил по-польски, по-французски, знал несколько арабских языков. Он предложил мне сделку – меня оформляют в университете на кафедре «Драматургия», я оказываю помощь одному профессору-инвалиду с ДЦП, который очень давно работает в этом университете, но его состояние в последнее время ухудшается, я должна жить в его доме, вести хозяйство, помогать ему добираться до работы и обратно. Но чтобы не было проблем с законом, я должна оформить с ним официальный брак. Это был шанс. Я понимала, что с одной стороны эта

сделка узаконит моё положение и я смогу, зарабатывая официально, поддерживать свою семью, но с другой – это может надолго меня разлучить с ними. Да и возвращаться обратно в то, что было со мной в последнее время, категорически не хотелось. Я позвонила мужу, всё объяснила, он на удивление быстро согласился, оформил наш развод и выслал мне документы. Вот так я стала англичанкой, работником университета, где мне платят вполне законную и неплохую зарплату.

Так распорядилась судьба. Всё, что произошло в нашей стране, отняло у меня семью, разрушило все мои мечты. Впервые после отъезда я увидела сына только через 10 лет, а дочь через 15.

И опять наступила тишина. Её рассказ взволновал меня. Я подумал: «Променять свою жизнь, свою любовь, своих детей, на что? Ради чего такие жертвы?».

– За эти годы на деньги, заработанные мной, мой муж купил машину, о которой мечтал всё свою жизнь, сын и дочь купили себе квартиры в Москве, я оплатила учёбу дочери в Российской Академии Правосудия. Себе я оставляла только на самое необходимое, всё отправляла моей семье – как бы подслушав мои мысли сказала Инна.

– Как-то Люда прислала мне одно стихотворение – сказал я – Мы тогда устроили настоящую дискуссию о боге, церкви, нынешней Европе. Наши взгляды в чём-то не совпадали, а иногда были совершенно противоположенные. И вот тогда она и прислала это стихотворение.

"В одно окно смотрели двое:
Один увидел - дождь и грязь,
Другой - листвы зелёной вязь,
Весну и небо голубое!
… в одно окно смотрели двое."

– Я в чём-то понимаю тебя – продолжал я – Девяностые годы для нашей страны были очередным испытанием. Сколько на её долю свалилось таких испытаний. Да, наверное, мне не пришлось столкнуться с тем, что испытала ты. Хотя и у нас в семье были проблемы, и нам не платили зарплату по несколько месяцев. И сын бегал под пулями, когда штурмовали Останкино, и дочь серьёзно заболела, и тёща умирала от онкологии, а хорошие лекарства стоили безумных денег, но никогда у меня не было ненависти к своей стране. Сейчас по прошествии времени трудно рассуждать, как поступил бы я, если бы у меня не было средств к существованию. Скорее всего, уехал бы на север, там можно было заработать денег. Жена снова начала бы шить, она неплохо шьёт и в своё время, когда я год лежал в больнице в другом городе, шитьё и контрольные для студентов давали дополнительный заработок. Я понимаю, что женщины устроены по-другому и ради

своих детей они готовы на любые самопожертвования, но променять эмоциональную жизнь на материальные блага… Я помню, когда я уехал в другой город на новую интересную работу, и как мне казалось, я скоро привезу свою семью в большой красивый областной центр, а оказался в больнице, и я почти два года был оторван от близких мне людей, я очень от этого страдал. Хотя жена с сыном и мать навещали меня несколько раз, но эти короткие встречи не в счёт. У тебя же не было и этого. Я не понимаю! И человека, с которым ты не виделась двадцать лет, ты по-прежнему называешь мужем! И детей ты не видела десять лет! Инна, ты меня прости, но я не понимаю! Видно, мы разные люди, по-разному оцениваем и ощущаем этот мир. Как в том стихотворении.

Наверное, моя речь была слишком эмоциональна, и даже через стёкла затемнённых очков я видел, как расширились её глаза, она поджала губы и всё её лицо словно окаменело. Не говоря ни слова, она встала, подошла к окну и, повернувшись ко мне спиной, долго смотрела на стену соседнего дома. Она не заплакала, как можно было бы ожидать, не начала оправдываться, выстраивая цепь аргументов, она просто стояла, скрестив руки на груди и смотрела через серое стекло. Я заёрзал на стуле, не зная, что мне делать дальше, и уже ругал себя за несдержанность, и уже искал какие-то слова, чтобы смягчить создавшуюся обстановку, когда она повернулась ко мне лицом, которое по-прежнему напоминало застывшую маску.

– Тогда, много лет назад, уезжая, я дала себе слово, что я сделаю всё, но моя семья, мой муж не будут жить в нищете, и я выполнила это обещание – жёстко, чеканя каждое слово, сказала она, сделав ударение на слове муж.

Мне ничего не оставалось, как встать и, пробурчав слова прощания, направиться к двери. Инна не двинулась с места, продолжая стоять посредине комнаты.

Я шёл по весенней улице Лондона, яркое солнце блестело в витринах магазинов, проезжающие двухэтажные автобусы отражали блики на лица людей, молодая листва деревьев радовалась наступающему теплу и свету. Мои мысли всё крутились вокруг разговора с Инной. Сколько русских людей разбросано по всему миру, начиная с революции и гражданской войны, потом вторая мировая, разбросавшая миллионы, массовые отъезды русских евреев, бегство на запад мозгов и диссидентов, трудовые мигранты уже нашего времени. Всю это сделало русских самой разобщённой нацией в мире. Как оценивать то, что случилось с Инной? Как ярчайший пример самопожертвования женщины, отдавшей свою душевную жизнь взамен на материальные

блага своей бывшей семьи? И сделали ли эти блага их жизни счастливыми? Или она просто возмещала плату за своё тихое, спокойное, сытое существование? Чужая душа потёмки. Я не знаю Инны, не знаю её близких и не мне её судить. На эти вечные вопросы нет ответа в нашем земном мире. Как говорил один мой знакомый дядя Коля: «На том свете все угольками сочтёмся». Я долго не понимал этого выражения. А сейчас думаю, когда нас не станет, тогда и станет ясно, кого и сколько будут помнить, ставя свечки за упокой души в храмах. Извини, Инна, за мой несносный характер, если я тебя обидел.

Придя вечером в гостиницу, я налил себе виски в большой стакан, устроился в кресле под тёплым светом торшера, открыл компьютер и начал читать.

Из моей переписки с Людмилой.

Виктор

Вернулся из Германии. Тепло. Чисто. Добропорядочно. Скучно. Я бы не смог здесь жить. Для меня лучше, чтобы всё бурлило, чтобы постоянно решения принимать, чтобы выживать, в конце концов!

Немцы странные люди. По крайне мере для меня. Они уж очень долго отмеряют, уж очень долго принимают решения. И там, где всё совершенно ясно, они ещё о чём-то думают. С голландцами проще. Они как-то ближе к нам, не зря Пётр Первый именно в Голландии окно в Европу прорубал.

Собираюсь в командировку в Уренгой.

Людмила

Я открыла старый атлас, что привезла с собой, так там Уренгоя ещё даже нет и в помине.

А вот насчёт, где лучше, конечно, там, где привычнее. В свое время я объездила половину Кавказского побережья от Сочи до Батуми и весь Крым (не люблю часами лежать под солнцем). И везде мне нравилось. А в Италии, тем более в любом маленьком городишке, очень спокойно, а главное - везде чудесный песок. А в Ионическом море и зимой можно босиком по морской воде бегать. Сейчас многие русские покупают недорогое жильё в Италии. Подумай, может тоже что-то присмотришь.

Виктор

Посмотрел кучу материала про «недорогую» Италию. Много предложений, которые вполне по силам. Не запомнил названия городков, где-то на самом «носе сапога». Извини, но меня это не привлекает. Скучно там будет. Я уже на второй неделе завою волком. И всякий чудесный песочек хорош в течение двух недель, и то на контрасте с нашей московской

сыростью и серостью. А что потом? Всю жизнь на песочке не пролежишь. Это не для меня.

Люда, а мужа и сына ты берёшь в свои поездки в Брянск?

Людмила

Да, конечно, тебе будет скучно, а я чувствую себя здесь как дома. В России хватает недели, чтобы потянуло назад, а на Украине и пару дней достаточно.

Да нет, муж уже был там, сына я беру с собой через раз. Этот раз сын туда едет со своей девушкой. Отпуском это назвать трудно, но оставить стариков я не могу. Даже изменила обычному маршруту в связи с их состоянием, летим напрямую до Шереметьево, которое вызывает у меня опасение. Такая истерия вокруг него в Интернете.

Мы ещё немножечко цепляемся за лето. По воскресенья ездим на море, вернее, на обед в рестораны с морепродуктами, сезон заканчивается, народу мало, можно ехать без всяких проблем. Итальянцев, конечно, только хорошая кухня интересует, а я очень люблю воду, будь то бассейн, озеро, река или море, главное, чтобы поплавать можно было. Ибо в Черновцах на Прут практически не ходила: очень мелкий и быстрый. Днестр немножечко получше, но далековато. Волгу очень любила, вот по Волге испытываю ностальгию, когда-то мечтала проплыть на теплоходе от Астрахани до Москвы, но так и не довелось…

Виктор

Вчера у нас отключили электричество. Какая-то поломка была на линии. Телевизор не работает, интернет не работает – красота. Разожгли с женой камин, зажгли свечи и сели читать Евгения Онегина. Сразу представилось, как раньше люди собирались вечером, разговаривали, читали книги. Сейчас современные цифровые технологии только разобщают людей. Хотя нас с тобой объединили!

Людмила

Ух, ты! Ты «Евгения Онегина» любишь? Когда-то я многое из него знала наизусть, вообще мне нравится любимые вещи и перечитывать, и пересматривать. А прочитала твоё письмо и тоже потянуло перечитать ещё раз Пушкина.

Виктор

Съездил в Питер. Зимой туда лучше не ездить. Грязь, нечищеные улицы, сугробы и между ними занесённые снегом машины. Жуть. В Москве как-то с этим получше. Наш город с каждым годом преображается, становится всё лучше и лучше. Мои последние поездки по Европе убеждают меня, что через совсем небольшое время Москва станет самым лучшем городом в Европе. А может и в мире. Та Москва, которую помнишь ты, уже не существует.

Вот такие стихи я написал сидя в поезде.

Я посвящал бы Вам поэмы,
но ныне век, увы не тот
в нём проза жизни их заменит
и серость бытия
и будничность забот.
Но даже в этой мгле
Вы лучик мирозданья,
как уголек тепла
в остынувшей золе,
как радуга средь туч,
Вы свет в моём сознанье
и Вам пишу стихи на утренней заре.
Пускай они глупы,
и слог не тот
и рифма
Пускай ещё в них нет
отточенности строк,
зато в них есть душа,
и мысль немного слышна,
и если не любовь,
то нежности чуток.

Виктор

Только вчера прилетел. +16 в это время года, даже жарко для меня. Париж всё изменяется и всё к худшему. Везде полно арабов и всяких других выходцев из Азии. Они сидят прямо на Елисейских полях такими большими группами, праздно шатающийся народ обходит их. Полиция не принимает никаких мер. Наши женщины, коллеги, вечерком решили пройтись по Парижу и с ужасом через некоторое время прибежали в гостиницу, они еле убежали от пристававших к ним арабов. Толерантная Европа! Это уже не тот Париж, который я увидел лет 15 назад. А может я не тот? И не теми восторженными глазами смотрю?

Слушай, сейчас читаю одну книгу "Одиночество в сети", поляка, Я. Вишневского, так у нас с тобой, как и там прямо свидания в сети. Хоть роман пиши. А это идея!!! Давай напишем. У тебя хорошо получается. Слог хороший и помнишь ты многое и ярко. Давай напишем! Я загорелся. Жду твоего решения.

Людмила

Вот видишь, как тепло в Европе, а у вас опять снег. Я не была ещё в Париже, но мы обязательно побываем, тогда можно сравнить первое впечатление. Но у тебя разница в 15 лет, а у меня с Москвой разница всего 6 лет была, так вот эта новая Москва на меня просто давила,

побывать я успела только в центре и прошлись до Лубянки, нет простора, Большого театра совсем не видно, куда делись большие площади, всё такое маленькое, как в Европе, но тут всегда так было... даже Красная площадь крошечной показалась. Наверное, наши годы тоже накладывают восприятия. Её не сравнишь с той восторженной юношеской картинкой Москвы. Я согласна, что Москва очень крупный европейский город со своими особенностями, но мне в ней было душно, стало мало простора, всё так сжато....

Да, ты знаешь, действительно интересная, по крайней мере для нас, переписка. А насчет писать..., я не против, ты пиши, а я помогу, чем смогу. Посмотрим, что получится.

Виктор

Спасибо за согласие взять нашу переписку за основу некоего литературного творения. Мне интересно попробовать, с твоей помощью, конечно. Может, что и получится. Не для широкой публики, конечно.

Мне новая Москва вызывает двойственное чувства. С одной стороны, есть хорошие решения для города. Начали заниматься дорогами, благоустройством дворов и улиц. Но, с другой стороны, всё подчинено деньгам (проклятый капитализм), а не разуму. Все эти супер и гипермагазины, точечная застройка современными зданиями посреди неухоженной старины, и куча машин, которым некуда деться. (Опять бурчу постариковски). И всё-таки я верю, что наша Москва станет лучшим городом на планете. По крайне мере для нас россиян.

Я очень рад, что ты меня нашла в сети. Рад, что на свете есть ещё один человек, который помнит меня молодым и красивым.

Виктор

Закончил читать "Одиночество в сети". Хотя книге уже 10 лет, но я до неё добрался только что. Почитай, если сможешь. Тебе понравится. Чем-то эта история похожа на наши отношения. Я другой раз тоже не могу не написать тебе. Тянет! Летел в самолете и обдумывал сюжет нашей истории. Пока только, только выстраивается.

Людмила

Завтра едем в Ватикан, на этот раз - подземелья Ватикана — это целый день. В интернете нашла "Одиночество в сети", когда прочитаю, смогу что - то ответить.

И еще: твоя последняя строфа стихотворения способна свести с ума, ибо действует как мания: постоянно вертится в голове как навязчивый (но приятный) мотив: «...Пускай ещё в них нет отточенности строк...».

Людмила
Прочитала «Одиночество в сети», прочитала на одном дыхании, хотя повесть ну очень насыщенная. Меня с самого начала не покидало чувство безысходности в отношении героев. Такое чувство было, когда я первый раз читала «Мастера и Маргариту». Но конец очень впечатлил именно своей простотой и обыденностью.

Людмила
Ты знаешь, вот прочитала вот эту строчку - "Всего тебе хорошего, девушка из прошлого" - и немножко сердце защемило, сразу память перенеслась в нашу молодость.

Виктор
Вот ты и название подходящее придумала для нашего романа «Девушка из прошлого».

Людмила
Как твоя мама? Ты представляешь, меня моя последний раз не узнала, всё спрашивала, знаю ли я Люду Федотикову, которая тоже живёт в Италии?

Виктор
Никак не приступлю по-настоящему к нашему роману. Всё что-то отвлекает. А для этого надо уединиться на месяц другой. С головой уйти в прошлое, в тот мир, что создаешь сам. А в реальном мире и окружении это сложно. Но ничего, как-нибудь соберусь. Хотя понимаешь, и твой личный опыт подсказывает, что потом уже будет всё по-другому. И ощущения будут другие, и мысли. Сколько раз себя ругал, что не сделал то, что задумывал, вовремя. Ладно... Пока, девушка из прошлого. Я тебя целую.

Людмила
И я тебя тоже целую, как тогда!

Виктор
Спасибо за поцелуй. Я представил себе как это, когда ты меня целуешь. А если бы встретились, поцеловала бы?

Я очередной раз (уж сколько их было) удивляюсь, насколько же эти европейцы зашоренные. Они как роботы запрограммированные. Чуть в сторону от привычного им расклада и они не знают, что и как делать. И как им удается при таких ограниченных способностях создавать в принципе неплохие вещи. Давно для них потрясений не было. Вот тогда надо принимать решения быстро и чётко.

Можешь себе представить, за 10 мин. до начала заседания правления нам объявляют, что рассчитывают не на 15 мин. презентации, как было договорено ранее, а на 2,5 часа углубленного рассказа о нашей

системе. Я готов их был растерзать. Надо же был перестраивать всю структуру презентации, да еще подробно отвечать на вопросы представителей всех стран Европы. Но мы справились. И даже похоже заинтересовали их в продолжении сотрудничества.

Брюссель мне не понравился. Да и холодно было. Температура около 0, а такая промозглость. В Москве -15 лучше переносится. Моя молодежь решила обязательно найти символы города, и мы 3 часа ходили по улицам, искали статуи писающих мальчика и девочки (оказывается в Брюсселе и такая есть). Потом пили пиво в симпатичном баре, познакомились с молодыми японками и болтали о том, о сем. В общем, как всегда, в командировках. А потом оказалось, что у одного моего коллеги пропал iPhone. Вот тебе и Европа с японками.

Виктор

Buongiorno Signora!

Вот мы и дома. Где бы не были, где бы не радовались красотам, сервису, погоде, но дома всегда лучше. Сардиния не самое плохое место на нашей земле. Не хуже и не лучше многих других. Отель был вполне хороший. По крайне мере не обычный. Номера так удачно встроены в ландшафт, что их просто не замечаешь. Всё в зелени, в цветах. Море в 5 минутах ходьбы. Контингент - русские (не много), немцы (совсем мало), ребята демократы (всякие поляки, чехи) и итальянцы (много). Помоему, если итальянцев будет две семьи, это уже много. Такая пара семей лежала на пляже перед нами. Они говорили всё время. Не переставая. Говорили на лежаках, говорили, прогуливаясь по пляжу, говорили даже купаясь в море, говорили в ресторане. И всё это громко, энергично жестикулируя. Даже после моих замечаний быть потише их хватало ровно на 5 минут.

Поездили по острову, посмотрели разные достопримечательности. Хотели пройтись пешком до соседнего городка Пулла при жаре 37 градусов, но быстро поняли, бесперспективность этой затеи и вернулись. Две недели ничего неделания сделали из меня полного лентяя. Теперь обратная адаптация, надо приходить в рабочую норму.

Сразу после приезда, на следующий день поехал в Брянск. Это было 5 августа. Искал тебя глазами на остановке в Новом городке, проезжая мимо. Не нашёл.

Представлял, как ты попала в Италию, как адаптировалась, как училась общаться. Ты мне про это никогда не рассказывала.

Ну вот и всё Людмила. Arrivederci!

Виктор

Давно тебе не писал. Всё дела, дела. Казалось бы, и хватит уже, а всё крутишься остановиться не можешь. Да надо ли останавливаться?
Был в Голландии на острове Амеланд. Такой небольшой островок в Северном море. На острове маяк 18... какого-то года. Местные жители

гордятся маяком и всех туда возят посмотреть. Тишина и спокойствие. Все на велосипедах. Детишки строем прогуливаются. На песчаных пляжах сидят за столиками скучающие туристы. Пьют кофе и смотрят в море, как будто там что-то можно увидеть, кроме череды повторяющихся волн, редких лодок и яхт. Умиротворенность и скукотища. И от этой Европы можно что-то ожидать? Затеял спор с одним голландцем, который по принципиальным соображениям не хочет иметь детей. Я ему нарисовал картинку, как на этом острове лет через 20 будут стоять мечети, а он будет прислуживать каким-нибудь арабам. По-моему задумался. Ну да бог с ними. Непуганая нация. Забыли 1940 год. Да и что им было помнить, когда их вся армия состояла из двух калек. Что-то я разошелся.

Дочь приезжала на побывку, на три недели. Говорит, ей там хорошо. А в Москве опять на неё тоска напала. Хмуро, пасмурно, холодно. Солнца не видно уже какой день. А там энергия океана, солнечно, радостно. Никто ничем особо не заморачивается. Есть один доллар, значит будет еда на день. Ещё один и ночлег обеспечен. А больше ничего и не надо. Это её нынешняя философия. Пока она в Москву возвращаться не хочет. Главное, что ей там хорошо по здоровью, а то, как вспомню все больницы и клиники, пусть уж лучше там остаётся.

Людмила

Два дня у нас была "московская осень", лил непрерывный дождь, даже обмельчавший Тибр начал выходить из берегов, а сегодня почти лето. Ты в Германию-Голландию ездишь с завидным постоянством, я всё время представляла, где ты сейчас... А я недавно из Украины приехала, на пару дней надо было съездить... Всё-таки национализм в Западной Украине сидит крепко. Недавно слышала здесь в Италии возле супермаркета, как одна такая украинка кричала другой со злостью по-украински: «Как ты можешь мне здесь отвечать на русском? Как ты, украинка, можешь на нем разговаривать?» Их обиду и столетия не выжгут. Люблю ещё на Адриатику ездить, в прошлые выходные были в одном ресторанчике, там маленькие ресторанчики приготавливают только что выловленные морепродукты, очень вкусно. До Италии я любила только селедку, польскую, иногда покупаю здесь у поляков...

Виктор

У нас по ТВ показывают, какие у вас там наводнения и демонстрации. Бедные европейцы спасаются от проливных дождей и спада экономики. А у нас осень, тихая, спокойная, без снега. Московская осень темнеет уж в восемь….

Да помню я тех националистов. Я же застал самое начало. Кто самый бестолковый на компрессорной станции был, подались в националисты. Активное меньшинство. Горлопаны и наглецы и ничего больше. Наверное, так и в 17 году в России было. Главное, долой! А что потом, им до лампы. Хоть посмотрели бы вокруг. Где лучше стало? В

Румынии? В Венгрии? Болгарии? Список можно продолжать. Ладно. Что-то я в политику ударился.

Виктор Герке
Наверное, всему приходит конец. Вот и ты мне больше не пишешь. Я понимаю. Всё должно чем-то подпитываться. Какой-то энергетикой, какими-то планами, какими-то интересами. Ты пиши хоть иногда.

Людмила
Давно не писала, но в принципе я как-то постоянно пишу в уме тебе, а когда пишу уже «на бумаге», то многое, что хотела написать, уже улетучивается... Ну не знаю, пока в мыслях по крайней мере ты постоянно со мной.

Ко мне приезжала подружка из Черновиц, так что пару недель мы были в движении без отдыха. Хорошо, что она одного поколения со мной, ибо год назад моя племянница таскала меня по всем башням пешком (самая высокая точка Рима – это крыша Сан Пьетро в Ватикане, наполовину лифтом, а потом своим шагом вверх по ну очень узким лестницам, я всё-таки дошла за ними до самого верха (то же самое и во Флоренции), а Таня сама не согласилась подниматься, ну и слава богу. Хотя вид неописуемый. Хорошо, что приезжают зимой, ибо лето и «футтинг» несовместимы, летом возможно только море...

Я уже как-то писала, что раз в месяц мы обязательно посещаем храм Санта-Мария-дельи-Анджели (Ассизи), так на подходе от стоянки там растут кусты розмарина и лаванды, и я всегда рву веточки. Розмарин идет как приправа ко многим блюдам, а лаванда отгоняет моль. Конечно, всё это можно купить и т.д. и т.п. и рвать на улице вредно, но не могу пройти мимо, как не могу пройти мимо лавра, чтоб не сорвать и специально ищу на дорогах наш дикий укроп, понимаю, что вредно рвать вдоль дорог, но ничего не могу с собой поделать (остатки советского прошлого). Странно, но сегодня не было никаких экскурсий в храме, кризис налицо.

Вот ты написал про конец и мне как-то стало не по себе. Нет, мне очень интересно знать про тебя, чем ты живешь... и хочется увидеть. Можно по «скайпу» поговорить, но... всё-таки я буду волноваться, не знаю, всё-таки лучше встретиться наяву, посмотреть в глаза, окунуться в прошлое, которое было почти 40 лет назад (с ума сойти) ...

Виктор
Роман пока наш отложил. В последнее время как-то не пишется.

«Скайп» – это не то. Согласен с тобой. Я тоже не смогу. Надо глаза видеть, ощущать, чувствовать. Жалко, что так и не удалось встретиться. Особенно тогда в Италии. Но, что делать. Может ещё повезёт. Но не только для прошлого, а может и для будущего.

Людмила

Насчет своей книжки не переживай, будет вдохновение, время - само всё придёт, зачем торопить события... И спасибо тебе за стихи, за воспоминания…

Вообще-то я тоже думаю, что мы когда-нибудь встретимся, действительно в памяти всё как-то накладывается и хочется ощутить..., но всё само собой, без напряга должно произойти, да и ожидание чего-то всегда как-то волнует...

Людмила

Вчера у нас выбрали папу, двух последних пап я видела живьем, а этот принял имя святого Франческа, церковь которого мы изредка посещаем. Я не смогу быть глубоко верующей, (как многие мои бывшие коллеги разбрелись по церквям и по сектам, не найдя себя в этой жизни...), но все-таки «Отче наш» знаю на двух языках и «Аве Мария» на итальянском. Папа носит имя именно Франческо, а не Франциск на английский манер, как его называют в России. Ничего не имею против английского языка, сама его изучаю, хожу в класс уже 4-ый год, мы уже все сдружились, как в том же институте, но Папа, хоть и аргентинец, имеет итальянских родителей, да и Ватикан говорит по-итальянски, поэтому просто возмущает англолизация там, где её не должно быть.

Глава 15

«В старости ум становится кладбищем. И самые любимые и не любимые – всё бродят ночью среди могил» – так кажется сказал Андре Моруа. Когда-то в молодости нам с женой попались его «Письма к незнакомке», и мы читали их порой, не понимая всей глубины мысли писателя.

Обещанный роман всё не ложился на бумагу, всё не хватало чего-то самого важного, и я всё возвращался в прошлое и разговаривал с Людмилой по ночам, не переставая ожидать очередного чуда её явления.

Я шёл по площади к парку воскресным майским утром, когда люди ещё спят…, когда увидел женщину, стоящую посредине площади. Она явно ожидала меня. Вся её поза говорила: «Ну, сколько тебя можно ждать». И знакомая улыбка. Я и обрадовался, и испугался одновременно. «Опять эта чертовщина. Ну ты же хотел, чтобы она пришла!» – крутилось у меня в голове. Я медленно приближался, а она стояла, не меняя позы, продолжая улыбаться, как будто позируя перед объективом фотоаппарата.

– Да ты угадал, именно здесь я фотографировалась несколько лет назад, когда ты опять не приехал в Брянск – сказала она – Слушай, я же попрощалась с тобой прошлый раз. Сколько можно? Ты опять не даёшь мне покоя. Давай всё-таки завершим наш роман. Тебе ещё что-то

не ясно? Пойдём куда-нибудь, а то стоим тут, как три тополя на Плющихе.

– Почему три? Два! – сказал я.

– Да нет, три. Ты, да я, да наше прошлое. Ты ещё не понимаешь, оно всегда с нами, наше прошлое – сказала она и очень серьёзно посмотрела на меня – Ведь не зря говорят, что, когда человек уходит в мир иной, всё прошлое проносится перед глазами. Я знаю это так. Прошлое, оно всегда с нами, мы как в эфире находимся в нём. Есть события, время и состояние. Вот с тобой сейчас что-то происходит, это событие остаётся во времени и через некоторое его количество это событие создаёт твоё состояние. А через другое время это же событие уже сделает твоё новое состояние. Вот так прошлое и время лепят тебя нынешнего. И те вчерашние события, которые ты оцениваешь сейчас, будут оцениваться совершенно по-другому завтра в твоём новом состоянии. Прошлое – время – настоящее, всё едино! Ты поймёшь это позже. Твоё время ещё не пришло.



Мы прошли площадь и пошли вдоль улицы, которая привела нас к кинотеатру «Победа». Когда-то в далёкой юности здесь были наши незабываемые встречи. Недалеко мы нашли укромную скамейку.

– Что ты хотел ещё узнать у меня? – спросила Люда.

– Расскажи, как ты оказалась в Италии – попросил я.

Людмила задумалась, опустив глаза и казалось перестала замечать меня. Она так долго сидела, сгорбившись, сразу постарев, полностью уйдя в свои воспоминания, переносясь на много лет назад.

– Это было самое тяжёлое время в моей жизни, даже тяжелее того, когда я буду умирать – наконец сказала она – Знаешь, вот живёшь с человеком много лет и настолько привыкаешь к тому, что он рядом, как к воздуху, свету, звукам, ты просто знаешь, что он есть, и вдруг в одно мгновение его не стало, изменилась окружающая тебя среда. И только тогда понимаешь, насколько это окружение было тебе необходимо. Уже и дышится с трудом, и свет потускнел, и звуки изменили свой тон. Ведь я не могу сказать, что я любила Сашу, когда выходила за него замуж. Все чувства были, только не любовь, которая у меня была к Расиму, даже к тебе я испытывала больше желания, и только когда его не стало, я поняла, что не было у меня ближе и роднее человека. И я страдала, что не смогла дать ему всю себя, что оставляла что-то про

запас на будущее, как будто проведение подсказывало мне, что эта спрятанная в закрома любовь ещё пригодится. На следующий день после его похорон, в чужой земле далеко от матери и родного дома, казня себя, я сожгла все ромашки, все дневники и письма, приказывая себе вычеркнуть из памяти всех и оставить только его. Наивная, я ещё не знала, что рукописи не горят, а память возвращается, как например ты, вернувшийся через столько лет. Меня тогда сохранил сын, удержав от непоправимого шага. Я должна жить ради него, жить без денег, без работы, в чужой, уже чужой стране. Первой мыслью было бежать домой в Брянск, там мама, брат, родственники. Но кому я там буду нужна? Я вспомнила письма Инки. Работы нет, денег нет, гражданства нет, всю оставшуюся жизнь прожить в одной комнате с мамой. А по телевизору показывали, как свои безработные в России стучали касками на Красной площади. И подруги на мозги капали, приводя примеры, как знакомые знакомых всего за год заработали в Европе на машину. И я решилась.

В то время многие украинские женщины стали уезжать в Европу на заработки. Потоки этих несчастных тянулись в Грецию, Испанию, Италию, Германию. Некоторые из них сгинули навсегда, кто-то попал в сексуальное рабство, кого-то убили, кто-то осел, подписав пожизненный договор ухода за старыми и больными, кто-то стал БОМжём, промышляя на папертях церквей, кто-то, уезжая всё дальше и дальше, навсегда потерял возможность вернуться на родину, растворившись в людской массе чужих стран. Были и такие, которым повезло выйти замуж или найти приличную работу в конце концов получив заветный европейский паспорт.

Ты знаешь, я всегда грезила Италией, ещё с детства. Болела за Туринский Ювентус и сборную Италии по футболу, изучала историю страны, мне кажется, пересмотрела все фильмы с итальянскими актёрами. Я даже купила русско-итальянский разговорник и пыталась по нему учить язык. Если и ехать, только в Италию. В городе появилось много жуликов, которые быстро за деньги организовывали паспорт, визу, отправку за границу. Я продала дачу, кое какую мебель, свои украшения. Договорилась с Таней, что она на время будет заботиться о Владике, отдала ей ключи от квартиры, которую за большие деньги переоформила на неё и уехала в Италию.

Мы с одной коллегой с завода ехали поездами, электричками от города к городу, от страны к стране, так было дешевле, ночевали в почасовых гостиницах, питались в придорожных буфетах. Через три дня чуть живые, голодные, помятые, мы приехали в Рим. По адресу, данному нашими посредниками, нашли католическую церковь на окраине города. Именно при церквях удавалось таким беженцам как мы переждать какое-то время. На заднем дворе в пристройке было организованно две комнаты, где размещались десять женщин из разных стран. Кроме нас, было несколько человек из бывшей Югославии, Прибалтики, Польши. За еду и одежду мы помогали служителям церкви, выполняя любую работу. Все мы нелегально находились в стране, наши туристические краткосрочные визы кончились и другого разрешения на пребывание в стране у нас не было, и мы должны были быть депортированы из страны. Но в Италии арестовать человека, находящегося в церкви, было невозможно и многие этим пользовались. Получая, наверное, какие-то деньги от поставщиков живого товара, церкви, по сути, занимались благотворительностью, пристраивая таких обездоленных на разные работы. По вечерам к нам приходил пожилой священник отец Джианни, говоривший на странной смеси славянских языков, которую я понимала, прожив столько лет на западной Украине, и проводил с нами беседы, рассказывая о боге, церкви и жизни в Италии. Это были мои первые шаги к богу. Мой папа был коммунист, мама учительница и как ни настаивала моя бабушка, меня так и не крестили в детстве. Потом, сам знаешь, октябрята, пионеры, комсомол, институт – было не до бога и церкви.



Именно в Италии я приняла католическую веру, крестилась, выучила несколько молитв на итальянском и русском языках, но это будет уже потом. В этой церкви я прожила целый месяц.

Людмила замолчала и снова склонив голову уставилась в землю. Я не мешал, замерев и превратившись в слух, понимая, что она уже не здесь, а там в той церкви, заново переживает всё происходящее.

– Весь месяц я проплакала, потому что мысли мои были только о сыне. Я уже ругала себя, что согласилась на эту авантюру, оставив его.

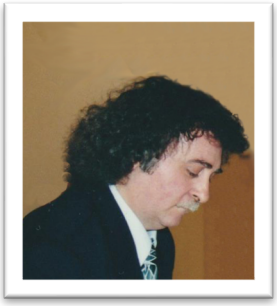
Иногда мои соседки выходили за пределы церкви, прогуливаясь по ближайшим улицам, а я оставалась одна и тогда отец Джианни утешал меня, гладил по голове и говорил: «Бог милостив, ты верь и молись и обретешь спокойствие и счастье». И мы вместе читали молитву «Аве Мария».

И вот однажды пришёл отец Джианни и сказал, что поступил заказ из города Перуджа, который находился в 2,5 часов езды на поезде от Рима, где требовалась помощница по дому одной пожилой синьоре. «Что я должна делать, мои обязанности?» – спросила я. Отец Джианни усмехнулся вполне доброй улыбкой: «Всё, что тебе скажут. Впрочем, если ты не согласна…». Я, конечно, согласилась. Что мне оставалось? Мне объяснили, что в Перудже меня встретят, вручили какие-то бумаги на итальянском, билет на поезд и дали молодого служку сопроводить меня до вокзала. Вот так я оказалась в поезде очередной раз, уносящем меня в неизвестность, на сей раз в Италии. Представь себе, Вить, я одна, вокруг люди, говорящие на незнакомом, хоть так мной любимом итальянском, и полная неизвестность. Я забилась в самый угол вагона и попыталась стать незаметной, только бы меня не трогали. Какие мысли только не крутились у меня в голове, а если со мной что-нибудь случится, что будет с Владиком, его же не отдадут маме, он же останется сиротой навсегда. Я решила, что сойду на ближайшей станции и вернусь в Рим, упаду в ноги отцу Джианни, только бы он отправил меня обратно на Украину. Видно, всё это меня вымотало окончательно, и я уснула. И во сне ко мне явился мой Саша. Он был спокоен и даже улыбался. «Не выходи из поезда, не выходи. Это твой путь. Пройди его. Всё будет хорошо» – говорил он. И в этот момент я проснулась. Поезд останавливался. Это была Перуджа. Я схватила сумку, в которой вместились все мои пожитки и кинулась к выходу, боясь не успеть выйти.



Я стояла на перроне и озиралась по сторонам. И мне вспомнилось, как совсем недавно или очень давно, я вот так же стояла на вокзале в Черновцах, так же озираясь по сторонам, так же не знала, что меня ждет впереди. Как на всех вокзалах вокруг суетились люди, продвигаясь к выходу, что-то объявляли по громкоговорителю, где-то слышалась музыка. У стены стояли двое

не молодых мужчин и держали в руках большой лист бумаги, на котором было написано моё имя. Я подошла к ним и сказала, как учил отец Джианни, «Mi chiamo Ludmila». Один из них улыбнулся и движением руки пригласил следовать за ними, а другой взял у меня сумку. Я шла за ними на ватных ногах, а в голове шумело и всё крутились мысли: «Куда? Зачем?». Вскоре мы оказались на парковке и меня пригласили сесть в старенький зелёный «Фиат». Я села, а меня всю трясло, комок ужаса подступил к самому горлу, и я только сжала зубы, чтобы они не стучали. «Куда? Зачем?» – билось у меня в мозгу. За этот месяц, что я прожила в церкви, много страшных историй наслушалась и вот сейчас они все снова возникли в памяти, я уже хотела открыть дверь машины и выпрыгнуть на ходу. И снова возник Сашин голос, так явно, что я испугалась, что его услышат сидящие со мной мужчины «Успокойся. Всё будет хорошо» – говорил он. А они, не проявляя никакой тревоги и агрессии, непринуждённо разговаривали, тот, что сидел за рулём, иногда поворачивался в мою сторону и улыбался. Я и подумать не могла, что этот человек через некоторое время станет моим вторым мужем.



Меня поселили в доме женщины, у которой недавно умер муж. После его смерти у неё случился нервный срыв, и она категорически отказывалась находиться в доме одна. Было ей 65-70 лет, аккуратная, всегда причёсанная с лёгким макияжем она любила по вечерам сидеть на балконе с бокалом белого вина и созерцать улицу. Некоторые прохожие мужчины приветствовали её лёгким поклоном, а женщины махали рукой. Проблем по работе у меня не возникло, и я быстро освоилась. Женщину звали Рина, и она категорически запретила мне называть её как-либо по-другому, только Рина. Я занималась уборкой по дому, мы вместе с ней ходили в магазин, вместе готовили еду, и я изучала её привычки, училась готовить итальянские блюда. Мне выделили небольшую светлую комнату, где я вполне сносно обустроилась. Когда Рина хотела ко мне войти, она всегда предварительно стучала и спрашивала разрешения. А по воскресеньям мы готовили торжественный обед и к нам приезжал Морено, сын Рины, тот самый мужчина, сидевший за рулём автомобиля. И всё бы было хорошо, только мысли о сыне не давали мне покоя и разрывали моё материнское сердце. Как только мне начали платить зарплату, я сразу договорилась с Риной о возможности звонков на Украину за мой счёт. Я звонила каждый день. Владик плакал, он жаловался,

что в школе учительница на него постоянно орёт за то, что он разговаривает по-русски, а не по-украински, ребята зовут его «москаль» и постоянно обижают, и вообще он хочет к маме и почему она его не забирает. Я тоже плакала, сдерживаясь как могла, успокаивала его и только после окончания разговора я начинала рыдать, уходя к себе в комнату, плакала уже в голос. Бессонные ночи в постоянных мыслях о сыне доводили меня до нервного истощения. Рина, видя всё это, качала головой и гладила меня по голове, причитая что-то по-итальянски. Вот так продолжалась моя жизнь в течение целого года. Практически все деньги, которые мне платили, я отсылала Тане на Украину. Мне сделали документы, позволяющие мне временно находиться в Италии. Я усиленно занималась итальянским и уже умела общаться в магазине, на улице, с Риной. У меня появился мобильный телефон, правда зарегистрированный на Рину, и я уже могла каждый день звонить Владику, не тревожа её.

Людмила повернулась ко мне лицом и пристально посмотрела мне в глаза, в которых и сейчас читались боль и страдания.

– Я знаю – продолжала она – ты осуждаешь меня, думаешь, но как же она могла оставить сына, ещё такого маленького, хоть и хорошей, но всё же чужой женщине?

– Да, нет, что ты? – попытался оправдаться я.

– Не перебивай – резко оборвала меня она – Я знаю! И не только ты один так думаешь и многие мне это говорили. Но ты пойми! Представь себя на моём месте! Только что умер муж, нет ни денег, ни работы. В городе происходит чёрте-что, митинги, националисты, чёрно-красные знамена. Русские уезжают, кто может. А куда уеду я? Инка писала, что в Брянске не лучше и она сама собралась уезжать за рубеж. У меня было такое состояние! Я не знала, что делать и посоветоваться было не с кем. И мне во все уши говорили: «Уезжай, заработаешь денег, заберёшь сына. Что тебе здесь ловить?». Не нашёлся тот умный и сильный, кто бы взялся мне помочь. Женщине так нужна надёжная опора, особенно в таких сложных ситуациях. Здесь нужен мужчина. Вот ты где был? Почему не помог?

– Я…? – удивился я.

– Да успокойся, это я так для красного словца – уже спокойно сказала Людмила, и продолжала – В один прекрасный день Рина позвала меня с собой на её любимый балкон. На маленьком столике стояли два бокала белого вина, маленькими кусочками нарезан сыр и в вазочке лежали фрукты. «Садись, Люда» – сказала она и сама уселась в плетёное кресло-качалку, стоявшее с другой стороны стола. Рина снова стала

расспрашивать меня о моей жизни в России и Украине, о сыне, о родителях. «К чему всё это?» – напряглась я – «Я же уже не раз ей всё рассказывала». Рина отпила большой глоток вина и вдруг спросила: «Люда, а не хотела бы ты выйти за муж за моего сына?». У меня в руках задрожал бокал с вином. Это было так неожиданно. Я, конечно, замечала, как наверное заметила бы любая женщина, порой долгие взгляды Морено, его неумелые попытки ухаживать за нашими совместными обедами, цветы, которые он как-то принёс и вручил их мне, а не матери. Он не был мне противен, хотя и не вызывал каких-то чувств, кроме благодарности. Но выйти замуж? Мне? За итальянца? Рина серьёзно смотрела на меня: «Ты не торопись, подумай. Морено никогда не был женат. У него всегда были трудности в отношениях с женщинами. А ты ему нравишься! Ты разве не замечала? Подумай, что ты теряешь? Вы поженитесь, ты сможешь привести своего сына в Италию, Морено его усыновит и у нас будет хорошая настоящая семья. Морено сможет вас обеспечить, да и у меня после смерти моего мужа остались некоторые сбережения». Как только я услышала слова о Владике, я уже не думала ни о чём, из глаз сразу потекли слёзы, а я только кивала головой и говорила «Sì, signora, sì, signora, sì, signora».

Людмила снова замолчала и опять устремила взгляд в землю. Молчал и я, ожидая продолжения её рассказа.

– Опять в моей жизни столкнулись любовь и благодарность, которые по Тургеневу не могут жить совместно. Хотя благодарность к Саше в конечном итоге переросла в любовь. Любовь ведь тоже может быть разная. Юношеские первые чувства, первая любовь, как взрыв сознания, когда не замечаешь ничего, кроме предмета соей любви, гормоны бьют в голову и мысли только о нём. Любовь – познание. Как у нас с тобой. Мы же познавали друг друга. Ты – женщину. Я – мужчину. Тогда даже запахи другого пола были новыми и вызывающими желание и стремление к близости. Такая любовь была у меня к Расиму. И я всегда его помню, как своего первого мужчину. И счастье, что этот первый мужчина был мной любим, и я была любима. А любовь к Саше – это прежде всего стремление и возможность создать свою семью с нормальным человеком. Кто бы что ни говорил, но стремление создать семью – это у любой женщины на генном уровне. Природа, куда от неё денешься. Так богом заложено. Он меня любил, я это знаю, чувствовала. Ну и благодарность, конечно, которая переросла в любовь, тем более после рождения такого долгожданного сына.

– А что Морено – спросил я – он любил тебя?

– Морено… В начале я готова была с него пылинки сдувать, ноги омывать, сделать всё, что он захочет, лишь бы забрать Владика и привести его в Италию. Какая любовь!? Ещё не так много времени прошло со дня смерти Саши, я была морально опустошена разлукой с сыном, о каких чувствах можно было говорить. Но я, повторяю, готова была на всё. А Морено и Рина оказались очень умными и деликатными людьми. Они всё понимали и не торопили меня. Торопилась я. Как только был принципиально решён вопрос с замужеством, началась нудная, всё выматывающая работа с бумагами. Бюрократы и в Африке бюрократы. Морено подключал друзей и знакомых, но всё равно всё затягивалось на месяцы и месяцы. И тогда один адвокат посоветовал зарегистрировать брак не в Италии, а на Украине. Мы поехали в Черновцы. Для Морено это была первая поездка за пределы Италии и сразу в страну развитого социализма. Для него это был шок. Но всё же мы с Морено оформили наш брак и по иронии судьбы в том же зале ЗАГСа, где 23 года назад мы расписывались с Сашей. И хотя я стала женой итальянца, ещё целый год потребовался для оформления бумаг, чтобы я могла вывезти Владика в Италию. Два года сын рос сиротой, а я могла с ним общаться только по телефону. И только после того, как я привезла сына в наш новый дом и по прошествии трёх месяцев Владик обнял меня и сказал: «Мамочка, а мой новый папа очень хороший, как и первый, которого мы похоронили», я заплакала, но это уже были слезы счастья, что мой сын со мной и у нас начнётся новая жизнь, и я постараюсь сделать её счастливой для него, для Морено, а может и для себя. Морено сдержал своё слово и ещё через год усыновил Владика. И по законам Италии у него теперь двойная фамилия его двух отцов.

Людмила замолчала, и я увидел, что по её щекам текут слёзы. Она всё сидела в той же позе устремив взгляд в землю и не обращая на меня никакого внимания. Шли минуты, и какая-то необычная оглушающая тишина наполнила всё вокруг, как было уже не раз, когда она появлялась.

– Всё, Вить, это конец. Больше я не приду никогда. Вспоминай меня! А сейчас иди. Я ещё здесь побуду – сказала она и посмотрела на меня сквозь слёзы, стоящие в её глазах.

Я встал и медленно побрёл в сторону кинотеатра и не удержавшись через несколько шагов оглянулся. Скамейка была пуста и только стайка воробьёв суетились возле неё. Я каким-то шестым чувством понял, что на этом закончились мои видения и я уже никогда не увижу свою девушку из прошлого.

Глава 16

Боль, мучительная, пронизывающая боль не уходила не на минуту. Она поселилась в её теле медленно и уверенно занимала всё его пространство. Она стонала, теряя реальность, не осознавая, что происходит. С ней что-то делали и боль уходила, растворялась, затихая на время, и она сама в след за ней растворялась, впадая в забытьё, перемещаясь во времени и пространстве…

Ей всё чаще снилась степь. Бескрайняя, с выжженной, как будто скошенной травой, на которую невозможно было ступать босыми ногами. Огромное солнце расплываясь в мареве клонилось к горизонту. Ветер шевелил подол платья и гнал вперёд шары перекати поле. Хотелось раскинуть руки и бежать, бежать, а потом взлететь навстречу солнцу, жизни, мечте.



В хуторе Калач станицы Филоновской, или Калачи, как его называли сами жители она проводила все летние месяцы с малых лет до окончания школы. Все родственники с маминой стороны были потомственными казаками. Фотографии, старые, на чуть коричневатом фоне с пятнами и изломами, поблекшие от времени, бережно хранились в альбоме. Бабушка иногда сажала Людмилу рядом и рассказывала семейные истории, перелистывая альбом, и время от времени вытирая глаза кончиком платка.

Лишь на секунду, открыв глаза, она увидела склонившееся над ней лицо Владика, которое начало расплываться, медленно перемещаясь и вдруг, непонятно откуда, перед глазами возникали лица её сверстников. Тех далёких детских друзей…

Вихрастый Васёк улыбался и всё звал её куда-то. Это он научил её плавать. Речушка Карман, впадающая в Хопёр, к августу пересыхала местами и уже не нужен был невод, чтобы ловить рыбу. Ребятня ловила её просто руками в мелких заводях.

Сознание снова проваливало её в темноту, отключая от действительности и снов. Вот кто-то ткнулся ей в руку влажной мягкой мордой и перед глазами снова возникла жаркая степь под палящим круглое лето солнцем.

В десять лет бабушка научила её доить корову и это сразу же стало её обязанностью. Корова у бабушки была самой молочной на хуторе. На новорожденных тёлочек выстраивалась очередь односельчан. Белла родилась в начале лета и сразу стала её любимицей. Это она назвала её Беллой, правда местное население не поняло, включая любимой бабушки, и продолжали звать её Белкой. Белла была ласковой и тоже любила её, принимая угощение с рук. Вечером, когда жар ослабевал, они вдвоем уходили в степь. Молодая тёлочка и девчонка с достоинством проходили по деревенской улице, под недоумевающими взглядами казачек и выкриков местных пацанов, но только за пригорком, когда скрывался от взгляда последний дом, Людмила бросалась бежать навстречу заходящему солнцу и ветру, и безграничная радость от бытия настигала её, поглощая без остатка и сомнений. Белла бросалась вдогонку за ней и, наверное, с такой же радостью и без всяких сомнений. И вот бегут наперегонки по степи два существа: человек и телёнок. Бегут, не ведая забот и сомнений. Просто бегут. Белла быстро обгоняла Людмилу, убегая на несколько метров вперёд, но тут же останавливалась и возвращалась, тыкаясь мокрым носом, облизывала руки, всем своим видом выражая любовь и преданность.



Как только она уехала домой, Беллу продали соседям. А через год Белла её уже не узнала.

На глазах выступили слёзы. Разве можно плакать во сне? Ведь она же спит. Белла, степь и заходящее солнце. Когда это было? И было ли? Перед глазами белое марево. Как туман над Хопром на утренней зорьке медленно колышется над камышами. Что это? Ах да, это же потолок! Тёмный силуэт выплывает с краю, заполняя всё пространство перед глазами, склоняется перед ней. Знакомый запах, знакомый голос… Морено… Она пытается улыбнуться и снова слёзы застилают глаза, делая всю картину ещё более размытой, как будто дождевые капли стекают по оконному стеклу. Сознание опять поплыло, унося её все дальше, дальше и дальше...

– Ты что дура? Что ты ржала как конь? Что с тобой? – Зяба крутила у виска пальцем. Людмила смотрела на подругу улыбаясь, готовая снова разразиться заразительным смехом.

– Я просто представила его на пляже…, вместе со мной – сказала она, потупив глаза и снова разразилась хохотом.

1 сентября на первом же занятии по физике именно её вызвали к доске решать задачу. Преподаватель был молодой, симпатичный, наверное, сам ещё не давно окончил институт. Людмила стояла у доски, смотрела на него и вдруг начала улыбаться, потом тихо засмеялась. Преподаватель удивленно посмотрел на неё, не понимая, чем вызван этот смех. Он оглядел себя, посмотрел на доску, на стол. Людмила начала смеяться ещё громче. В разных углах комнаты раздались смешки, а она уже не просто смеялась, а заразительно хохотала. Засмеялся и преподаватель и вот вся группа хохотала, не стесняясь, не понимая, над чем они смеются. Сеанс заразительного смеха закончился так же внезапно, как и начался. Преподаватель махнул рукой, пряча улыбку и Людмила, высоко подняв голову ушла на свое место рядом с Зябой.

– Ну, ты даёшь!!! – Зяба недоуменно смотрела на подругу.

Две Людмилы были подругами сколько себя помнили. В школе, чтобы не путаться, их называли Федя и Зяба, производные от их фамилий. Эти прозвища из школы благополучно перекочевали в институт. И все пять лет их никто по-другому, как Федя и Зяба не называли. Подруги были полной противоположностью. Федя – зеленоглазая блондинка, резко контрастировала рядом с черноволосой, кареглазой Зябой. Федя – легкая, непринуждённая, даже где-то авантюрная натура. На её устах всегда мелькала, как некоторым казалось, загадочная улыбка. Зяба – строгая, немножко замкнутая всегда сдерживала подругу в её чувствах и порывах. Помимо всего прочего их объединяла общая мечта – жить в Москве! Зяба хотела жить где-нибудь недалеко от ЦУМа или ГУМа. Федя – только возле стадиона Динамо. Она была страстной фанаткой футбола и болела за московское «Динамо». Федя даже старалась одежду подбирать под цвета любимой команды, бело-синюю, удачно сочетавшуюся с цветом её волос.

Не успев начаться, занятия в институте закончились. По сложившейся советской традиции всех студентов отправляли в колхозы: собирать картошку, развозить удобрения на поля, строить сараи и коровники. Проще говоря. выполнять любую неквалифицированную работу. Господи, как же это было хорошо! Какой же умный чиновник придумал эту трудовую повинность для советского студенчества. Из колхозов группа возвращалась не просто кучкой студентов, только что встретившихся в аудитории на первых занятиях, а коллективом со своими лидерами и как сейчас сказали бы

«лузерами», сложившимися группировками, со своими королевами и золушками. Именно там в колхозах проявлялись лучшие и худшие качества каждого. Завязывались дружба и симпатии, некоторые из которых перерастали в любовь. Зяба заболела и в колхоз не поехала, и Феди было неуютно без лучшей подруги первое время. Зябу направили в отдел кадров института заполнять карточки первокурсников, где она познакомилась с Инной. Девчонки есть девчонки. Они болтали без умолку, не прекращая работу, нашли кучу общих знакомых, сошлись и подружились. Когда группа вернулась из колхоза подруг стало уже трое: Федя, Зяба и Инна.

Откуда-то из глубины тела, совсем не её, будто бы большого отделенного от неё, нахлынула волна боли, сначала плавно, даже как-то ласково, прильнула к голове, где и находилась какое-то время, а потом сразу ударила невыносимо и она застонала из последних сил и отделилась от этого большого, не нужного тела, где жила эта боль, и поднявшись над ним, стала уплывать, унося всё дальше и дальше…

На втором курсе Федя влюбилась. Она влюблялась и раньше. В школе в каждом новом классе у неё появлялась новая любовь. Новая и самая сильная, чтобы через год снова всё повторилось и она, уже забыв про прежнее увлечение, давала себе слово, что вот теперь это последняя и самая настоящая. Её весёлый и открытый характер всегда располагали окружающих к общению и дружбе. «Что такое школьные увлечения по сравнению с настоящей любовью» – думала Федя и со всем трепетом души отдалась этой влюблённости уже в институте. Сокурсника звали Паша и он пел в институтском ансамбле. Федя просто сходила с ума от этой любви. Актовый зал института не мог вместить всех желающих и билеты на праздничные концерты распределялись комитетом комсомола. Для Феди не существовало препятствий, и она всегда умудрялась достать билет и с замиранием сердца слушать выступление Павла. О её влюблённости знали все, в том числе и сам Паша, который кроме голоса, ничего из себя не представлял. Обычный парень с обыкновенным веснушчатым лицом и большими серо-голубыми глазами, который, как выяснилось значительно позже, сам был безнадежно влюблён в её подругу Инну.

Не в характере Феди было долго страдать, тем более от безответной любви, и на третьем курсе она снова влюбилась. Ведь нет ничего лучшего, чтобы забыть прежнюю любовь, как не влюбиться снова. Парень оказался слишком высоким и очень застенчивым. Зяба и Инна в один голос приговорили его, и Федя не сопротивлялась. К тому же она узнала, что в неё влюблён староста группы Вовочка К. Его все так и называли – Вовочка! Он был совершенно не похож на персонажа из анекдотов про Вовочку. Вовочка К. был очень серьёзный, ответственный и умный парень и вся группа

относилась к нему с большим уважением. Не смотря на свою положительность, он также, как и Федя, обожал футбол. Вовочка помучился два курса и вот на 5-м курсе он признался Феде в любви и сделал ей предложение выйти за него замуж. Он сказал, что любил её все эти годы, и несмотря на её взбалмошный характер хотел бы идти с ней по жизни до конца своих дней. Федя была растрогана, но ответила отказом.

– Вовочка, я люблю тебя как брата, как лучшего друга, но выйти замуж за тебя не могу. Мне кажется, мы не уживёмся вместе и просто поломаем друг другу жизнь – сказала она и поцеловала Вовочку в щёку.

Через много лет на встрече старых друзей однокурсников Федя и Вовочка сидели рядом в ресторане и рассказывали друг другу о своей жизни. Вовочка рассказывал о своей прекрасной жене и дочери. Жене он рассказал о своей первой любви, которая никогда не забывается, про безумную футбольную фанатку, и признал, что Федя была права, вместе они не ужились бы.

Её куда-то везли по длинному коридору и матовые плафоны равномерно мигали сквозь слегка прикрытые веки. Сознание в такт потокам света отмеряло гулкие удары сердца. Тук-тук-тук… пересчитывали колёса каталки по керамическим плитам пола. Или это стучат колёса поезда, уносящего её в неизвестность…? Вокзал. Ночь. Поезд Брянск-Москва. Они с мамой уезжают в Москву, их провожает папа. А ей сегодня грустно почему-то. Весь вагон уснул. Свет погашен. Она одна не ложится и смотрит в окно. Тёмное небо, а по нему плывут чёрные длинные тучки, как лодки гондольеров и на одной из них сидит большая круглая луна. Поезд едет, и она едет, проплывая над верхушками деревьев брянского леса. И в голове сами собой звучат слова:

Луна на тучке проплывала
Над тёмным лесом вслед за мной.
И мне как будто бы кричала:
«Остановись! Постой! Постой!
Приму тебя в свои объятья,
И увезу тебя с собой
Туда, где нет преград для счастья
И вечной суеты людской.
И будем вместе плыть по небу
В ночную даль…
И унесёт бродяга ветер
Твою печаль…»

Её всегда привораживали поезда. Она любила бывать на железнодорожных вокзалах, даже специально приезжала пораньше до отправления

поезда, чтобы посмотреть на суетящеюся толпу пассажиров, подходящие к перрону составы, проводниц в форменной одежде, открывающих двери вагонов, когда они протирают поручни и начинают выходить люди. Весёлые и грустные, озабоченные и рассеянные. Вот мамаша, вытащив чемоданы, сумки, узлы пытается помочь сходящему на перрон мальчишке лет десяти, и всё суетится, оглядывая свои пожитки, а высокий молодой военный уже помогает спуститься другим её детям. А в соседнем вагоне какой-то парень, не стесняясь, целует девушку, а той неудобно и букет цветов в руке мешает, и она не знает, что с ним делать. Люда смотрит на отъезжающий поезд и представляет, как и она когда-нибудь поедет далеко-далеко, а потом и её также кто-нибудь будет встречать с большим красивым букетом.

После второго курса все разъезжались по стройотрядам, и она уговорила Зябу записаться помощниками проводников на поезд Ленинград-Мариуполь. Их определили в соседние вагоны. Людмиле досталась пожилая проводница с добрым усталым лицом, чем-то напоминающим лицо её тёти.

– Люда – представилась она, когда бригадир поезда подвёл её к десятому вагону.

– Зинаида Петровна – ответила женщина.

– А можно я буду Вас звать тётя Зина? – спросила Людмила.

– Да зови как хочешь, племянница – улыбнулась та.

Так и повелось, целый месяц они были вместе. У Зябы старшей оказалась женщина моложавая и она по вечерам с удовольствием выпроваживала её в соседний вагон. В перерывах между нехитрых обязанностей они пили чай и разговаривали. Тётя Зина рассказывала про войну, как её, ещё совсем молодую девчонку, отправили на курсы медицинских сестёр, но слава богу, война кончилась, и ей не пришлось ехать в действующую армию, а по госпиталям два года помоталась, насмотревшись на раненых и искалеченных, там и замуж вышла за молодого солдатика и уехала с ним в Ростов, где жили его родители. Да не долго женой побыла, овдовела. Зарезали её Ванечку. После войны в Ростове уж больно бандюги свирепствовали, вот муж и попался под раздачу. Он водителем был, так его машину остановили, а его зарезали. А потом помотало по стране, на стройках была, и в колхозе работала, пока не осела в Брянске. А детей бог не дал. Не судьба!

Девчонки слушали рассказы тёти Зины, делились своими переживаниями и всегда удивлялись, как она могла всё выслушать, понять и совет дать, подкрепленный житейской мудростью.

Людмила жалела только об одном, что за всё это время Ленинград удалось посмотреть только из окна вагона. На конечных станциях как раз начиналась настоящая работа, надо было собрать и сдать всё использован-

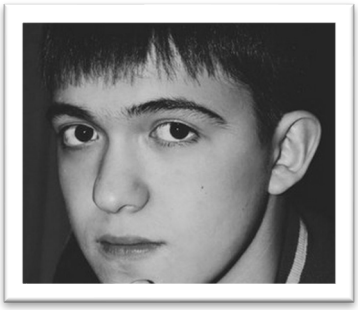
ное постельное бельё, принять новое, произвести уборку всего вагона, вычистить туалеты, хотя тётя Зина взяла эту работу на себя, буркнув в начале «Ещё намоешься», заполнить баки водой, получить сахар, чай, печенье и многое другое.

Особенно тяжело было ночами. Вечером медсёстры ставили ей капельницу и боль пряталась где-то в глубине, ожидая своего часа. Она знала, что ближе к утру она заворочается, заурчит как голодный зверь и набросится на неё. Она лежала в полузабытье, полудрёме, иногда полностью проваливаясь в темноту, из которой так же внезапно сознание вдруг вырывало её и вокруг возникали образы, такие близкие, родные и очень любимые.

В начале четвёртого курса появился Витька. Она так и звала его про себя – Витька, не Витя, не Виктор, а Витька. Высокий, красивый, как оказалось, живущий в Новом городке, совсем недалеко от её дома. Он ей нравился, да и подруги одобряли её выбор. Но их странные отношения продолжались совсем недолго. Она никак не могла понять его, приблизить его к себе, чтобы потом наслаждаться этой близостью. И когда казалось, что вот этот момент настал и теперь они будут вместе, Витька вдруг внезапно отдалялся. И расстались они странно, он просто перестал встречаться, звонить, ничего не объясняя, даже тогда, когда она пыталась выяснить, что же случилось. Она переживала, виня во всём себя, что не так себя вела, не смогла удержать. Подруги утешали: «Забудь. Пусть ему будет хуже». Но Витька не забывался. В декабре перед Новым годом он уехал на преддипломную практику в Свердловск. Больше они не виделись. И только та странная и неожиданная открытка, поздравления с Новым годом «…неожиданно не правда ли?..», снова разбередили её душу.

С каждым днём ей становилось всё хуже. Дни и ночи слились в одну мелькающую череду тьмы и света, и она уже перестала их считать. Пропал голос, и она могла лишь смотреть на сына и Морено и с огромным трудом изображать спокойствие и некое подобие улыбки. Всё чаще и надолго её душа покидала тело и переносилась в те далекие и счастливы времена, где она была молода, здорова и красива. И всё чаще ей не хотелось возвращаться обратно и снова осознавать себя беспомощно, лежащей в чужой кровати с чувством постоянного ожидания возвращающейся боли…

Расим… Красивый парень. Впрочем, все парни, с которыми она встречалась, были красивыми. С Расимом она сидела рядом в той комнате отдыха в Рязани. С одной стороны Илья, местный заводила, а с другой Расим. Он ей понравился сразу. Красивый, с характерными чертами татарского этноса, резко контрастировал на её блондинистом фоне. В свободные от футбола вечера они начали вместе гулять по городу. Расим показывал ей город, интересно рассказывал, не без юмора вспоминая исторические факты, связанные с монголо-татарским игом. Она всё больше влюблялась, напрочь забыв про Витьку, и старалась всё свободное время проводить с ним. Все их встречи носили дружеский характер, хотя она чувствовала, что тоже нравится Расиму, и от этого ещё больше влюбляясь. Когда они прощались перед её отъездом, он поцеловал её, и она с удовольствие ответила, вложив в этот поцелуй всю свою новую расцветающую любовь.



Белый потолок темнеет, становится почти чёрным и на нём появляются светящиеся полосы и точки. Что это? Она напряжённо всматривается, может это огни от проезжающих за окном машин пробиваются сквозь неплотно задёрнутые шторы? Или это звезды? Конечно, это звёзды на небе! Как она сразу не догадалась. Они такие большие и яркие. Вот, и мама с папой рядом со мной. И мы ночуем в саду у бабушки, а над нами звёздное небо. Оно притягивает и завораживает. И кажется таким близким, только протяни руку и дотронешься вон до той, мерцающей зеленоватым светом, или поймаешь падающую звезду. В августе столько падающих звезд. Она протягивает руки вверх, а мама смеётся, и рассказывает ей про вселенную, созвездия и планеты. Они находят на небе Большую и Малую Медведицы. Эти Медведицы такие яркие, и так близко, и она снова протягивает к ним руки. А в Италии звезды высоко, Большая Медведица плохо видна, а Малую так вообще не видно, она постоянно пыталась их разглядеть, даже специально для этого ездили с Морено, искали какое-нибудь хоть немного затемнённое место, но всё безрезультатно. Она и знала, где их искать, но не находила.

На протяжении всего года она жила Расимом. Писала ему письма и получала в ответ ласковые признания в любви и была счастлива. Она почти перестала ходить на танцы с девчонками, встречаться с парнями и всё мечтала, как придёт весна и она снова поедет в Рязань и встретится с ним. И весна пришла, и Людмила бегала в деканат и на кафедру доказывая, что её

дипломная работа обязательно требует проведение практики в Рязани. Людмила не была бы Людмилой, если бы ей не удалось всех в этом убедить. Она считала дни до отъезда, специально не сообщая дату приезда Расиму, собираясь устроить ему сюрприз.

Их первая встреча через год разлуки, и рука в руке, и глаза в глаза, и нежный поцелуй. И завертелось, закружилось. Диплом был заброшен, и Людмила уже не представляла, как она будет защищаться. Но хотя бы уменьшить количество встреч, заглушить поток мыслей она уже не могла, да и не хотела. Они гуляли по городу, катались на лодке в Центральном парке культуры и отдыха, где были большой Рюминский пруд, уезжали на целый день на Оку. С Расимом было интересно, он много знал и умел рассказывать. Особенно он интересовался историей и с увлечением рассказывал про древнюю Русь и татаро-монгольское иго, как был уничтожен старый город и отстроена новая Рязань. Людмила наслаждалась его обществом, её тянуло к нему, и она была готова отдать себя всю без остатка этому человеку. Расим вёл себя очень сдержано. Они целовались и обнимались, но он никогда не предпринимал попыток ускорить их сближение и Людмилу это одновременно и радовало, и настораживало. Но каждый день ей снова хотелось его увидеть, она засыпала и проспалась с мыслями о нём. Летели дни, неумолимо сжигая время, и всё ближе и ближе становился день её отъезда.



Как-то раз они договорились пойти в кино, и Люда вся готовая к свиданию, причесанная, накрашенная, одетая ждала его в общежитии. Вот уже шесть вечера, вот прошло еще полчаса, а Расима нет. Она вся на нервах и мысли всякие лезут в голову и дурные и тревожные. В восемь часов Людмила приказала себе прекратить ожидать, придёт утро и всё разъяснится. И в этот самый момент раздался стук в дверь. Она открывает дверь, а за ней стоит Расим и улыбается.

– Который сейчас час, шесть или восемь? – ехидно спрашивает Людмила.

– Это тебе – протягивает Расим огромный букет ромашек – я специально ездил за город, чтобы нарвать их для тебя, а автобус, на котором я должен был вернуться, не пришёл и мне пришлось идти пешком десять километров, прости меня пожалуйста.

Людмила берёт букет и со слезами на глазах бросается Расиму на шею. Ромашки рассыпались по полу, а её поцелуи вперемежку со слезами

покрывали его лицо. Не каждому в этом возрасте удаётся сдержать бушующие в теле гормоны, сдобренные влюблённостью, приправленные создавшейся ситуацией. Не удержались и они. Её душа взлетела и окинула взглядом молодые тела, сплетённые любовью, среди разбросанных по полу ромашек.

– «…сплетенье рук, сплетенье ног, судьбы сплетенье…» – всё повторяла она.

На следующий день Расим пришёл к ней в костюме, и очень торжественно и серьёзно сделал ей предложение выйти за него замуж.

– Конечно, да! Я же люблю тебя – не задумываясь отвечает Людмила – я так тебя люблю!

– Только сначала я должен познакомить тебя со своей семьёй, с отцом, матерью и сестрой. Мы должны получить их благословение.

Через несколько дней Расим повёз её знакомиться с семьёй. Они жили в обыкновенном пятиэтажном доме на третьем этаже. Расим открыл дверь своим ключом, и они вошли в прихожую. В дверях, ведущих в комнату, стояла высокая красивая темноволосая девушка примерно её лет и смотрела на Людмилу с нескрываемой ненавистью. Её взгляд так и сверлил её насквозь, Людмиле стало неприятно и холодок пробежал по спине, но она, оцепенев, стояла и улыбалась ей. Девушка, ни слова не говоря, прошла мимо неё к двери и, выйдя из квартиры, побежала в низ по лестнице.

– Это моя сестра – тихо за спиной сказал Расим.

В прихожую, в которой по-прежнему стояли Расим и Людмила, вошёл его отец, который тоже с нескрываемой злобой окинул их взглядом, притихших, стоявших рядом друг с другом.

– Я же тебя предупредил, что бы ты её в наш дом не приводил – сквозь зубы сказал он, глядя в глаза Расиму, так же прошел мимо них и вышел из квартиры, сильно хлопнув при этом дверью. Людмила даже вздрогнула от неожиданности и прильнула к Расиму. А он по-прежнему молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Что происходит? – прошептала она.

В это время в дверях прихожей появилась невысокая полноватая женщина в цветастом зеленом платке и халате.

– Это мама – услышала Людмила тихий голос Расима за спиной.

– Здравствуйте – поздоровалась женщина – походите пожалуйста в комнату – сделала она приглашающий жест рукой.

Она села на диван и попросила Людмилу сесть рядом.

– Видите ли, Людмила – начала она – наша семья происходит из старого татарского рода, мы мусульмане и традиции нашего рода, нашей семьи и нашей веры предписывают выбирать невесту, будущую жену для своего сына тоже из мусульманских татар и ни в коем случае из русских.

Она ещё что-то говорила о родственниках, традициях и религии, но Людмила ничего этого не слышала. Она смотрела на Расима, который стоял, низко опустив голову и не говорил ни слова. И она поняла всё, он не пойдёт против воли родителей. «Тогда зачем он привёл её в этот дом? На что он надеялся?» – стучали мысли в её голове.

Людмила бросилась к выходу. На скамейке возле подъезда сидели отец и сестра Расима. Людмила бежала в общежитие, не разбирая дороги, и слёзы застилали ей глаза. «Я же люблю его. Ну, как же так? Почему он со мной так поступил?» – всё время повторяла она. Всю ночь она проплакала, а утром, даже не подписав документы об окончании практики, уехала домой.

Вдруг она услышала музыку, где-то далеко и тихо звучал знакомый голос. Люда прислушалась: «Да это же их с Сашей любимая песня!».

Вновь о том, что день уходит с земли,
Ты негромко спой мне,
Этот день, быть может, где-то вдали,
Мы не однажды вспомним.
Вспомним, как прозрачный месяц плывёт
Над ночной прохладой,
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.

Песня пронизывала её насквозь, заставляя ещё сильнее сомкнуть веки, дрогнули уголки губ, и она ощутила слезу, медленно скатывающуюся по щеке. Она попыталась открыть глаза, чтобы понять откуда звучит музыка, но увидела перед собой только белое марево, медленно качающееся, как будто она оказалась в облаке. И тогда она снова закрыла глаза и превратившись вся в слух, продолжала слушать.

Всё пройдёт — и печаль, и радость,
Всё пройдёт — так устроен свет.
Всё пройдёт, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет.

Перед глазами проносились лица Паши, Витьки, Расима, Саши, они кружились в хороводе, пытаясь взять её за руки и никак не могли этого сделать. Ей стало грустно и больно, как тогда в Рязани. Эта

обида и любовь доставляли невыносимую боль и страдания. Страдания любящей и преданной женщины настолько многогранны. Адская смесь желания отомстить и спасти, защитить любимого. Людмила застонала, а прошлая душевная боль, медленно перерастая в физическую, заставляла замирать, напрягая всё тело. А песня продолжала звучать всё тише, как бы уходя в прошлое.

Спой о том, как вдаль плывут корабли,
Не сдаваясь бурям,
Спой о том, что ради нашей любви
Весь этот мир придуман.
Спой о том, что биться не устаёт
Сердце с сердцем рядом,
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.

Она ощутила прикосновение к своему телу. Кто-то склонился над ней. «А это наверное медсестра?» – пронеслось у неё в голове. По телу начало растекаться тепло, загоняя боль в самые укромные уголки. «Это укол» – поняла она, расслабляя напряженные суставы и прислушиваясь к еле звучащим словам и музыки.

Вновь о том, что день уходит с земли,
Ты негромко спой мне.
Этот день, быть может, где-то вдали,
Мы не однажды вспомним.
Вспомним, как звезда всю ночь напролёт
Смотрит синим взглядом,
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.
Лишь о том, что всё пройдёт,
Вспоминать не надо.

И вот её сознание медленно теряет связь с действительностью, и воспарившая душа еле слышит последние слова песни:

Всё пройдёт — и печаль, и радость,
Всё пройдёт — так устроен свет.

Всё пройдёт, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет.

Перед глазами появляется лицо Саши, её бедного мужа. Они, взявшись за руки, бегут по мягкой траве луга, а впереди возвышаются покрытые зелёной листвой Карпаты. Солнце светит им в спины и их длинные тени колышутся впереди, и вот они уже отделились от земли и взлетев продолжают свой танец, кружась над ними. Она смотрит на этот танец теней над её головой, и сама начинает кружиться всё сильней и сильней. И уже пропал Саша, пропали Карпаты и сплетённые в танце тени, кружилось всё – кровать, комната, голова и она застонала из последних сил, схватившись руками за поручни кровати, и вот снова появился Саша, взял её за руку, и кружение прекратилось, и она с благодарностью сжала его руку. Она всегда жалела его. Он спас её от этой муки, которую она испытывала последние годы, он подарил ей сына, и она была благодарна ему за это до последних дней.

Всё последующее время после практики проходило для неё как во сне. С помощью подруг она готовила дипломную работу, ходила на консультации, чертила «листы» (так среди студентов назывались листы чертежей), писала пояснительную записку, а мысли крутились вокруг Расима и его семьи. Она не могла его забыть, своего первого мужчину, свою настоящую любовь. Однокурсники не узнавали Людмилу, из весёлой, жизнелюбивой фанатки она превратилась тихую, замкнутую, вечно погружённую в себя. Даже любимый футбол не мог её заставить не думать о случившемся в Рязани. «Да, забудь, ты его. Разотри да выбрось» – советовали подруги. Но она не могла его забыть, оправдывая, выдумывая причины, объясняющие его поведение. Она просто его любила! После защиты диплома подруги разъезжались в разные концы страны. При прощании Людмила сказала им: «Если у меня когда-нибудь родится сын, я назову его Расим».

Её по распределению направили в г. Вольск Саратовской области на Вольский механический завод. Небольшой городок, расположенный на правом берегу Волги, вполне устраивал Людмилу в её состоянии. Из всего курса на этот завод попала только она, что тоже было неплохо. Никто не приставал с расспросами и воспоминаниями. Завод, выпускавший в том числе и военную продукцию, начал работать только несколько лет назад, и поэтому коллектив был в основном молодой.

Время лечит – кто придумал эту мудрость? Людмилу время лечило очень медленно. Она так и не могла забыть Расима, их прогулки по городу, катание на лодке, жаркие поцелуи и ромашки, разбросанные по комнате… Когда она видела в каком-нибудь журнале фотографии с ромашками, она обязательно покупала этот журнал, вырезала ромашки и складывала их в специальную папку, в которой хранила фотографии и письма от Расима.



Подруги устраивали свою личную жизнь. Через год замуж вышла Инна за их общего однокурсника. На свадьбе в родном Брянске Людмила встретилась и с Зябой, которая работала в Новгороде. А ещё через год вышла замуж и она, встретив своего мужа в Киеве, куда она поехала в командировку. И только Людмила, самая из них веселая и активная, на кого больше всех обращали внимание парни и которая сама влюблялась неоднократно, оставалась одна.

Иногда ей становилось лучше, боль отступала, и сознание не путешествовало по лабиринтам мест и времени. И стразу приходили Морена и Владик. У неё складывалось впечатление, что они всё время находились рядом, и как только позволяла ситуация, они появлялись в её палате. Она не могла говорить и писать стало невозможным и только смотрела на Морено и сына, улыбалась одними глазами и просила у него прощения. «Мамочка, а мой новый папа очень хороший, как и первый, которого мы похоронили» – звучали у неё в голове слова маленького Владика. Какой он стал большой и сильный, её сын. Она быстро уставала и закрывала глаза, перед которыми вновь возникали картины прошлого.

Залитая солнцем улица Ленина, казалось, звенела от зноя. Люди прятались в тени домов и деревьев. У киосков с газированной водой и мороженным образовывались небольшие очереди. Людмила медленно шла по улице, облизывая быстро таявшее мороженное. Лёгкое платьице не обеспечивало прохлады, от мороженного ещё больше захотелось пить и она уже представляла себе, как придётся трястись в

троллейбусе среди потных тел пассажиров. Остановившись возле витрины магазина, рассматривая симпатичный наряд на манекене, она вдруг услышала сзади себя: «Федя! Не может быть!». Она уже сто лет не слышала, что бы её кто-нибудь так называл. Повернувшись, она увидела Сашку, того самого Сашку, учившегося в одной группе с Расимом, неподалёку сидевшего в комнате отдыха Рязанского радиотехнического института, когда они смотрели футбол. За секунду в голове пронеслось всё, что с таким трудом удалось запрятать в самые дальние уголки своей памяти.

– Саня! Ты? Не может быть! А ты какими судьбами в моём городе оказался? – спросила она, из всех сил стараясь быть спокойной.

– Так это и мой родной город – ухмыльнулся он – А ты не знала? Я же из Брянска, вот приехал в отпуск родителей навестить.

– Вот это да, а я и не знала, что мы земляки – сказала Людмила – и я в отпуск приехала.

Они до самого вечера гуляли по улицам города, сидели в кафе и в тенистых скверах, даже сходили на стадион брянского Динамо. На дорожках стояли две поливомоечные машины и поливали газон футбольного поля, готовя его к вечернему матчу. Водяная пыль витала в воздухе, создавая прохладу и радугу над футбольным полем, и они долго стояли, любуясь этим зрелищем.

Людмиле оказалось с Сашей легко и спокойно. Он очень интересно и подробно рассказывал ей про Черновцы, где он сейчас работал на заводе, относящемуся к министерству обороны. И ей сразу захотелось побывать в этом городе, расположенном всего в 40 километрах от румынской границы у подножия Карпат. Погулять по его мощёным улочкам, наслаждаясь архитектурой старых зданий, построенных ещё во времена Австро-Венгерской империи, посидеть в сквере на театральной площади у знаменитого театра, построенного известной венской фирмой Фельнера и Гельмера, посмотреть на здание железнодорожного вокзала, отелей «Бристоль» и «Золотой лев» и конечно побывать возле бывшей резиденции митрополитов Буковины и Далмации. Она в свою очередь рассказывала про Вольск и Волгу, про свою бабушку и родителей, старых и новых друзей. Александр оказался очень тактичным и ни разу не упомянул про Расима и только когда она сама спросила, постаравшись сделать как можно более равнодушный вид, а не знает ли он, где сейчас Расим, он также равнодушно и кратко ответил, что у него нет никакой информации о нём. И только уже много позже, через несколько лет, Саша рассказал Людмиле, что вся группа, узнав каким-то образом, что произошло между ней и Расимом, объявила ему бойкот.

Они проводили вместе всё оставшееся от отпуска время, вполне в дружеском общении, и каково же было её удивление, когда за два дня до её отъезда, он предложил ей выйти за него замуж.

– Ты мне всегда нравилась, с первого дня, когда я увидел тебя, входившую в комнату отдыха, но я никак не мог отважиться подойти к тебе, а потом этот Расим – сказал Саша – Выходи за меня, я обещаю быть тебе хорошим мужем и никогда не обижу тебя и никому этого не позволю.

Людмила ничего не сказала, а только поцеловала его в щёку и убежала.

– Я буду ждать тебя! Приезжай! – услышала она отчаянный возглас Саши.

Дома Людмила заперлась в комнате и не выходила да самого вечера. Она была в смятении и не знала, что делать. Ей даже посоветоваться было не с кем, подруги были далеко. Она не испытывала к Саше тех чувств, когда кажется весь мир готов вместе с ней петь от счастья любви. Как в том фильме – когда и воздуха не хватает чтобы дышать. Наверное, она всё ещё любила Расима, несмотря ни на что. «Что делать? Что делать?» – стучало в её голове. «С другой стороны, годы идут, вон девчонки уже все с семьями и дети появились, а я всё одна. Так и в старых девах не мудрено остаться. Саша хороший, надёжный» – продолжала размышлять она – «И чем я рискую? Ну не сложится, не слюбиться – вернусь в Брянск или ещё куда поеду».

Она так и заснула на диване, укутавшись бабушкиным пледом. Следующий день она провела в сборах, прощании с родными и родственниками. Саша не приходил и не звонил. «Ну и ладно. Пусть будет, как будет» – решила она.

На вокзал она поехала одна, еле уговорив маму и брата не провожать её. Она стояла у вагона, успев занести вещи, и смотрела на суетившуюся толпу людей, мошкару, кружившуюся у фонарей, в окна вагона прибывшего на соседний путь поезда, когда появился Саша. В его руках был скромный букет цветов, который он без слов протянул Людмиле. Они стояли рядом, смотрели в глаза друг другу и не замечали людей, обходивших их с обеих сторон. Проводница начала приглашать отъезжающих зайти в вагон, потому что поезд сейчас отправляется, и уже обращаясь непосредственно к ним, сказала: «Молодые люди, прощайтесь быстрее. И решайте, а то этот миг может не повториться».

– Приезжай. Я буду ждать – сказал Саша.

– Я приеду! – ответила Людмила, поцеловала его в губы и вскочила на подножку вагона. За ней зашла и проводница, держа в руке

свёрнутый жёлтый флажок, и в этот момент поезд тронулся. Люда стояла у окна и смотрела на Сашу, который сначала, шёл рядом с вагоном, потом побежал, а потом отстал и всё смотрел в её сторону, высоко подняв руку и что-то крича. А Люда ещё долго смотрела в окно, и в голове в такт колёсам поезда звучали слова:

Лица у вокзала. Лица у перрона.
Кто-то провожает, а кого-то ждут.
Слишком мало времени у дверей вагона.
Надо много высказать мне за пять минут.
Очень скоро поезд унесет сомнения.
Унесет с собою все мои права.
Пять минут мгновений, чтоб принять решенье,
чтоб успеть сказать главные слова.
Занимает место проводник спокойный.
Уплывает поезд в привокзальной тьме.
Мечется по окнам взгляд мой обреченный,
но находит только, блики на окне.
Вдруг в проёме света силуэт знакомый.
Словно семафором вскинута рука.
И пронзает ветер голос напряженный.
До меня доносится крик издалека.
Так кричат в отчаянье. Так кричат в испуге.
На скаку в атаке головы рубя.
Обгоняя поезд в громком перестуке
Слышу на прощанье «… я ж люблю тебя!»

Исчез за поворотом вокзал, вот уже и огни города скрылись за деревьями брянского леса, а она всё стояла и смотрела, и на газах у неё появились слёзы, которые она не вытирала. Она прощалась с юностью, с прошлой жизнью, она приняла решение, которое навсегда изменит её будущую жизнь. Она это понимала. Как изменит? Никто не знает. Время покажет!

– Муж или жених – спросила, проходившая мимо проводница.

– Муж – ответила Людмила.

Последнее время она почти не чувствовала боли. «Почему?» – думала она и отвечала сама себе: «Боли нет потому, что нет тела. Нечему болеть». И действительно, у неё не было тела, она его просто не ощущала. Она попробовала двинуть рукой и не поняла, подвинулась рука или нет. «Вот и хорошо» – сказала она себе – «Раз я думаю, значит

пока жива». Она с трудом попыталась открыть глаза и снова их закрыла, потому что перед глазами кроме бело-серого тумана не было ничего. Перед ней снова возникло лицо Саши, молодое, улыбающееся лицо. «Приезжай, я буду ждать» – говорили его губы. Она не слышала его голоса, но всё поняла…

Люда не задержалась в Вольске. Сразу после приезда из отпуска она написала заявление об увольнении по собственному желанию. Люду любили друзья и уважало руководство, ей пошли навстречу и отпустили, не заставив отрабатывать положенные в таких случаях две недели. Ещё пару дней потребовалось на оформление документов, сбор вещей, вместившихся в два чемодана и прощание с друзьями.

И вот стучат колёса поезда, увозящего её на западную Украину, увозящую от старой жизни, от затаённых обид и не востребованности, прежде всего как женщины, в поисках нового счастья. И ей казалось, что вот сейчас пересечет она границу Украины и все проблемы останутся воспоминанием, которые со временем забудутся окончательно. Она специально ничего не написала Саше, не дала телеграмму. Она решила, что сразу увидит всё в его глазах и поймёт. А дальше будь что будет! Она даже не сообщила Зябе, делая пересадку в Киеве. Зачем? Когда ещё пока ничего не понятно. Вот устроится и сообщит.

Черновцы встретили её ласковым солнцем и лёгким ветерком, дующим со стороны Карпат. Здание вокзала выигрышно отличалось от вокзалов в Брянске и Вольске. Привокзальная площадь устлана брусчаткой, везде слышалась украинская речь. Людмила стояла со своими двумя чемоданами и озиралась по сторонам, соображая, что делать дальше.



– Тобі куди, дівчина?

Перед Людмилой стоял средних лет мужчина, покручивая на пальце ключи от машины. Она, не говоря не слова, протянула ему бумажку, на которой был написан адрес общежития Саши.

– Так, це недалеко. Три рубля тебе влаштує? – спросил мужчина и продолжил, перейдя на русский язык – это же общежитие завода? Доедем быстро. Стой здесь, никуда не уходи.

Мужчина, продолжая крутить ключи на пальце, перешёл площадь и исчез за кустами. Через пару минут перед Людмилой остановились вишнёвые жигули, из которых вылез знакомый мужчина.

– Давай твої валізи, красуня – снова перейдя на украинский сказал он, запихивая её чемоданы в багажник машины – Сідай, поїдемо. Ласкаво просимо в місто Че.

– В какое место – переспросила Людмила, не поняв, что ей говорят.

– В Черновцы – засмеялся мужчина, снова перейдя на русский – так мы называем наш город.

Из окна автомобиля Людмила смотрела на улицы незнакомого города, совсем другого, отличного от тех городов, в которых ей приходилось бывать ранее, и её сердце замирало в восторге и тревоге.

Водитель, не переставая болтал без умолку, переходя то на украинский, то на русский язык, рассказывая про попадающиеся по дороге здания, произнося название улиц и парков, но Люда слушала его в пол-уха, всеми мыслями и чувствами ожидая предстоящей встречи.

За окном появились постройки развитого социализма, пятиэтажные, трёхэтажные коробки, даже в дали мелькнула одна девятиэтажка.

– Ось і приїхали – сказал водитель, останавливая машину возле одной из таких пятиэтажных домов – Це гуртожиток радіотехнічного заводу, поштова скринька якийсь.

Он помог Людмиле выгрузить из машины чемоданы и поставил их возле скамейки, стоящей рядом с подъездом общежития под большими кустами сирени.

– Ну прощайте, панночка. Будь щаслива – сказал он, садясь в машину и махнув рукой на прощание.

Оставшись одна, Людмила присела на скамейку. Но её одиночество было нарушено проходившей мимо молодой женщиной.

– Во, в нашем полку прибыло. К кому пожаловали, мадам – с весёлой искоркой в голосе спросила она.

– К Саше Кулешову – сказала Люда, вставая со скамейки – он когда придёт?

– Так ещё часа через два-три – сказала женщина, взглянув на часы – А ты кто Сашку будешь?

Люда на мгновение задумалась: «Как отвечать? Кто она ему? Сказать жена, а если не получится, позора не оберёшься, да Саню можно подставить. Я же не знаю, как тут у него. Сказать невеста? А может он и не говорил всем, что у него невеста есть. Какая я невеста?».

– Знакомая – наконец сказала она.

– Хорошая знакомая али так? – хитро сощурившись, спросила женщина – Меня Таня зовут.

– Хорошая! Я Люда.

– Так, зараз всё устроим. Сиди здесь, хорошая знакомая, я сейчас – снова улыбнувшись, сказала Таня и скрылась в подъезде общежития.

Люда снова села на скамейку и принялась ожидать. Примерно минут через тридцать-сорок заскрипели тормоза, и из подъехавшего УАЗика вылетел Саша и бросился к ней.

– Приехала, ты всё-таки приехала, я так и знал, что ты приедешь – говорил он, обнимая и целуя её.

Из подъезда вышла Татьяна и, стоя на крыльце, наблюдала всю эту захватывающую сцену встречи.

– Танька, ко мне жена приехала – не скрывая восторга, сообщил Саша.

– А что же ты говорила – знакомая? – обратилась к Людмиле она.

– Так тогда я была знакомая, а теперь жена – не растерявшись ответила Люда и все трое рассмеялись.

– Нечего тут стоять, народ пугать, вон из окон уже повысовывались, идите устраиваться, я уже договорилась с комендантом – сказала Таня и, подхватив один чемодан, направилась к дверям общежития.

У Саши была отдельная комната, даже не комната, а маленькая квартира с кухней, ванной и туалетом. Как только за Таней закрылась дверь, Саша подошёл к Людмиле, стал перед ней на одно колено и протянул открытую коробочку с кольцом с маленьким бриллиантиком.

– Выходи за меня замуж – сказал он.

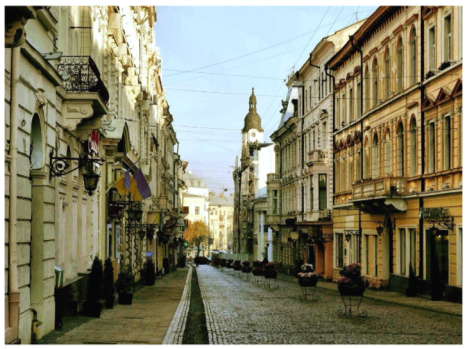
– С огромным удовольствием – ответила Людмила и тоже опустилась на колени.

Так они и стояли на коленях, обнявшись, пока в дверь на ворвалась неугомонная Татьяна. В одной руке у неё была тарелка с бутербродами, а в другой чайник, из носика которого ещё струился пар.

– Ну, ты даёшь – накинулась она на Сашу – она же с поезда, усталая, голодная. Потом миловаться будете, а сейчас за стол.

Таня уже орудовала на кухне, доставая чашки, гремя кастрюлями и какой-то кухонной утварью.

С первых дней пребывания в Черновцах у Людмила было приподнятое настроение. Она вычистила всю квартиру, перестирала одежду, шторы, покрывала. Постелила салфеточки и расставила всякие безделушки. Уже на следующий день они отправились в ЗАГС и подали заявление, а вечером в красном уголке общежития накрыли стол в складчину и отметили их помолвку. Организовала всё конечно Таня, которая была комсоргом на заводе. Они с Сашей начали хлопотать по устройству Людмилы на работу и здесь очень пригодился её допуск, так как в Вольске тоже был почтовый ящик и весь инженерно-технический персонал получал разрешение к работе с секретной информацией. Пока шли всякие проверки и оформления, у Людмилы было много свободного времени, которое она с удовольствием посвятила знакомству с городом. С первого же времени, ещё сидя в машине, и тем более теперь, прогуливаясь по улицам города, её не покидало чувство, что она не в своей стране, а где-то за границей. Необычная архитектора зданий, напоминающая любимую Италию, которую она с





огромным удовольствием рассматривала в журналах, и даже вырезала эти картинки, многие улицы, особенно в центре города, выложенные брусчаткой, по которой, казалось ей сейчас, гремя колёсами проедет карета, запряжённая четвёркой белоснежных коней, вывески на украинском языке, которые она пыталась понять и иногда не находила ответа, встречавшиеся люди, казалось одетые в другие, чем она привыкла одежды, всё это создавало иллюзию, что она находится где-то в Европе. Она заходила в магазины и опять удивлялась ассортименту товаров, значительно превосходящих в её родном Брянске или Вольске. В городе было много коммерческих магазинов, о которых в России даже не слышали. На прилавках мясных лавок лежали хорошие куски мяса, копчёная колбаса, незнакомые купаты. Ещё большее удивление у нею вызвало посещение рынка, куда Саша повёл её в первый же свой

выходной день. Сказывалось близость границы с Румынией. В городе и близлежащих сёлах проживало много семей, у которых родственники находились по ту сторону границы и у них был облегчённый допуск её пересечения. Миграция товаров через границу была налажена идеально. На рынке всегда можно было купить кроссовки и джины, всякие курточки, маечки и другое барахло. Правда, не редко вещи, продававшиеся как от ведущих европейских фирм, оказывались подделками румынских мошенников, но достаточно качественными.

Всё, казалось, замечательно, вот только Людмиле никак не удавалось преодолеть отсутствие чувственной любви, переступить черту, ставшую непреодолимым препятствием, оставившем в душе её первым мужчиной. В народе бытует мнение, что первый мужчина, первая женщина всегда останутся не только в памяти, но и в душе, как бы ни складывалась дальнейшая жизнь человека. Вот и Людмила, как ни гнала из головы память о Расиме, он продолжал являться к ней во сне, и её снова охватывали те чувства, которые она испытала среди разбросанных по полу ромашек. И она продолжала вырезать ромашки из журналов и складывать их в заветную папку, подальше спрятанную от глаз посторонних. Она испытывала к Саше чувство огромной благодарности, уважения, нежности, но вот трепет в душе и теле от близости любимого человека никак не возникал. И в первое время их близость, нет, не тяготила её, а скорее создавала какую-то неловкость при мысли о необходимости, её обязанности принадлежать ему. Саша оказался и здесь на высоте, он был терпелив и деликатен, ничем не выражая своего неудовлетворения, не торопя события, продолжая ухаживать и заботиться о Людмиле, и от этого у неё ещё больше росла зависимость от этого человека и какое-то далёкое, чуть возникающее чувство тревоги. Оставаясь одна, она иногда открывала свою заветную папку, где среди вырезок из газет и журналов, писем, дневников, записываемых ещё со школы, находилась записная книжка, в которой она записывала понравившиеся ей выражения, стихи, мысли. Перечитывая их, её встревожило и даже напугало одно выражение из стихотворения в прозе И. Тургенева, записанного ещё в юности и не понятого тогда: «Все чувства могут привести к любви, сожаление, равнодушие, благоговение, дружба, страх – даже презрение. Да, все чувства… исключая одного: благодарности». И сейчас, когда её сознание требовало заплатить долг за благодарность, чтобы не быть вечно зависимой, её душа спрашивала, чем заплатить, любовью? Но любовь не деньги, которые можно заработать, одолжить, отнять. Любовь либо есть, либо её нет. Любит ли она Сашу, так как любила Расима? И она не

хотела отвечать на этот вопрос, хотя прекрасно знала ответ. И успокаивала себя народной поговоркой «Свыкнется – слюбится».

Шло время, они сыграли свадьбу, Людмила начала работать, наконец получив все согласования и разрешения, им выделили от завода хорошую двухкомнатную квартиру в новом доме, они построили дачу на берегу реки Прут и они, уже притёршись друг к другу, свыкнувшись, успокоившись, представляли счастливую молодую семью. Людмила перестала копаться в своих чувствах, всё реже заглядывая в заветную папку, и старалась нежностью, заботой заменить отсутствие страсти. «Любовь, ведь она бывает разная» – говорила она себе. Коллектив на заводе подобрался хороший, в основном молодые люди с разных концов страны, сплочённый совместными выездами на природу с шашлыками и песнями, днями рождения, демонстрациями и субботниками. В отпуск они обязательно ездили навестить родителей. Саша был единственным ребенком в семье, отец его умер и для матери, оставшейся одной, он был единственным лучиком света в её жизни. Сначала Люда переживала, как её примет свекровь, но её страхи оказались напрасными. Мать Саши очень по-доброму отнеслась к ней, постоянно называя её доченькой. В дальнейшем Людмила сполна отплатила ей за эту любовь.

Всё было хорошо и только отсутствие детей всё больше тревожило и Люду, и Сашу. Они и в церковь ходили, и к врачам обращались, и в Крым в специальный санаторий ездили – всё напрасно. И вот, когда им было уже по 38 лет, у них появился долгожданный ребенок – сын. Новая жизнь, новые условия, новые отношения. Бессонные ночи, когда так хочется спать, а сын плачет и надо вставать, пелёнки-распашонки, которые необходимо было стирать и кипятить каждый день, молочная кухня по утрам, чтобы успеть до того, как муж уйдет на работу. Люда старалась всё делать сама, чтобы оградить Сашу от этой ежедневной суеты, она, как заведённый робот с единственной установленной программой, вставала, качала, стирала, бежала, кормила и снова по кругу. Это была её плата за благодарность Саше. И только в воскресенье, когда он брал на себя часть её дневных забот, она немного расслаблялась, уходила на часок-другой к Татьяне, забывалась в бессмысленной болтовне, отдыхая душой и телом.

Тем временем страна менялась. Пришла горбачёвская перестройка с ускорением и гласностью, как пена от кипевших страстей всплыли всякие горлопаны, рвавшие глотки на собраниях и митингах, всё больше поднимали головы всякие людишки, призывающие народ за свободную Украину, всё чаще за спиной можно было слышать – «москали» понаехали. Завод лихорадило, и демократические выборы

руководителей подливали масло в огонь. Некогда дружный коллектив раскололся на группки и фракции. Саша приходил с работы нервный и злой. Он очень близко воспринимал всё происходящее и долго рассказывал Людмиле за ужином о происходящих переменах. Кончался отпуск по уходу за ребенком, и определив сына в ясли, она вышла на работу. Но теперь работа отступила на второе место и все мысли были о сыне. Владик болел, впрочем, как болеют все дети, находящиеся в яслях и детских садах, и Людмила сидела на больничном, не спеша снова выйти на работу.

События, происходящие в Прибалтике, подстегнули и украинских радикалов, и уже не таясь раздавались призывы к созданию независимой Украины, образовывались демократические и национальные политические движения. В стране к власти пришёл Ельцин и Советский Союз развалился окончательно. В один миг Саша и Люда стали иностранцами для своих друзей и родителей. Особенно остро перемены происходили на западной Украине, где ещё не было сформировано единого социального общества, где ещё помнили жизнь вне России, где ещё жили те, кто участвовал в полицейских отрядах и националистических бригадах во время отечественной войны, кто всей душой ненавидел «москалей». Некогда спокойная и радостная жизнь начала разваливаться. Даже в детском саду на Владика показывали пальцем и кричали в след «москаль». Владик плакал и не хотел идти в детский сад снова. Постепенно стали пропадать продукты в магазине, и чтобы их получить приходилось простаивать огромные очереди. Некогда процветающий и благополучный город превратился в большую барахолку, торговали все и всем. Начали закрываться заводы. Первой работу потеряла Людмила. К руководству на заводе пришли местные, которые тут же стали устанавливать свои порядки и ставить своих людей. Саша продолжал бороться за производство, вступая в конфликты с новыми начальниками. Его поддерживало всё меньше и меньше людей, никто не хотел завтра оказаться за забором завода, старались тихо переждать смутные времена. Через некоторое время уволили и его. Семья оказалась на грани – ни денег, ни работы. Саша ни мог принять эту ситуацию, он просто не знал, что делать. Люда застала его на кухне, где он сидел, обхватив голову руками, качаясь из стороны в сторону. Лицо его посерело, он что-то невнятно бормотал и вдруг упал, скорчившись, прижав колени к животу. Это был гипертонический криз. Скорая помощь увезла Сашу в больницу, где он и умер той же ночью. Ему было всего 45 лет.

«Подушка влажная, наверное я плакала? Зачем плакать, нельзя, а то увидят Владик и Морено, расстроятся» – думала она и попыталась вспомнить их лица. У неё это не получилось, и она вся напряглась, собрала все силы, всё что у неё ещё осталось. Она вздохнула, воздух оказался такой чистый и холодный, как в горах ранней весной. И свет заполнил всё пространство, чистый и ласковый, и она потянулась к этому свету и вдруг увидела себя на больничной постели и улыбнулась, потому что ей вспомнились стихи из Витькиной тетрадки:

На старом кладбище, в унылой сырости,
В холодной серости могильных плит,
Между кривых крестов Христовой милости
И одиноких звездных пирамид,
На склоне дня, через косое сито
Осенне-мелко-нудного дождя,
Глаза, как рана рваная, открыты,
С тупым испугом в сторону глядят.
Как в зале истерического смеха
С эвклидовой поверхностью зеркал,
Где даже смерть для смеха не помеха,
увидел я, что сам в гробу лежал.
Стекали капли на зонты и листья,
И лица мокрые надели скорбный грим,
Но только две слезы катились вместе
По двум щекам моим, и мертвым, и живым.

Она очень хотела увидеть Владика и Морено и поэтому поднялась всё выше и выше в этом свете, и она смотрела на город, выискивая их, и не находила, и от этого расстроилась. А поток света всё увлекал её вверх. «Опять в неизвестность» – подумала она. Вдруг появилась музыка, такая волшебная, ласковая и она успокоилась…

Глава 17

Из-за гор всходило солнце, посылая первые лучи на крыши старого города, красная черепица которых становилась ещё красней. Город ещё спал, лишь редкие машины, развозящие продукты в кафе нарушали тишину улиц. Но вот уже и аромат приготовленного кофе и свежеиспечённых булочек прозвучал лёгким дуновением. Проснулись птицы, разнося утренний трезвон. Город потихоньку просыпался.

По узкой мощёной улице шёл старик. Он шёл не спеша, опираясь на изящную трость, и утренний ветерок шевелил его длинные седые волосы. Его неблизкий путь лежал к церкви San Costanzo, и ему надо было успеть, пока не началась жара, которая обязательно начнётся в это время года. Он ходил в эту церковь, сколько помнил себя. Сначала с отцом и матерью, потом только с матерью, потом с матерью и женой, а потом к ним присоединился сын. А теперь он идёт один. В тишине храма он поставит свечку, и помолится за упокой души своих близких. Он будет ходить так каждый день, пока есть силы. Он дал обет и выполнит его, пока всевышний и его не призовет на встречу с ними.



Один раз в месяц 10 числа он заказывает такси и едет к старой церкви Santa Maria Degli Angeli, что расположена у подножия холма Assisi. Его жена очень любила эту старую базилику, и они часто посещали её. Именно часовня, которая находится внутри этого храма, была пристанищем святого Франциска. Она по долгу любовалась на фрески 16 века работы Ло Спанья, произведения из майолики Андреа делла Роббиа, портрет святого Франциска, написанный Чибуэ, распятие работы Джунта Пизано и многие другие произведения искусства. Он долго будет молиться, поставит свечи и закажет мессу за упокой её души. А потом он поедет на окраину города на Via Enrico dal Pozzo на кладбище, расположенное возле церкви Chiesa di San Bevignate, где среди надгробий найдет белую плиту с непривычным для Италии именем Ludmila, положит небольшой букет цветов и заплачет.

